

7 M.

Веселая и всякая любимая сказка о Винни-Пухе не подчиняется законам сказочного жанра. Сказка лишена отрицательных персонажей, борьбы добрых и злых сил. Главные герои сказки – Игрушки, мальчика Кристофера, с которыми приключаются забавные ситуации в волшебном лесу... На нашем сайте сказка представлена в переводе Закодера

- ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой мы знакомимся с Винни-Пухом и несколькими друзьями
- ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой Винни-Пух пошёл в гости, а палка в башмачное отверстие
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой Пух и Пятачок отправились на огули и чул-чул не поймать буку
- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Иа-Иа терит: хош, а Пух наидет
- ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой Пятачок встречает Соловьиного
- ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой у Иа-Иа был день рождения, а Пятачок чул-чул не улетел на Луну
- ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой Кролик и крошечка Родя поехали в гости, а Пятачок перелетел в лес
- ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой Крошторов Роден собрался встретить «исполнителя» из Саваннесы Полюсу
- ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой Пятачок совершил очередной водор
- ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой для Иа-Иа строит дом на Лунозой опушке
- ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ, в которой в лес прилетит Тигра и застрелит
- ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ, в которой Кролик очень занят, но и впервые встречается с пегимистом Шавшином
- ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой выясняется, кто тыгрит на лес до деревни
- ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой Винни-Пух абсорбирует новую игру и в ней выясняется Иа-Иа
- ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой Тигра убит
- ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой Пятачок совершил великий водор
- ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, в которой Иа наидет Соловьиного и Сота переизлет
- ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, в которой мы оставляем Крошторова Роден и Винни-Пуха в зарыванном месте

Как видите, он спускается по лестнице вслед за своим другом Кристофером Роббином, головой вниз, пересчитывая ступеньки собственным затылком: бум-бум-бум. Другого способа сойти с лестницы он пока не знает. Иногда ему, правда, кажется, что можно бы найти какой-то другой способ, если бы он только мог на минуту перестать бумкать и как следует сосредоточиться. Но увы... он сосредоточивается то ему и некогда.

Как бы то ни было, вот он уже спустился и готов с вами познакомиться.

— Винни-Пух. Очень приятно!

Вас, вероятно, удивляет, почему его так странно зовут, а если вы знаете английский, то вы удивитесь еще больше.

Это необыкновенное имя подарил ему Кристофер Робин. Надо вам сказать, что когда-то Кристофер Робин был знаком с одним лебедем на пруду, которого он звал Пуух. Для лебедя это было очень подходящее имя, потому что если ты зовешь лебедя громко-Пуух-Пуух — а он не откликается, то ты всегда можешь сделать вид, что ты просто понарошку стрелял; а если ты звал его тихо, то все поднимут, что ты просто поддел себе на нас. Лебедь потом куда-то делся, а имя осталось, и Кристофер Робин просто отдал его своему младшему брату, чтобы оно не пропало зря.

Если ищешь, то всегда что-нибудь найдешь, но совсем не обязательно то, что искал.
Хоббит, или Туда и обратно

А Винни — так звали самую лучшую, самую добрую медведицу в зоологическом саду, которую очень-очень любил Кристофер Робин. А она очень-очень любила его. Ее ли назвали Винни в честь Пуха, или Пуха назвали в ее честь — теперь уже никто не знает, даже папа Кристофера Робина. Когда-то он знал, а теперь забыл.

Словом, теперь мишку зовут Винки-Пух, и вы знаете почему.

Иногда Винни-Пух любит вечером во что-нибудь поиграть, а иногда, особенно когда пала дома, он больше любит тихонько посидеть у огня и послушать какую-нибудь интересную сказку.

В этот вечер...

— Папа, как насчет сказки? — спросил Кристофер Робин.

— Что насчет сказки? — спросил папа.

— Ты не мог бы рассказать Винни-Пуху сказочку? Ему очень хочется!

— Может быть, и мот бы, — сказал папа. — А какую елку хочется и про кого?

— Интересную, и про него, конечно. Он ведь у нас ТАКСИ медвежонка!

— Понимаю, — сказал папа.

— Так, пожалуйста, папочка, раскорми!

— Попробую, — сказал папа.

И он попробовал.

Давным-давно — кажется, в прошлую пятницу — Винни-Пух жил в лесу один-одинешенек, под именем Сандорс

— Что значит «жил под именем»? — немедленно спросил Кристофер Робин.

Попробуйте взглянуть на мир глазами ребенка, и вы вновь будете удивляться всему, как он.

Tim Seldin

— Это значит, что на дощечке над дверью было золотыми буквами написано «Мистер Сандерс», а он под ней жил.

— Он, наверно, и сам этого не понимал, — сказал Кристофер Робин.

— Зато теперь понял, — проворчал кто-то басом.

— Тогда я буду продолжать, — сказал папа.

Вот однажды, гуляя по лесу. Пух вышел на полянку. На полянке рос высокий-превысокий дуб, а на самой верхушке этого дуба кто-то громко жужал: жжжжжжжж.

Винни-Пук сів на траву під деревом, обхватив голову лапами і став думати.

Скачайте на телефон так

«Это — жужжик — непрост! Зря никто жужжать не станет. Само дерево жужжать не может. Значит, тут кто-то жужжит. А зачем тебе жужжать, если ты — не пчела? По-моему, так!»

Потом он еще подумал-подумал и сказал про себя: «А зачем на свете пчелы? Для того, чтобы делать мед! По-моему, так!»

Тут он поднялся и сказал:

— А зачем на свете мед? Для того, чтобы в его ям! По-моему, так, луже а не иначе!

И с этими словами он полез на дерево.

Он лез и лез, и все лез, и по дороге он пел про себя песенку, которую сам тут же сочинил. Вот какую:

Мишка очень любит мед!

Почему? Кто поймет?

В самом деле, почему

Мед так нравится ему?

Вот он влез еще немножко повыше... и еще немножко... и еще совсем-совсем немножко повыше... И тут ему пришла на ум другая песенка-песенка:

Если б мишки были пчелами,

То они бы пчелами

Никогда и не побужали

Так высоко спрыгнуть вниз,

И тогда конечно, если бы

Пчелы

—это были мишки!

Нам бы, мишкам, было неважно

Лазить на такие вышки!

По правде говоря, Пух уже порядком устал, поэтому Пчелка почувствовала такая жалобная. Но ему осталось влезть уже совсем-совсем-совсем немножко. Вот стоит только влезть на эту веточку — и...

ТРАХ!

— Мама! — крикнул Пух, пролетев добрых три метра вниз и чуть не задев носом о толстую ветку.

— Эх, и зачем я только... — пробормотал он, пролетев еще метров пять.

— Да ведь я не хотел сделать ничего плох... — попытался он объяснить, стучавшись о следующую ветку и переворачиваясь вверх тормашками.

— А все из-за того, — признался он наконец, когда перекувырнулся еще три раза, пожелал всего хорошего самым нижним веткам и плавно приземлился в колчаный-преколчаный терновый куст, — все из-за того, что я слишком люблю мед! Мама!

Пух выкарабкался из тернового куста, выгнул из носа колонки и снова задумался. И самым первым делом он подумал о Кристофере Робине.

— Обо мне? — переспросил дрожащим от волнения голосом Кристофер Робин, не смея верить такому счастью.

— О тебе.

Кристофер Робин ничего не сказал, но глаза его становились все больше и больше, а щеки все розовели и розовели.

Итак, Винни-Пух отправился к своему другу Кристоферу Робину, который жил в том же лесу, в долине с зеленой дверью.

— Доброе утро, Кристофер Робин! — сказал Пух.

— Доброе утро, Винни-Пух! — сказал мальчик.

— Интересно, нет ли у тебя случайно воздушного шара?

— Воздушного шара?

— Да, я как раз шел и думаю: «Нет ли у Кристофера Робина случайно воздушного шара?» Мне было просто интересно.

— Зачем тебе понадобился воздушный шар?

Винни-Пух отступился, убедившись, что него не подслушивают, прижал ладь к губам и сказал страшным шепотом:

— Мед.

— Что-о?

— Мед! — повторил Пух.

— Кто же это ходит за медом с воздушными шарами?

— Я хочу! — сказал Пух.

Ну, а как раз накануне Кристофер Робин был на венеи у своего друга Петанки, и там всем гостям дарили воздушные шары. Кристоферу Робину достался большой зеленый шар, а одному из Родных и знакомых Кролика приготовили большой-пребольшой синий шар, но этот Родственник и знакомый его не взял, потому что сам он был еще такой маленький, что его не взяли в гости, поэтому Кристоферу Робину пришлось, так и быть, захватить с собой оба шара — и зеленый и синий.

— Какой тебе больше нравится? — спросил Кристофер Робин.

Пух обхватил голову лапами и задумался глубоко-глубоко.

— Вот какая история, — сказал он. — Если хочешь достать мед — главное дело в том, чтобы пчелы тебя не заметили. И вот, значит, если шар будет зеленый, они могут подумать, что это листик, и не заметят тебя, а если шар будет синий, они могут подумать, что это просто кусочек неба, и тоже тебя не заметят. Весь вопрос — кому они скорее поверят?

— А думаешь, они не заметят под шариком тебя?

— Может, заметят, а может, и нет, — сказал Винни-Пух. — Разве знаешь, что гнелам в голову придет? — Он подумал минуту и добавил: — Я притворюсь, как будто я маленькая черная тучка. Тогда они не догадаются!

— Тогда тебе лучше взять синий шарик, — сказал Кристофер Робин.

И вопрос был решен.

Друзья взяли с собой синий шар, Кристофер Робин, как всегда (просто на всякий случай), захватил свое ружье, и оба отправились в поход.

Винни-Пух первым делом пошел к одной знакомой луже, и как следует вывалился в грязь, чтобы стать совсем-совсем черным, как настоящая тучка. Потом они стали подвешивать шар, держа его вывешен за веревочку. И когда шар раздулся так, что казалось, вот-вот лопнет, Кристофер Робин вдруг отпустил веревочку, и Винни-Пух плавно взлетел в небо и оставался там как раз напротив вершины пылающего дерева, только немного в стороне.

Читатель прожигает тысячу житей, прежде чем умрет. Человек, который никогда не читает, переживает только одну:

Джордж Мартин

сказ

— Ураааа! — закричал Кристофер Робин.

— Что, здорово? — крикнул ему из поднебесья Винни-Пух. — Ну, на кого я похож?

— На мидеда, который летит на воздушном шаре!

— А на маленькую черную тучку разве не похож? — трагически спросил Пух.

— Не очень.

— Ну ладно, может быть, отсюда больше похоже. А потом, разве знаешь, что придет пчелам в голову?

К сожалению, ветра не было, и Пух повис в воздухе совершенно неподвижно. Он мог чужь мед, он мог видеть мед, но достать мед он, увы, никак не мог.

Спустя некоторое время он снова заговорил.

— Кристофер Робин! — крикнул он шепотом.

— Чего?

— По-моему, пчелы что-то подозревают!

— Что именно?

— Не знаю я. Но точно, по-моему, они ведут себя подозрительно!

— Может, они думают, что ты хочешь утащить у них мед?

— Может, и так. Разве знаешь, что пчелам в голову придет!

Всё же наступило недолгое молчание. И опять послышался голос Пуха:

— Кристофер Робин!

— Что?

— У тебя дома есть зонтик?

— Кажется, есть.

— Тогда я тебя прошу: принеси его сюда и ходи тут с ним взад и вперед, а сам поглядывай все время на меня и приговаривай: «Тц-тц-тц, похоже, что дождь собирается!» Я думаю, тогда пчелы нам лучше поверят.

Ну, Кристофер Робин, конечно, рассмеялся про себя и подумал: «Ах ты, глупенький мишка!» — но вслух он этого не сказал, потому что он очень любил Пуха.

И он отправился домой за зонтиком.

— Наконец-то! — крикнул Винни-Пух, как только Кристофер Робин вернулся. — А я уже начал беспокоиться. Я заметил, что пчелы ведут себя совсем подозрительно!

— Открыть зонтик или же надо?

— Открыть, но только погоди минуту: Надо действовать наверняка. Самое главное — это обмануть глупенькую шаршу. Тебе же отсюда видно?

— Нет.

— Жаль, жаль. Ну, тогда ты ходи с зонтиком и говори: «Тц-тц-тц, похоже, что дождь собирается», а я буду петь специальную Тункину Песню — такую, какую, наверно, поют все тунки в небесах... Давай!

Кристофер Робин принялся расхаживать взад и вперед под деревом и говорить, что, кажется, дождь собирается, а Винни-Пух запел такую песню:

Я Тунка, Тунка, Тунка,

А ооооо не медведь,

Ах, как приятно Тунка

По небу летать!

Ах, е синем-синем небе

Парадок и уют

—

Потому все Тунки

Так весело лают!

Но пчелы, как ни странно, хужжали все подозрительнее и подозрительнее. Многие из них даже выпетали из гнезда и стали летать вокруг Тунки, когда она запела второй куплет песни. А одна пчела вдруг на минутку присела на нос Тунки и сразу же снова взлетела.

— Кристофер — ай! — Робин! — закричала Тунка.

— Что?

— Я думал, думал и наконец все понял. Это неправильные пчелы!

— Да ну?

— Совершенно неправильные! И они, наверно, делают неправильный мед, правда?

— Ну да?

— Да. Так что мне, скорей всего, лучше ступиться вниз.

— А как? — спросил Кристофер Робин.

Об этом Винни-Пух как раз еще и не подумал. Если он выпустит из лап шаршину, он угадит и опять бункет. Эта мысль ему не понравилась. Тогда он еще как следует подумал и потом сказал:

— Кристофер Робин, ты должен обить шар из ружья. Ружье у тебя с собой?

— Конечно, с собой, — сказал Кристофер Робин. — Но если я выстрелю в шарик, он же испортится!

— А если ты не выстрелишь, тогда испорчусь я, — сказал Пух.

Конечно, тут Кристофер Робин сразу понял, как надо поступить. Он очень тщательно прицелился в шарик и выстрелил.

— Ой-ой-ой! — воскликнул Пух.

— Разве я не попал? — спросил Кристофер Робин.

— Не то чтобы совсем не попал, — сказал Пух, — но только не попал в шарик!

— Прости, пожалуйста, — сказал Кристофер Робин и выстрелил снова.

На этот раз он не промахнулся. Воздух начал медленно выводить из шарика, и Винни-Пух плавно опустился на землю.

Правда, лапки у него совсем одеревенели, оттого что ему пришлось столько времени висеть, держась за веревочку. Целую неделю после этого происшествия он не мог ими пошевеливать, и они так и торчали кверху. Если ему на нос садилась муха, ему приходилось садывать ее: «Пух! Пух!»

И, может быть — хотя я в этом не уверен, — может быть, именно тогда-то его и назвали Пухом.

— Скажи-ка мне! — спросил Кристофер Робин.

— Конеч этой сказке. А есть и другие.

— Про Пуха и про меня?

— И про Кролика, про Пятачка, и про всех остальных. Ты сам разве не помнишь?

— Помнить-то я помню, но когда хочу вспомнить, то забываю...

— Ну, например, однажды Пух и Пятачок решили попить Сосисочного...

— А попилили они его?

— Нет.

— Где им? Ведь Пух совсем глупенькай. А я его поймаю?

— Ну, услышишь — услышишь.

Кристофер Робин кивнул.

— Понимаешь, папа, я-то все помню, а вот Пух забыл, и ему очень-очень интересно послушать опять. Ведь это будет настоящая сказка, а не просто так... вспоминание.

— Вот и я так думаю.

Кристофер Робин глубоко вздохнул, взяла медвежонка за заднюю лапу и пошел к двери, волоча его за собой. У порога он обернулся и сказал:

— Ты приходишь посмотреть, как я купаюсь?

— Наверно, — сказал папа.

— А ему не очень было больно, когда я попал в него из ружья?

— Ни капельки, — сказал папа.

Малышек кивнул и вышел, и через минуту папа услышал, как Винни-Пух поднимается по лестнице: буи-буи-буи.

Ты часто бываешь на свете: один наговорит бед, а другой за них отвечает.

Сказки Дядюшки Римуса

слове

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой Винни-Пух пошёл в гости, а попал в безвыходное положение

Как-то днем известный своим друзьям, а значит, теперь и вам, Винни-Пух (хотя, иногда для краткости его звали просто Пух) не спеша прогуливался по Лесу с довольно важным видом, ворча себе под нос новую песенку.

Ему было чем гордиться — ведь эту песенку-ворчалку он сам сочинил только сегодня утром, занимаясь, как обычно, утренней гимнастикой перед зеркалом. Надо вам сказать, что Винни-Пух очень хотел потянуть и потому старательно занимался гимнастикой. Он поднимался на носки, вытягивался изо всех сил и в это время пел так:

— Тара-тара-тара-ра!

А потом, когда он наклонился, стараясь дотянуться передними лапками до носков, он пел так:

— Тара-тара-ой, карауу, трии-пай-пай!

Ну, вот так и сочинялось, песенка ворчалка, и после завтрака Винни все время повторял ей про себя, все ворчал и ворчал, пока не выучил ее всю наизусть. Теперь он знал ее всю от начала до конца. Слова в этой Ворчалке были приблизительно такие:

Тара-тара-тара-ра!

Трии-пай-пай-тара-рай-пай-пай!

Тара-тара-тара-ри,

Трии-пай-пай-тири-рай-пай-пай!

И вот, ворча себе под нос эту Ворчалку и размышляя — а размышлял Винни-Пух в том, что было бы, если бы он, Винни, был не Винни-Пухом, а кем-нибудь совсем-совсем другим, — наш Винни незаметно дошел до песчаного откоса, в котором была большая дыра.

— Ага! — сказал Пух. (Трии-пай-пай-тара-рай-пай-пай) — Если я что-нибудь в чем-нибудь понимаю, то дыра — это дыра, а нора — это Кролик, а Кролик — это подкапывшая колония, а подкапывшая колония — это такая колония, где меня чем-нибудь угостят и с удовольствием послушают мою Ворчалку. И все такое прочее!

Тут он наклонился, сунул голову в нору и крикнул:

— Эй! Кто-нибудь дома?

Вместо ответа послышалась какая-то возня, а потом снова стало тихо.

— Я спросил: «Эй! Кто-нибудь дома?» — повторил Пух (громко-громко).

— Нет! — ответил чай-то голос. — И незачем так орать, — прибавил он, — я и в первый раз греюрасно тебя лопом.

— Простите! — сказал Винни-Пух. — А что, совсем-совсем никого нет дома?

— Совсем-совсем никого! — отвечал голос. Тут Винни-Пух вытащил голову из норы и задумался.

Он подумал так: «Не может быть, чтобы там совсем-совсем никого не было! Кто-то там все-таки есть — ведь кто-нибудь должен же был сказать: «Совсем-совсем никого!»

Поэтому он снова наклонился, сунул голову в отверстие норы и сказал:

— Слушай, Кролик, а это не ты?

— Нет, не я! — сказал Кролик совершенно не своим голосом.

— А разве это не твой голос?

— По-моему, нет, — сказал Кролик. — По-моему, он совсем, ну ни капельки не похож! И не должен быть похож!

— Вот как? — сказал Пух.

Он снова вытащил голову наружу, еще раз задумался, а потом опять сунул голову обратно и сказал:

— Будьте так добры, скажите мне, пожалуйста, куда делался Кролик?

— Он пошел в гости к своему другу Винни-Пуху. Ой, знаешь, какие с ним друзья!

Тут Винни-Пух прямо охнул от удивления.

— Так ведь это же я! — сказал он.

— Что значит «я»? «Я» бывает разный!

— Это «я» значит: это я, Винни-Пух!

На этот раз удивился Кролик. Он удивился еще больше Винни.

— А ты в этом уверен? — спросил он.

— Вполне, вполне уверен! — сказала Винни-Пух.

— Ну хорошо, тогда входи!

И Винни вошел в нору. Он протискивался, протискивался, протискивался и наконец очутился там.

— Ты был совершенно прав, — сказал Кролик, осмотрев его с головы до ног. — Это действительно ты! Здравствуй, очень рад тебя видеть!

— А ты думал, кто это?

— Ну, я думал, мало ли кто это может быть! Сам знаешь, тут, в Лесу нельзя пускаться в дом кого попало! Осторожность никогда не повредит. Ну ладно. А не пора ли чем-нибудь подкрепиться?

Винни-Пух был всегда не прочь немного подкрепиться, в особенности чаю в одиннадцать утра, потому что в это время завтрак уже давно окончился, а обед еще и не думал начинаться. И, конечно, он страшно обрадовался, увидев, что Кролик достает чашки и тарелки. А когда Кролик спросил «Тебе чего намазать — меду или гущеного молока?» — Пух пришел в такой восторг, что выпалил: «И того и другого!» Правда, спохватившись, он, чтобы не показаться очень жадным, поскорее добавил: «А хлеба можно вообще не давать!»

И тут он замолчал и долго-долго ничего не говорил, потому что рот у него был ужасно занят.

А спустя долгое время, услышав что-то сладким-сладким голосом — голос у него стал прямо-таки медовый! — Пух встал из-за стола, от всей души пожел Кролику лапу и сказал, что ему пора идти.

— Уже пора? — вежливо спросил Кролик.

Нельзя ручаться, что он не подумал про себя: «Не очень-то вежливо уходить из гостей сразу, как только ты наелся». Но вслух он этого не сказал, потому что он был очень умиль Кролик.

Вслух он спросил:

— Уже пора?

— Ну, — задумался Пух, — я мог бы побыть еще немного, если бы ты... если бы у тебя... — задумался он и при этом почему-то не сводил глаз с буфета.

— По правде говоря, — сказала Кролик, — я сам собираюсь пойти погулять.

— А-а, ну хорошо, тогда и я пойду. Всего хорошего.

— Ну, всего хорошего, если ты больше ничего не хочешь.

— А разве еще что-нибудь есть? — с надеждой спросил Пух, снова оживившись.

Кролик заглянул во все кастрюли и банки и со вздохом сказал:

— Увы, совсем ничего не осталось!

— Я так и думал, — сачуственно сказала Пух, покачав головой. — Ну, до свидания, мне пора идти.

И он полез из норы. Он изо всех сил тянул себя передними лапками и изо всей мочи толкал себя задними лапками, и спустя некоторое время не воле оказался его нос... потом уши... потом передние лапы... потом лопатки... а потом... А потом Винни-Пух закричал:

— Ай, спасите! Я лучше полезу назад!

Еще потом он закричал:

— Ай, помогите! Нет, уж лучше вперед!

И, наконец, он завопил отчаянным голосом:

— Ай-ай-ай! спасите-помогите! Не могу ни взад ни вперед!

— Охотишься? На кого?

— Выслеживаю кого-то! — таинственно ответил Пух.

Пятачок подошел к нему поближе:

— Выслеживаешь? Кого?

— Вот как раз об этом я все время сам себя спрашиваю, — сказал Пух. — В этом весь вопрос: кто это?

— А как ты думаешь, что ты ответишь на этот вопрос?

— Придется подождать, пока я с ним встречу, — сказала Винни-Пух. — Последи-ка сюда. — Он показал на снег прямо перед собой. — Что ты тут видишь?

— Следи, — сказала Пятачок, — Отпечатки лап! — Пятачок даже влезил на колени. — Ой, Пух! Ты думаешь... это... это... страшный Буха!

— Может быть, — сказал Пух. — Иногда как будто он, а иногда как будто и не он. По следам разве угадаешь?

Он заиспуганно и решительно шагнул вперед по следу, а Пятачок, поведя минутой другую, побежал за ним.

Внезапно Винни-Пух остановился и нагнулся к земле.

— В чем дело? — спросил Пятачок.

— Очень страшная вещь, — сказал медвежонок. — Теперь тут, кажется, стало два зверя. Вот к этому — Неизвестно Кому — подошел другой! — Неизвестно Кто, и они теперь гуляют вдвоем. Знаешь чего, Пятачок? Может быть, ты поймаешь со мной, а то вдруг это окажется Эльза Зверей?

Пятачок мужественно почесал за ухом и сказал, что до пятачки он совершенно свободен и с большим удовольствием пойдет с Пухом, в особенности если там Настоящий Буха.

— Ты хочешь сказать, если там два Настоящих Буха, — утешил Винни-Пух, а Пятачок сказал, что это все равно, ведь до пятачки ему совершенно нечего делать.

И они пошли дальше вместе.

Следы шли вокруг маленькой ольховой рощицы... и, значит, два Буха, если это были они, тоже шли вокруг рощицы, и, понятно, Пух и Пятачок тоже пошли вокруг рощицы. По пути Пятачок рассказывал Винни-Пуху интересные истории из жизни своего дедушки Песторонним В. Например, как этот дедушка лечился от ревматизма после охоты и как он на склоне лет начал страдать одинокой, и прочие другие занятные вещи.

А Пух все думал, как же этот дедушка выглядит. И ему пришло в голову, что вдруг они сейчас охотятся как раз на двух дедушек, и интересно, если они поймает этих дедушек, можно ли будет взять хоть одного домой и держать его у себя, и что, интересно, скажет по этому поводу Кристофер Робин.

А следы все шли и шли перед ними...

Вдруг Винни-Пух снова остановился как вкопанный.

— Смотри! — закричал он шепотом и показал на снег:

— Куда! — тоже шепотом закричал Пятачок и подскочил от страха. Но, чтобы показать, что он подскочил не от страха, а просто так, он тут же подпрыгнул еще разика два, как будто ему просто захотелось попрыгать.

— Следи, — сказал Пух. — Появился третий зверь!

— Пух, — влезла ему Пятачок, — ты думаешь, это еще один Буха?

— Нет, не думаю, — сказал Пух. — Потому что следы совсем другие... Это, может быть, два Буха, а один, скажем... скажем, Бака... Или же, наоборот, два Бака, а один, скажем... скажем, Буха... Надо идти за ними, ничего не подлагать.

И они пошли дальше, начиная немного волноваться, потому что ведь эти три Неизвестных Зверя могли оказаться Очень Страшными Зверями. И Пятачку ужасно хотелось, чтобы его милый Дедушка Песторонним В. был бы сейчас тут, а не где-то в неизвестном месте... А Пух думал о том, как было бы хорошо, если бы они вдруг, совсем-совсем случайно, встретили Кристофера Робина, — конечно, просто потому, что он, Пух, так любит Кристофера Робина...

И тут совершенно неожиданно Пух остановился в третий раз и облизал кончик своего носа, потому что ему вдруг стало страшно жарко. Перед ними были следы четырех зверей!

— Гляди, гляди, Пятачок! Видишь? Стало три Буха и один Бака! Еще один Буха приближался...

Да, по-видимому, так и было! Следы, правда, немного путались и перекрещивались друг с другом, но, совершенно несомненно, это были следы четырех комплексов лап.

— Знаешь что? — сказал Пятачок, в свою очередь, облизав кончик носа и убедившись, что это очень мало помогает. — Знаешь что? По-моему, я что-то вспомнил. Да, да! Я вспомнил об одном деле, которое я забыл сделать вчера, а завтра уже не успею... В общем, мне нужно скорее пойти домой и сделать это дело.

— Давай сделаем это после обеда, — сказал Пух. — Я тебе помогу.

— Да, понимаешь, это не такое дело, которое можно сделать после обеда, — поскорее сказал Пятачок. — Это такое специальное утреннее дело. Его обязательно надо сделать утром, лучше всего после... Который час, ты говоришь?

— Часов двенадцать, — сказал Пух, посмотрев на солнце.

— Вот, вот, как ты сам сказал, часов в двенадцать. Точнее, от двенадцати до пяти минут перерог! Так что ты уж на меня не обижайся, а я... Ой, мама! Кто там!

Пух посмотрел на небо, а потом, снова услышав чей-то свист, взглянул на Большой дуб и увидел кого-то на ветке.

— Да это же Кристофер Робин! — сказала он.

— А-а, ну тогда все в порядке, — сказал Пятачок. — с ним тебя никто не тронет. До свидания!

И он побежал домой что было духу, ужасно довольный тем, что скоро окажется в полной безопасности.

Кристофер Робин не спеша слез с дерева.

— Глупечкий мой мишка, — сказал он, — чем это ты там занимаешься? Я смотрю, сначала ты один обошел два раза вокруг этой рощицы, потом Пятачок побежал за тобой и вы стали ходить вдвоем... Сейчас, по-моему, вы собрались обойти ее в четвертый раз по своим собственным следам...

— Минутку, — сказал Пух, подняв лапу.

Он присел на корточки и задумался — глубоко-глубоко. Потом он приложил свою лапу к одному следу... Потом он два раза почесал за ухом и поднялся.

— Да... — сказал он. — Теперь я понял, — добавил он. — Я даже не знал, что я такой глупый простопала! — сказал Винни-Пух. — Я самый бесполоумный медвежонок на свете!

— Что ты. Ты самый лучший медвежонок на свете! — утешил его Кристофер Робин.

— Преврат! — спросил Пух. Он заметно утешился. И вдруг он совсем просил: — Что ни говори, а уже пора обедать, — сказал он. И он пошел домой обедать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Иа-Иа теряет хвост, а Пух находит

Старый серый ослик Иа-Иа стоял один-одинешенек в заросшем чертополохом уголке леса, широко расставив передние ноги и свесив голову набок, и думал о Серьезных Вещах. Иногда он грустно думал «Почему?», а иногда «По какой причине?», а иногда он думал даже так: «Какой же отсюда следует вывод?» И неудивительно, что порой он вообще переставал понимать, о чем же он собственно думает.

Поэтому, сказать вам по правде, услышав тяжелые шаги Винни-Пуха, Иа очень обрадовался, что может на минутку перестать думать и просто поддаться.

— Как самочувствие? — по обыкновению умно спросил он.

— А как тебе? — спросил Винни-Пух.

Иа покачал головой.

— Не очень кэп, — сказал он. — Или даже совсем никак. Мне кажется, я уже очень давно не чувствовал себя как...

— Ай-ай-ай, — сказала Пух, — очень грустно! Дай-ка я на тебя посмотрю.

Иа-Иа продолжал стоять, покруто глядя в землю, и Винни-Пух обошел вокруг него.

— Ой, что это случилось с твоим хвостом? — спросил он удивленно.

— А что с ним случилось? — сказал Иа-Иа.

— Его нет!

— Ты не ошибся?

— Хвост или есть, или его нет. По-моему, тут нельзя ошибиться. А такого хвоста нет.

— А что же тогда там есть?

— Ничего.

— Ну-ка, посмотри, — сказал Иа-Иа.

Я пишу вост!

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой Пятачок встречает Слонопотама

Однажды когда Кристофер Робин, Винни-Пух и Пятачок сидели и мирно беседовали, Кристофер Робин проглотил то, что у него было во рту, и оказал, как будто между прочим:

— Эммеш, Пятачок, а я сегодня видел Слонопотама.

— А чего он делал? — спросил Пятачок.

Можно было подумать, что он ни капельки не удивился!

— Ну, просто слончился — сказал Кристофер Робин. — По-моему, он меня не видел.

— Я тоже одного как-то видел, — сказал Пятачок. — По-моему, это был он. А может, и нет.

— Я тоже, — сказал Пух, недумевая. «Интересно, кто же это такой Слонопотам?» — подумал он.

— Их не часто встретишь, — небрежно сказал Кристофер Робин.

— Особенно сейчас, — сказал Пятачок.

— Особенно в это время года, — сказал Пух.

Потом они заговорили о чем-то другом, и вскоре пришла пора Пуху и Пятачку идти домой. Они пошли вместе. Сперва, пока они ползли по тропинке на краю Древучьего Леса, оба молчали: но когда они дошли до реки и стали полагать друг другу перебираться по камушкам, а потом бок о бок пошли по узкой тропке между кустов, у них завязался Очень Умный Разговор. Пятачок говорил: «Помнишь, Пух, что я хочу сказать?» А Пух говорил: «Я и сам так, Пятачок, думаю». Пятачок говорил: «Что с другой стороны, Пух, мы не должны забывать». А Пух отвечал: «Совершенно верно, Пятачок. Не понимаю, как я мог упустить это из виду».

И вот, как раз когда они дошли до Шести Сосен, Пух оглянулся кругом и, убедившись, что никто не подслушивает, сказал весьма торжественным тоном:

— Пятачок, а что-то придумал.

— Что ты придумал, Пух?

— Я решил поймать Слонопотама.

Сказав это, Винни-Пух несколько раз подрабину голову. Он ожидал, что Пятачок скажет: «Ну да!», или: «Да ну?», или: «Пух, не может быть!», или сделает какое-нибудь другое полезное замечание в этом духе, но Пятачок ничего не сказал.

По правде говоря, Пятачок оторчился, что не ему первому пришла в голову эта замечательная мысль.

— Я думаю поймать его, — сказал Пух, подождав еще немножко, — в западню. И это должна быть очень Хитрая Западня, так что тебе придется помочь мне, Пятачок.

— Пух, — сказал Пятачок, внезапно утешившись и почувствовав себя вполне счастливым, — а тебе, конечно, помогу. — А потом он сказал: — А как мы это сделаем?

И Пух сказал:

— В этом-то вся соль: как?

Они сели, чтобы обдумать свое предприятие.

Первое, что пришло Пуху в голову, — вырыть Очень Глубокую Яму, а потом Слонопотам пойдет гулять и упадет в эту яму, и...

— Почему? — спросил Пятачок.

— Что — почему? — сказал Пух.

— Почему он туда упадет?

Пух потер нос давил и сказал, что, ну, наверно, Слонопотам будет гулять, мурлыкая себе под нос песенку и поглаживая на небо — не пойдет ли дождик, вот он и не заметит Очень Глубокой Ямы, пока не полетит в нее, а тогда ведь будет уже поздно.

Пятачок сказал, что это, конечно, очень хорошая Западня, но что, если дождик уже будет идти?

Пух опять почесал свой нос и сказал, что он об этом не подумал, но тут же прошил и сказал, что, если дождь уже будет идти, Слонопотам может посмотреть на небо, чтобы узнать, скоро ли дождь перестанет, вот он опять и не заметит Очень Глубокой Ямы, пока не полетит в нее!.. А ведь тогда будет уже поздно.

Пятачок сказал, что теперь все ясно, и, по его мнению, это очень-очень Хитрая Западня.

Пух был весьма польщен, услышав это, и почувствовал, что Слонопотам уже все равно что пойман.

— Но, — сказал он, — осталось обдумать только одно, а именно: где надо выкопать Очень Глубокую Яму?

Пятачок сказал, что лучше всего выкопать яму перед самым носом Слонопотама, как раз перед тем, как он в нее упадет.

— Но ведь он тогда увидит, как мы ее будем копать, — сказал Пух.

— Не увидит! Ведь он будет смотреть на небо!

— А вдруг он случайно посмотрит вниз? — сказал Пух. — Тогда он может обо всем догадаться...

Он долго размышлял, а потом грустно добавил:

— Да, это ни так просто, как я думал. Наверно, поэтому Слонопотамы так редко попадаются...

— Наверно, поэтому, — согласился Пятачок.

Они вздохнули и поднялись, а потом, выпавше друг из друга немножко холмиков, опять сели, и все это время Пух говорил себе: «Эх, эх, если бы только я умел думать!..» Винни о глубине души был уверен, что поймать Слонопотама можно, надо только, чтобы у ослика в голове был настоящий ум, а не оплеух...

— Прядолопки, — сказал он Пятачку: — ты бы хотел поймать меня. Как бы ты за это взялся?

— Ну, — сказала Пятачок, — а бы вет как делал: а бы сделала западню, и а бы поставил туда приманку — горшок меда. Ты бы его учуял и полез бы за ним, и...

— Да, я бы полез за ним туда, — изволнованно сказал Пух, — только очень осторожно, чтобы не ушибиться, и а бы взял этот горшок с медом, и сперва а бы обливал только края, как будто там больше меда нет, понимаешь, а там отошел бы в сторону и подумал о нем немножко, а потом а бы вернулся и начал бы лизать с самой середины горшка, а потом...

— Ну ладно, успокойся, успокойся. Главное — ты был бы в ловушке, и а бы мог тебя поймать. Так вот, первым делом надо подумать о том, что любят Слонопотамы. По-моему, мед, верно? У нас сейчас их очень много... Эх, Пух, очнулся!

Пух, который тем временем совсем размякся о меде, очнулся и даже подохнул и сказал, что мед гораздо приманочней, чем желуды. Пятачок был другого мнения, и они чуть было не поспорили об этом, но Пятачок взвешивая собрался, что если они будут класть в ловушку желуды, то желуды придется собирать ему, Пятачку, а если они положат туда мед, то его доставит Пух. Поэтому он сказал: «Очень хорошо, значит, мед!» — в тот самый момент, когда Пух тоже об этом подумал и собрался сказать: «Очень хорошо, значит, желуды».

— Значит, мед, — повторил Пятачок для верности. — Я выкопаю яму, а ты скочишь за медом.

— Отлично, — сказал Пух и побрел домой.

Придя домой, он подлезал к буре, влез на стул и достал с верхней полки большой-пребольшой горшок меда. На горшке было написано «М и о», но, чтобы удостовериться окончательно, Винни-Пух взял с него булавочку краешек и заглянул внутрь. Там действительно был мед.

— Но ругаться нельзя, — сказал Пух. — Я пошню, мой дядя как-то говорил, что он однажды видел сыр точно в-точь такого же цвета.

Винни сунул в горшок мордашку и как следует лизнул.

— Да, — сказал он, — это он. Сливаться не приходится. Полейный горшок меда. Конечно, если только никто не положили туда на дно сыру — просто так, шулки ради. Может быть, мне лучше немножко улыбнуться... на случай... На тот случай, если Слонопотамы не любят сыру... как и я... Ах! — И он глубоко вздохнул. — Нет, я не ошибся. Частый мед сверху донизу!

Окончательно убедившись в этом, Пух понес горшок к западне, и Пятачок, выглянув из Очень Глубокой Ямы, спросил: «Принес?» А Пух сказал: «Да, но он не совсем

полный. Пятачок заглянул в горшок и спросил: «Эго все, что у тебя осталось?» А Пух сказал: «Да», потому что это была правда.

И вот Пятачок поставил горшок на дно Ява, вылез оттуда, и они пошли домой.

— Ну, Пух, спокойной ночи, — сказал Пятачок, когда они подошли к дому Пуха. — А завтра утром в шесть часов мы встретимся у Сосен и посмотрим, сколько мы набрали Слонопотамов.

— До шести, Пятачок. А веревка у тебя найдется?

— Нет. А зачем тебе понадобилась веревка?

— Чтобы отвесить их домой.

— Ох... А я думал, Слонопотамы идут на свист.

— Некоторые идут, а некоторые нет. За Слонопотамов ругаться нельзя. Ну, спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

И Пятачок побежал рысцой к своему дому, возле которого была доска с надписью «Посторонним В.» а Винни-Пух лег спать.

Спусти несколько часов, когда ночь уже потихоньку убиралась восвояси, Пух внезапно проснулся от какого-то щемящего чувства. У него уже бывало раньше это щемящее чувство, и он знал, что оно означает ему хотелося есть.

Он поспешел к буфету, влез на стул, пошарил на верхней полке и нашел там пустоту.

« Это странно, — подумал он, — я же знаю, что у меня там был горшок меда. Полный горшок, полный медом до самых краев, и на нем было написано «М и О т», чтобы я не ошибся. Очень, очень странно».

И он начал раскапывать по комнате назад и вперед, раздвигая, куда же мог деваться горшок, и ворня про себя песенку-ворнялку. Вот какому!

Куда мой мед деваться мог?

Ведь был полнейший горшок!

Он убежать лисам не мог —

Ведь у него же нету ког!

Не мог уползти он по реке

(Он без хвоста и плавилье),

Не мог зарыться он в песок...

Не мог, а все же — был таков!

Не мог уйти он в темный лес

Не мог взлететь под небеса...

Не мог, а все-таки исчез!

Ну, это прямо чудеса!

Он проверил эту песню три раза и внезапно все вспомнил. Он же поставил горшок в Хитруе Западно для Слонопотамов!

— Ай-ай-ай! — сказал Пух. — Вот что получается, когда чересчур заботаешься о Слонопотамах!

И он снова лег в постель.

На ему не спалось. Чем больше старался он уснуть, тем меньше у него получалось. Он попробовал считать овец — иногда это очень неплохой способ, — но это не помогало. Он попробовал считать Слонопотамов, но это оказалось еще хуже, потому что каждый Слонопотам, которого он считал, сразу кидался на Пухов горшок с медом и все съедал донельзя: несколько минут Пух лежал и молча страдал, но когда пятисот восьмидеяот седьюой Слонопотам облизал свои клыки и прорычал «Очень неплохой мед, пожалуй, лучшего я никогда не пробовал», Пух не выдержал. Он скатился с кровати, выбежал из дому и пошелся напрямком к Шести Соснам.

Солнце еще нежилось в постели, но небо над Древучим Лесом слегка светилось, как бы говоря, что солнышко уже просыпается и скоро вылезет из-под одеяла. В расветных сумерках Сосны казались грустными и одинокими. Очень Глубокая Ява казалась еще глубже, чем была, а горшок с медом, стоявший на дне, был совсем прозрачным, словно тень. Но когда Пух подошел поближе нос сказал ему, что тут, конечно, мед, и клычок Пуха вылез наружу и стал облизывать губы.

— Жалко-жалко, — сказала Пух, сунув нос в горшок, — Слонопотам почти все съел!

Потом, подумав немножко, он добавил:

— Ах нет, это в сам. Я позабыл.

К счастью, оказалось, что он съел не все. На самом дне горшка оставалось еще немножко меда, и Пух сунул голову в горшок и начал лизать и лизать...

Тем временем Пятачок тоже проснулся. Проснувшись, он сразу же сказал: «Ох, Потом, собравшись с духом, заявил: «Ну что же!... Придется», — закончил он отчаяно. Но все подожми у него тряслось, потому что в ушах у него гремело страшное слово — СЛОНПОТАМ!

Какой он, этот Слонопотам?

Неужели очень злой?

Идет ли он на свист?

И если идет, то з а ч е м?...

Любит ли он поросят или нет?

И как он их любит?...

Если он ест поросят, то, может быть, он все-таки не тронет поросенка, у которого есть дедушка по имени Посторонним В?

Ведь Пятачок не знал, как ответить на все эти вопросы. А ведь ему через какой-нибудь час предстояло впервые в жизни встретиться с настоящим Слонопотамом!

Может быть, лучше притвориться, что заболела голова, и не ходить к Шести Соснам? Но вдруг будет очень хорошая погода и никакого Слонопотам в западне не окажется, а он, Пятачок, зря проваляется все утро в постели?

Что же делать?

И тут ему пришла в голову хитрая мысль. Он пойдет сейчас потихоньку к Шести Соснам, очень осторожно заглянет в западню и посмотрит, есть там Слонопотам или нет. Если он там, то ок, Пятачок, вернется и ляжет в постель, а если нет, то ок, клыкино, не ляжет...

И Пятачок пошел. Сперва он думал, что, конечно, никакого Слонопотам там не окажется; потом стал думать, что нет, наверно, окажется когда же он подошел к западне, он был в этом совершенно уверен, потому что услышал, как тот слонопотамит воюет!

— Ой-ой-ой! — сказал Пятачок. Ему очень захотелось убежать. Но он не мог. Раз он уже подошел так близко, нужно хотя одним глазком глянуть на живого Слонопотам. И вот он осторожно подкрался сбоку к яме и заглянул туда...

А Винни-Пух все никак не мог вытащить голову из горшка с медом. Чем больше он тряс головой, тем крепче сидел горшок.

Пух кричал: «Мама», кричал: «Помогите!», кричал и просто: «Ай-ай-ай!», но все это не помогало. Он пытался стукнуть горшком обо что-нибудь, но, так как он не видел, обо что он стучит, и это не помогало. Он пытался вылезти из западни, но, так как он не видел ничего, кроме горшка (да и тот не вес), и это не получалось.

Совсем измучившись, он поднял голову (вместе с горшком) и издал отчаянный, жалобный вопль...

И именно в этот момент Пятачок заглянул в яму.

— Караул! Караул! — закричал Пятачок. — Слонопотам, ужасный Слонопотам!!! — И он помчался прочь, так что только лопы засверкали, продолжая вопить: — Караул! Слонопотам уколол! Караул! Потасный Слонопотам! Слоноу! Слоноу! Карасный Петослоноу...

Он вопил и сверкал глэками, пока не добежал до дома Кристофера Робина.

— В чем дело, Пятачок? — сказал Кристофер Робин, натягивая штанишки.

— Как-каратот, — сказал Пятачок, который так заминался, что едва мог выговорить слово, — Уж...лота... Слонопотам!

— Где?

— Вот там, — сказал Пятачок, махнув лапкой.

— Какой он?

— У-у-ужасный! С вот такой головцей! Ну прямо, прямо..., как... как не знаю что! Как горшок

— Ну, — сказал Кристофер Робин, надевая ботинки, — а должен на него посмотреть. Пошли.

Конечно, вдвоем с Кристофером Робинем Пятачок ничего не боялся. И они пошли.

— Слышишь, слышишь? Это он — сказал Пятачок испуганно, когда они подошли поближе.

— Что-то слышу, — сказал Кристофер Робин.

Слонопотамы очень любопытны. Они всегда приходят к тому, кто их зовет, и всегда находят, чем заняться.

Словом, сучья, или медведи метлы, павлицы, полупули на каютах и на крыльях удили их, как сарангу.

— Стой, дальше не ходят! — сказал Пятачок, крепко стиснув руку Кристофера Робина. — Ой, как страшно!..

И вдруг Кристофер Робин попался со смеху. Он хохотал и хохотал... хохотал и хохотал... И пока он хохотал, голова Сколопогама здорово ударилась о корень. Трах! — горшок разлетелся вдребезги. Бах! — и появилась голова Винни-Пуха.

И тут наконец Пятачок понял, каким он был глупый Пятачком. Ему стало так стыдно, что он стремглав помчался домой и лег в постель с головной болью, и в это утро он почти окончательно решил убежать из дому и стать моряком.

А Кристофер Робин и Пух отправились завтракать.

— Мишкет! — сказал Кристофер Робин. — Я тебя ужасно люблю!

— А я-то! — сказал Винни-Пух.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой у Иа-Иа был день рождения, а Пятачок чуть-чуть не улетел на Луну

Иа-Иа — старый серый ослик — однажды стоял на берегу ручья и покурю смотрел в воду на свое отражение.

— Душераздирающее зрелище. — сказал он наконец. — Вот как это называется — душераздирающее зрелище.

Он повернулся и медленно побрел вдоль берега вниз по течению. Пройдя метров двадцать, он перебежал ручей обход и так же медленно побрел обратно по другому берегу. Непротива того места, где он стоял сначала, Иа остановился и снова посмотрел в воду.

— Я так и думаю, — вздохнул он. — С этой стороны ничуть не лучше. Но всем наплевать. Никому нет дела. Душераздирающее зрелище — вот как это называется!

Тут сзади него в слышанье раздался треск, и появился Винни-Пух.

— Доброе утро, Иа! — сказал Пух.

— Доброе утро, медвежонок Пух — учило ответил Иа. — Если это утро доброе. В чем я лично сомневаюсь.

— Почему? Что случилось?

— Ничего, медвежонок Пух, ничего особенного. Все же не могу. А некоторым и не приходится. Тут ничего не попишешь.

— Чего все не могу? — переспросил Пух, потерев нос.

— Веселиться. Петь, плакать и так далее. Под ореховым кустом.

— А-а, понятно... — сказал Пух. Он глубоко задумался, а потом спросил: — Под каким ореховым кустом?

— Под которым орешки каменные — учило продолжал Иа-Иа. — Хоровод, веселье и тому подобное. Я не жалуюсь, но так оно и есть.

Пух ухватил на большой камень и попытался что-нибудь почнуть. Получилось, что-то вроде загадки, а Пух был слабоват по части загадок, поскольку в голове у него были ослики. И он на всякий случай запел загадочную песенку:

ПРО СОВОК ЛЯТОК:

Вопрос мой прост и краток, —

Промолвил Насторок, —

Мало лучше — строго павное

Или ляток сорок? —

Учи, никто не это:

Ответа

Дать не могу!

— Вот-вот, правильно. — сказал Иа-Иа. — Пой, пой. Трум-тум-тум-тири-бум-бум. В лесу родилась палочка, в лесу она росла. И много-много радости детижкам принесла. Веселись и развлекайся!

— Я веселился, — сказал Пух.

— Как-кому удается, — сказал Иа-Иа.

— Да что такое случилось? — спросил Пух.

— А разве что-нибудь случилось?

— Нет, но у тебя такой грустный вид.

— Грустный? Отчего это мне быть грустным? Сегодня же мой день рождения. Самый лучший день в году!

— Твой день рождения? — спросил Пух, ужасно удивленный.

— Конечно. Разве ты не замечаешь? Посмотри на все эти подарки. — Иа-Иа помахал передней ногой из стороны в сторону. — Посмотри на именнинный пирог!

Пух посмотрел — сначала направо, потом налево.

— Подарки? — сказал он. — Именнинный пирог? Где?

— Разве ты их не видишь?

— Нет, — сказал Пух.

— Я тоже. — сказал Иа-Иа. — Это шутка — объяснил он. — Ха-ха.

Пух почесал в затылке, совсем обитый с толку.

— А сегодня правда твой день рождения? — спросил он.

— Правда.

— Ох! Ну, поздравляю тебя и желаю много-много счастья в этот день.

— И я тебя поздравляю и желаю много-много счастья в этот день, медвежонок Пух.

— Но ведь сегодня не мой день рождения.

— Нет, не твой, а мой.

— А ты говоришь: желаю тебе счастья в этот день.

— Ну и что же? Разве ты хочешь быть несчастным в мой день рождения?

— А, понятно. — сказал Пух.

— Хахат и того, — сказал Иа-Иа, чуть не плача, — хахат и того, что я сам такой несчастный — без подарков и без именнинного пирога, и вообще позабытый и заброшенный, а уж если все остальные будут несчастны...

Этого Винни-Пух уже не вынес.

— Постой тут! — крикнул он и со всех ног помчался домой. Он почувствовал, что должен немедленно преподнести бедному ослику что-то-нибудь, а потом у него всегда будет время подумать о Настоящем Подарке.

Возле своего дома он напнулся на Пятачка, который прыгал у двери, стараясь достать кнопку звонка.

— Здравствуй, Пятачок, — сказал Винни-Пух.

— Здравствуй, Винни, — сказал Пятачок.

— Что это ты делаешь?

— Я стараюсь позвонить, — объяснил Пятачок. — Я тут шел мимо и...

— Давай я тебе помогу, — сказал Пух услужливо. Он подошел к двери и нажал кнопку. — А я только что видел Иа, — начал он. — Бедный ослик ужасно расстроен, потому что у него сегодня день рождения, а все в нем забыли, и он очень погорюится — ты ведь знаешь, как он умеет, — ну и вот он такой понурый, а я... Да что же это нам никто не стесывает — поэтому они все там, что ли? — И Пух снова позвонил.

— Пух, — сказал Пятачок. — Это же твой собственный дом!

— А-а, — сказал Пух. — Ну да, верно! Тогда давай войдем!

И они вошли в дом.

Пух первым делом подошел к буфету, чтобы удостовериться, есть ли у него подходящий, не особенно большой горшочек с медом. Горшочек оказался на месте, и Пух снял его с полки.

— Я его стесу Иа, — объяснил он. — В подарок. А ты что ему думашь подарить?

— А можно, я тоже его подарю? — спросил Пятачок. — Как будто от нас обоих.

— Нет, — сказал Пух. — Это ты плако придумал.

— Ну, тогда ладно. Я подарю Иа воздушный шарик. У меня остался один от праздника. Я сейчас за ним схожу, хорошо?

— Вот это ты очень хорошо придумал, Пятачок! Ведь Иа нужно развеселить. А с воздушным шариком кто хочешь развеселится! Никто не может грустить, когда у него есть воздушный шарик!

Ну, и Пятачок пустился рысцой домой, а Пух с горшочком меда направился к ручью.

День был жаркий, а гудь неблизкий, и, не пройдя и полпути, Пух вдруг почувствовал какое-то странное шесогопане. Сначала у него зашевелило в носу, потом в горле, а потом заскользало под ложечкой и так постепенно дошло до самых плеч. Казалось, словно кто-то внутри у него говорит: «Знаешь, Пух, сейчас самое время чем-нибудь немножко...»

— Ай-ай, — сказала Пух, — я и не знал, что уже так поздно!

Он (сел на землю и сник крышку со своего горшка.

— Как хорошо, что я взял его с собой, — сказал он, — Немало медведей в такой жаркий день и не подумали бы завалить с собой то, чем можно невозможно поделиться...

— А теперь подумаем, — сказал он, в последний раз обитая донышко горшка, — подумаем, куда же это я собирался идти. Ах да, к Иа. Винни-Пух не спеша встал. И тут он вдруг все вспомнил. Он же съел Подарок!

— Ай-ай-ай! — сказал Пух, — Что мне делать? Я же должен подарить ему что-нибудь! Ай-ай-ай-ай-ай!

Сперва он прямо не знал, что и думать. А потом он подумал:

«Все-таки это очень хороший горшок, хотя в нем и нет меда. Если я его как-нибудь вымзо и полрошу кого-нибудь написать на нем: «Поздравлю с днем рождения, Иа, сможешь держать в нем все, что хочешь. Это будет полезная вещь!»

И так как он в это время был недалеко от Дома Совы — а все в Лесу были уверены, что Сова прекрасно умеет писать, — он решил зайти к ней в гости.

— Доброе утро, Сова! — сказал Пух.

— Доброе утро, Пух! — ответила Сова.

— Поздравлю тебя с днем рождения Иа-Иа, — сказал Пух.

— Вот как? — удивилась Сова.

— Да. А что ты ему думаешь подарить?

— А ты что думаешь ему подарить?

— Я несу ему в подарок Полезный Горшок, в котором можно держать все, что хочешь, — сказал Пух. — И я хотел попросить тебя...

— Вот этот? — спросила Сова, взяв горшок из лапок Пуха.

— Да, и я хотел попросить тебя...

— Тут когда-то держали мед, — сказала Сова.

— В нем можно что хочешь держать, — серьезно сказал Пух. — Это очень, очень полезная вещь. И я хотел попросить тебя...

— Ты бы написал на нем: «Поздравлю с днем рождения».

— Так вот об этом я и пришел тебя попросить! — объяснил наконец Пух. — Потому что у меня правильноеписание какое-то хроное. Вообще-то оно хорошее правильноеписание, но только почему-то хромает и буквы опаздывают... на свои места. Ты напишешь на нем: «Поздравлю с днем рождения»! Очень тебя прошу!

— Сладкий горшочек, — сказала Сова, оглядев горшок со всех сторон. — А можно, я его тоже подарю? Пусть это будет наш общий подарок.

— Нет, — сказал Пух. — Это ты плоховато придумала. Давай я лучше его сперва помою, а потом ты на нем все напишешь.

И вот он вынул горшок и вытер его досуха, а Сова тем временем мусолила кончик своего карандаша и думала, как же пишется слово «Поздравлю».

— Пух, а ты умеешь читать? — спросила она не без тревоги в голосе. — Вот, например, у меня на двери висит объявление, как звонить, — это мне Кристофер Робин написал. Ты можешь его прочесть?

— Кристофер Робин сказал мне, что там написано, и тогда я уж смог, — ответил Пух.

— Очень хорошо! Вот и я тоже скажу тебе, что тут на горшке будет написано, и тогда ты сможешь прочитать!

И Сова начала писать. Вот что она написала:

«Про зря вли вли сднее мращ дена про зря вли вли вли»

Пух с восхищением посмотрел на эту надпись.

— Я тут написала: «Поздравлю с днем рождения», — небрежно заметила Сова.

— Вот это надпись так надпись! — с уважением сказал Винни-Пух.

— Ну, если уж все тебе сказать, тут написано полностью так: «Поздравлю с днем рождения, желаю всего-всего хорошего, Твоей Пухи. Я не считалась с расходом графита».

— Чего? — спросил Пух.

— Тут одного карандаша сколько пошло! — пояснила Сова.

— Еще был — сказал Пух.

Тем временем Пятачок успел сбежать к себе домой и, захватив воздушный шарик для Иа-Иа, понесся во весь дух, крепко прижимая воздушный шар к груди, чтобы его не унесло ветром. Пятачок успел обещать, чтобы поехать к Иа-Иа раньше Пуха, ему хотелось первым преподнести Осому подарок, как будто он, Пятачок, сам вспомнил про его день рождения, без всякой подсказки. Он так спешил и так закружился о том, как Иа-Иа обрадуется подарку, что совсем не глядел себе под ноги... И вдруг его нога попала в машину порку, а бедный Пятачок полетел носом вниз. БУМ!!!

Пятачок лежал на земле, не понимая, что же произошло. Сперва он подумал, что весь мир взлетел на воздух, потом он подумал, что, может быть, только их любимый Лес, еще потом — что, может быть, только он, Пятачок, взлетел и сейчас он один-одинешенек лежит где-нибудь на Пуке и никогда-никогда не увидит больше ни Пуха, ни Кристофера Робина, ни Иа... И тут ему пришло в голову, что даже и на Луне не обязательно все время лежать носом вниз. Он осторожно встал, осмотрелся кругом.

Он все еще был в Лесу!

— Очень интересно! — подумал он. — Интересно, что же это был за Бум? Не мог же я сам наделать столько шума, когда упал! И где, интересно, мой шар? И откуда, интересно, взялась тут эта треплошка?

О ужас! Эта треплошка — это и был, именно был! — его воздушный шар!

— Ой, маме! — сказала Пятачок. — Ой, маме, ой, мамочка, ой, маме, маме! Ну что ж... Теперь делать нечего. Возвращаться назад нельзя. Другого шара у меня нет... Может быть, Иа-Иа не так уж любит воздушные шары?...

И он побежал дальше. По правде сказать, бежал он уже не очень весело, но все же скоро он добежал до того самого места, где стоял Иа-Иа и по-прежнему смотрел на свое отражение в воде.

— Доброе утро, Иа! — крикнула Пятачок еще издали.

— Доброе утро, маленький Пятачок, — сказал Иа-Иа. — Если это утро — доброе, — добавил он, — я чем я лично сожалеваю. Но это нежалею.

— Поздравлю тебя с днем рождения, — сказала Пятачок, подбегая тем временем поближе.

Иа оторвался от своего занятия и уставился на Пятачка.

— Повтори-ка, повтори, — сказал он.

— Поздравь...

— Минуточку...

С трудом держа на трех ногах, Иа стал осторожно поднимать четвертую ногу к уху.

— Я вчера этому научился, — пояснил он, упав в третий раз. — Это очень просто, а главное, я так лучше слышу. Ну вот, все в порядке. Так как ты сказал, повтори, — произнес он, с помощью копыта наставив ухо вперед.

— Поздравлю с днем рождения, — повторил Пятачок.

— Это ты меня?

— Конечно. Иа-Иа.

— С моим днем рождения?

— Да.

— Значит, у меня настоящий день рождения?

— Конечно. И я принес тебе подарок.

Иа-Иа медленно опустил правую ногу и с маленьким трудом поднял левую.

— Я хочу послушать еще другим ухом. — пояснил он. — Теперь говори.

— Го-да-фонс — послорил Пятачок очень громко.

— Мне?

— Да.

— К дню рождения?

— Конечно!

— Значит, у меня получится настоящий день рождения?

— Конечно! И я принес тебе воздушный шар.

— Воздушный шар? — сказал Иа-Иа. — Ты сказал — воздушный шар? Это такие большие, красивые, яркие, их еще надувают? Песни-пляски, гол-гол-гол и тру-ля-ля?

— Ну да, но только... понимаешь... я очень огорчен... понимаешь... когда я бежал, чтобы поскорее принести тебе его, я упал.

— Ай-ай, как жаль! Ты, наверно, слишком быстро бежал. Я надеюсь, ты не ушибся, маленький Пятачок?

— Нет, спасибо, но ох... ох... Ох, Иа, он лопнул.

Наступило очень долгое молчание.

— Мой шарик? — наконец спросил Иа-Иа.

Пятачок кивнул.

— Мой деньрожденный подарок?

— Да, Иа. — сказал Пятачок, слегка хлопая носом. — Вот он. Поздравляю тебя с днем рождения.

И он подарил Иа-Иа резиновую тряпочку.

— Это он? — спросил Иа, очень удивленный.

Пятачок кивнул.

— Мой подарок?

Пятачок снова кивнул.

— Шарик?

— Да.

— Спасибо, Пятачок. — сказал Иа. — Извини, пожалуйста. — продолжал он. — но я хотел бы спросить, какого цвета он был, когда... когда он был шариком?

— Красного.

«Подумать только! Красного... Мой любимый цвет!», — пробормотал Иа-Иа про себя.

— А какого размера?

— Почти с меня.

— Да? Подумать только, почти с тобой... Мой любимый размер! — грустно сказал Иа-Иа себе под нос. — Так, так.

Пятачок чувствовал себя очень виновато и прямо не знал, что говорить. Он то и дело открывал рот, собираясь что-нибудь сказать, но тут же решал, что именно этого говорить-то и не стоит. И вдруг, на его счастье, с того берега ручья их кто-то окликнул. То был Пух.

— Желая много-много счастья! — кричал Пух, очевидно забыв, что он уже это говорил.

— Спасибо, Пух, мне уже поспешилось! — уныло ответил Иа-Иа.

— Я принес тебе подарки! — продолжал Пух радостно.

— Есть у меня подарочек. — отвечал Иа-Иа.

Тем временем Пух перебрался через ручей и подошел к Иа-Иа. Пятачок сидел немного поодаль, хлопая носом.

— Вот он. — объявил Пух. — Это — Очень Полезный Горшок. А на нем знаешь чего написано? «Поздравляю с днем рождения, желаю всего-всего хорошего. Твой Пух». Вот сколько всего написано! И в него можно класть что хочешь. Держи! Иа-Иа, увидев горшок, очень оживился.

— Вот это да! — закричал он. — Знаете что? Мой шарик как раз войдет в этот горшок!

— Что ты, что ты, Иа. — сказал Пух. — Воздушные шары не входят в горшки. Они слишком большие. Ты с ними не умеешь обращаться. Нужно вот как: возьми шарик за веревку...

— Это другие шары не входят, а мой входит, — с гордостью сказал Иа-Иа. — Гляди, Пятачок!

Пятачок грустно оглянулся, а Иа-Иа схватил свой бывший шарик зубами и осторожно положил его в горшок, потом он достал его и положил на землю, а потом снова поднял и осторожно положил обратно.

— Выходит! — закричал Пух. — Я хочу сказать, он входит!

— Входит! — закричал Пятачок. — И выходит!

— Задорого выходит! — закричал Иа-Иа. — Входит и выходит — прямо замечательно!

— Мне очень приятно. — радостно сказал Пух. — что я догадался подарить тебе Полезный Горшок, куда можно класть какие хочешь вещи!

— А мне очень приятно. — радостно сказал Пятачок. — что я догадался подарить тебе такую вещь, которую можно класть в этот Полезный Горшок!

Но Иа-Иа ничего не слышал. Ему было не до того: он то клал свой шар в горшок, то вынимал его обратно, и видно было, что он совершенно счастлив!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой Кенга и крошка Ру появляются в лесу, а Пятачок принимает ванну

Никто не знал, откуда они пришли, но вдруг они очутились тут, в Лесу: мама Кенга и крошка Ру.

Пух спросил у Кристофера Робина: «Как они сюда попали?» А Кристофер Робин ответил: «Обычным путем. Понятно, что это значит?» Пух, которому было непонятно, сказал: «Угу». Потом он два раза кивнул головой и сказал: «Обычным путем. Угу. Угу». И отправился к своему другу пятачку узнать, что он об этом думает. У Пятачка был в гостях Кролик. И они принялись обсуждать вопрос вполне.

— Мне вот что не нравится. — сказала Кролик. — вот мы тут живем — ты, Пух, и ты, Поросенок, и я, — и вдруг...

— И еще Иа. — сказал Пух.

— И еще Иа. — и вдруг...

— И еще Сова. — сказал Пух.

— И еще Сова. — и вдруг ни с того ни с сего...

— Да, да, и еще Иа. — сказал Пух. — я про него чуть было не забыл!

— Е о т м ы т у т ж и в е м. — сказал Кролик очень медленно и громко. — все мы, и вдруг ни с того ни с сего мы однажды утром просыпаемся и что мы видим? Мы видим какое-то незнакомое животное! Животное, о котором мы никогда и не слышали раньше! Животное, которое носит своих детей в кармане! Предположим, что я стал бы носить своих детей с собой в кармане, сколько бы мне понадобилось для этого карманов?

— Шестнадцать. — сказал Пятачок.

— Семнадцать, кажется... Да, да. — сказал Кролик. — и еще один для носового платка. — итого восемнадцать. Восемнадцать карманов в одном костюме! Я бы просто запутался!

Тут все замолчало и стали думать про карманы.

После длинной паузы Пух, который несколько минут ужасно морщил лоб, сказал:

— По-моему, их пятнадцать.

— Чего, чего? — спросил Кролик.

— Пятнадцать.

— Пятнадцать чего?

— Твоих детей.

— А что с ними случилось?

Пух потер нос и сказал, что ему казалось. Кролик говорил о своих детях.

— Разве? — небрежно сказал Кролик.

— Да, ты сказал...

— Ладно, Пух, забудь это, — нетерпеливо перебил его Пятачок. — Вопрос вот в чем: что мы должны сделать с Кенгой?

— А-а, понятно, — сказал Пух.

— Самое лучшее, — сказал Кролик, — будет вот что. Самое лучшее — украть Крошку Ру и спрятать его, а потом, когда Кенга скажет: «Где же Крошка Ру?» — мы скажем: «АГА!»

— АГА! — сказал Пух, решив поупражняться. — АГА! АГА!

— По-моему, — заметил он немного погодя, — мы можем сказать «АГА», даже если мы не украдем Крошку Ру.

— Пух, — сказал Кролик покровительственным тоном, — действительно у тебя в голове один олюк!

— Я знаю, — скромно сказал Пух.

— Мы скажем «АГА» так, чтобы Кенга поняла, что мы знаем, где Крошка Ру. Такое «АГА» означает: «Мы тебе скажем, где спрятан Крошка Ру, если ты обещаешь уйти из нашего леса и никогда не возвращаться». А теперь помолчите — я буду думать!

Пух ушел в угол и стал учиться говорить такое «АГА». Иногда ему казалось, что у него получается такое «АГА», о каком говорил Кролик, а иногда казалось, что нет.

«Наверно, тут все дело в упражнении, — думал он. — Интересно, понадобится ли Кенге тоже столько упражняться, чтобы нас понять?»

— Я вот что хотел спросить, — сказал Пятачок, немного помывшись, — я говорил с Кристофером Роббином, и он мне сказал, что Кенга, вообще говоря, считается Одним из Самых Свирепых Зверей. Я вообще-то не боюсь простых свирепых зверей, но всем известно, что если Один Самый Свирепый Зверь лишится своего детеныша, он становится таким свирепым, как Два Самые Свирепых Зверя. А уж тогда, пожалуй, говорить «АГА» довольно глупо.

— Пятачок, — сказал Кролик, достав карандаш и облизав его кончик, — ты ужасный трусишка.

Пятачок слегка хлопнул носом.

— Трудно быть храбрым, — сказал он, — когда ты всего лишь Очень Маленькое Существо.

Кролик, который тем временем начал что-то писать на секунду поднял глаза и сказал:

— Именно потому, что ты Очень Маленькое Существо, ты будешь очень полезен в предстоящем нам приключении.

Пятачок пришел в такой восторг при мысли в том, что он будет полезным, что даже позабыл о своих страхах. А когда Кролик сказал, что Кенга бывает свирепыми только в злые месяцы, а все остальное время они в добродушном настроении, Пятачок едва мог устоять на месте — так ему захотелось сразу же стать полезным.

— А как же я! — грустно сказал Пух. — Значит, я не буду полезным?

— Не огорчайся, Пух, — поспешил утешить его великодушный Пятачок. — Может быть, как-нибудь в другой раз...

— Без Винни-Пуха, — торжественно произнес Кролик, начиная чинить карандаш, — все предприятие будет невозможно.

— О-а! — сказал Пятачок, стараясь не показать своего разочарования.

Пух опять скромно ушел в угол. Но про себя он гордо сказал: «Без меня все невозможно! Ая да медведя!»

— Ну, теперь все слушайте! — сказал Кролик, кончая писать.

Пух и Пятачок сели и приготовились слушать — они даже раскрыли рты.

Вот что прочел Кролик.

ПЛАН ПОХИЩЕНИЯ КРОШКИ РУ:

1. Во-первых, Кенга бежит быстрее всех нас, даже быстрее меня.
2. Еще во-первых, Кенга никогда-никогда не сводит глаз с Крошки Ру, если он не застелет у нее в кармашке на все пуговицы.
3. Значит, если мы хотим похитить Крошку Ру, нам надо выиграть время, потому что Кенга бежит быстрее всех нас, даже быстрее меня (см. пункт 1).
4. Идея. Если Ру выскочит из кармашка Кенги, а Пятачок туда вскочит, Кенга не заметит разницы, потому что Пятачок — Очень Маленькое Существо.
5. Как и Крошка Ру.
6. Но Кенга должна обязательно смотреть в другую сторону, чтобы не заметить, как Пятачок вскочит в карман.
7. Смотри пункт 2.
8. Еще одна идея. Вот если Пух будет говорить с ней очень вежливо, она может на минуту отвлечься.
9. И тогда я могу убежать с Крошкой Ру.
10. Очень быстро.
11. И Кенга сначала ничего не заметит, а заметит все только потом.

Ну, Кролик с гордостью прочитал все это вслух, и после этого некоторое время ничто-ничего не говорил.

Наконец Пятачок, который все время то открывал, то закрывал рот, не издавая при этом ни звука, решил выговорить очень хриплым голосом:

— А потом!

— Что ты хочешь сказать?

— Когда Кенга заметит, что это не Ру?

— Тогда мы все скажем: «АГА».

— Все трое!

— Да.

— Правда?

— Да, что тебе беспокоит, Пятачок?

— Ничего, — сказал Пятачок. — Если мы все трое скажем «АГА», тогда все в порядке. Если мы все трое скажем «АГА», — сказал Пятачок, — я не возражаю, но я бы не хотел говорить «АГА» сам, один. А то оно, это «АГА», очень плохо получится... Кстати, — продолжая он, — ты вполне уверен в том, что ты говорил насчет злиных месяцев?

— Насчет злиных месяцев?

— Ну, насчет свирепости только в злиные месяцы.

— А-а. Да, да, все правильно. Ну, Пух, ты понял, что ты должен делать?

— Нет, — сказал Медвежонок Пух. — Не совсем. А что я должен делать?

— Ну, все время говорить и говорить с Кенгой, чтобы она ничего не замечала.

— Ой! А о чем?

— О чем-нибудь.

— А может быть, почитать ей стихи или что-нибудь в этом роде?

— Вот именно, — сказал Кролик. — Блестяще. А теперь пошли.

И все они отправились искать Кенгу.

Кенга и Ру мирно проводили послеполуденное время у большой ямы с ласком. Крошка Ру упражнялся в прыжках в высоту и в длину и даже в глубину — учился падать в мышинные норы и вылезать из них, а Кенга волновалась и поминутно приговаривала: «Ну, дорогой мой, еще один раз прыгни, и домой». И в этот момент на холме появился не кто иной, как Пух.

— Добрый день, Кенга, — сказал он.

— Добрый день, Пух.

— Смотри, как я прыгаю! — прогибалась Крошка Ру и упал в очередную мышиную нору.

— Привет, Ру, малыш!

— Мы как раз собираемся домой... — сказала Кенга. — Добрый день, Кролик; Добрый день, Пятачок.

Кролик и Пятачок, которые тем временем показались с другой стороны холма, тоже сказали «добрый день» и «привет, Ру», а Крошка Ру пригласила их посмотреть, как он прыгает...

Они стояли и смотрели. И Кенга смотрела — смотрела во все глаза...

— Послушай, Кенга, — сказал Пух после того, как Кролик подкинул ему второй раз, — интересно, ты любишь стихи?

Winnie the Pooh © Disney

— Не волнуйтесь, — сказала Кенга.

— А-а, — сказал Пух.

— Ру, дорогой мой, еще один раз прыгни, и нам пора домой!

Наступило недолгое молчание. Крошка Ру свалился в очередную мышиную нору.

— Ну, давай, давай! — громко прошепел Кролик, прикрывая рот лапкой.

— Кстати, о стихах, — продолжал Пух. — Я как раз сочинил небольшой стишок по дороге. Примерно такой. М-м-м... Минуточку...

— Очень интересно, — сказала Кенга. — А теперь, маленький мой Ру...

— Тебе понравится этот стишок, — сказал Кролик.

— Ты его полюбишь, — пропела Пятачок.

— Только слушай очень-очень внимательно! — сказал Кролик.

— Ничего не пропусти смотри, — пискнул Пятачок.

— Да, да, — сказала Кенга. Но, увы, она не сводила глаз с Крошки Ру.

— Так как там говорится, Пух? — спросил Кролик.

Пух слегка откашлялся и начал:

СТРОКИ, СОЧИНЕННЫЕ МЕДВЕДЕМ С ОГИЛКАМИ В ГОЛОВЕ

На днѣх, не знаю сам зачем

Зашел я в мышиный дом,

Мне извѣстѣно Когѣ с Кем

Потополовать о Томѣ с Семѣ

Я рассказѣю им, Ктѣм, Квѣмѣ

И Пѣчему и Отпѣчею,

Сказѣю Отпѣчею и Кудѣ,

И Какѣ, и Гдѣ, и Дѣлѣ Чѣмѣ

Чѣмѣ было Рѣчьѣмѣ, ктѣмѣ Потѣмѣм

И Ктѣмѣ Квѣмѣ, и Чѣмѣ к Чѣмѣ,

И ктѣмѣ подумѣю о Томѣ,

И Если Нѣтъ, Тѣ Пѣчему?

Квѣмѣ мнѣ не извѣстѣно словѣ,

Я добавѣю тѣмѣ «Аю», тѣмѣ «Эю»

И «Пѣ сказѣю», и «Будѣ здѣмѣю»

И «Ну и мѣмѣ», и «Прѣстѣ сказѣю»

Квѣмѣ ж законѣю я рассказѣ,

Тѣмѣ кѣмѣ-тѣмѣ спросѣю: «Иѣ все?»

Тѣмѣ говорѣю тѣмѣмѣ целый часѣ,

А рассказѣю тѣмѣмѣ тѣмѣмѣ... —

Тѣмѣмѣ...

— Очень, очень мило, — сказала Кенга, не ожидая рассказа о том, что произошло тогда. — Ну, самый, самый последний раз прыгни, Ру, дорогой мой, и мы пойдем домой!

Кролик подождал Пуха локтем в бок.

— Кстати, о стихах, — поспешно сказал Пух. — Ты когда-нибудь обращала внимание на вон то дерево, во-он там?

— Где? — сказала Кенга. — Ну, дорогой мальчик...

— Во-он там, впереди, — сказал Пух, показывая за спину Кенге.

— Нет!... — сказала Кенга. — Ну, Ру, дорогой мой, прыгай в карман, и пошли домой!

— Нет, ты обязательно посмотри на вон то дерево, во-он там, — сказал Кролик. — Ру, хочешь, я тебя подниму? — И он взял Крошку Ру в лапы.

— А на вон том дереве птичка сидит, — сказал Пух. — А может, это и рыбка.

— Конечно, там птичка сидит, — сказал Кролик. — Если только это не рыбка.

— Это не рыбка, это птичка, — пискнула Пятачок.

— Так оно и есть, — сказал Кролик.

— Интересно, это скворушка или дрозд? — сказал Пух.

— В этом весь вопрос, — сказал Кролик. — Дрозд это или скворушка?

И тут наконец Кенга повернулась и посмотрела на вон то дерево.

И в тот момент, когда она отвернулась, Кролик громким голосом сказал:

— Ру, на место!

И на место — в карман Кенге — взошла Пятачок, а Кролик крепко обхватил Ру и помчался прочь что было духу.

— Куда это Кролик делался? — спросила Кенга, снова повернув голову. — Ну как, дорогой мальчик, все в порядке?

Пятачок со дна кармана Кенге что-то пискнула — то-есть-то-есть как Ру.

— Кролику пришлось уйти, — сказал Пух. — Он, наверно, вспомнил о каком-то важном деле. Вдруг...

— А Пятачок?

— Наверно, Пятачок тоже о чем-нибудь вспомнил. Вдруг...

— Ну ладно, мы пошли домой, — сказала Кенга. — Всего доброго, Пух!

Три огромных ослика — и она исчезла из виду.

Пух посмотрел ей вслед.

«Хотел бы и так прыгать! — подумал он, — Почему это одни умеют, а другие нет? Очень, очень обидно!»

Кенга, споря нет, отчаянно ушла прыгать, но Пятачку минулики, по правде говоря, хотелось, чтобы Кенга не ушла. Бывало, возвращаясь домой из дальней прогулки по Лесу, Пятачок мечтал стать птичкой и уметь летать, но теперь, когда он болтался на дне кармана Кенге, в голове у него прыгали такие мысли:

называется это

это летать, на не

то никогда соглашусь! -

«Если я

— Ууууууу! — говорил он, взмывая в воздух, а спускаясь вниз, он говорил: — Ух!...

И ему пришлось повторять «Ууууууу! — ух!», «Ууууууу! — ух!», «Ууууууу! — ух!», «Ууууууу! — ух!» всю дорогу — до самого дома Кенги.

Конечно, дома, как только Кенга растегнула свой карман, она заметила, что произошло. В первую секунду она чуть было не испугалась, но сразу поняла, что тутаться нечего — ведь она была вполне уверена, что Кристофер Робин никому не позволит обидеть Крошку Ру.

«Хорошо, — сказала она про себя, — раз они решили разыграть меня, я их сама разыграю!»

— Ну, Ру, дорогой мой, — сказала она, вытаскив поросенка из кармана, — пора укладываться спать.

— Ага! — сказала Пятачок, стараясь произнести это слово как можно лучше. Но, увы, после такого ужасного путешествия «ага» получилось не очень хорошее, и Кенга, по-видимому, не поняла, что оно означает.

— Сперва купаться, — весело сказала Кенга.

— Ага! — повторила Пятачок, тревожно оглядываясь в поисках остальных.

Но остальных не было. Кролик сидел дома и играл с Крошкой Ру, чувствуя, что с каждой минутой все больше и больше его любит, а Пух, который решил попробовать стать

Кенгай, все еще учился прыгать в той же ямке с песком.

— Не знаю, — сказала Кенга очень задумчивым голосом, — может быть тебе лучше сегодня принять холодную ванну? Как ты думаешь, Ру, милый?

Пятачок, который никогда особенно не любил купаться, задрожал от возмущения и сказал самым мужественным голосом, каким только мог:

— Кенга! Я вижу, что пришло время поговорить наизусть.

— До чего же ты свешной глупыца, Ру, — сказала Кенга, наливая воду в ванну.

— Я не Ру, — громко сказал Пятачок. — Я Пятачок!

— Да, милый, да, — сказала Кенга ласково, — Никто с тобой не спорит!... И голосу Пятачка подражали, какой унылый! — пробормотала она, доставая с пола большой кусок желтого мыла. — Ну, что ты у меня еще придумал?

— Ты что, не видишь? — закричал Пятачок. — Глаз у тебя, что ли, нет? Погляди на меня!

— А погляжу, миленький мой Ру, — сказала Кенга довольно строго, — А вот ты помнишь, что я тебе вчера говорила про гримасы? Если ты будешь строить такие гримасы, как Пятачок, то, когда вырастешь, станешь похож на Пятачка, и ты тогда об этом очень-очень пожалеешь. А теперь — марш в ванну и не заставляй меня повторять это еще раз!

И, не успев опомниться, Пятачок оказался в ванне, и Кенга принялась изо всех сил тереть его большой локонной мочалкой.

— Ой! — пищал Пятачок. — Отпусти меня! Я же Пятачок!

— Не открывай рот, дорогой, а то в него попадет мыло, — сказала Кенга. — Ну вот! Что я тебе говорила?

— Ты-ты-ты, ты это нарочно сделала — булькнул было Пятачок, как только смог снова заговорить...

Но тут во рту у него оказалась мочалка.

— Вот так хорошо, милый, помылочкай, — сказала Кенга.

В следующее мгновение Пятачок был извлечен из ванны и крепко-накрепко вытерт маленьким полотенцем.

— Ну, — сказала Кенга, — а теперь прими лекарство — и в постель.

— К-к-какое ле-ле-карство? — проплетел Пятачок.

— Рыбий жир, чтобы ты вырос большим и сильным, милый. Ты же не хочешь быть таким маленьким и слабым, как Пятачок, правда? Ну, так вот.

В этот момент кто-то постучал в дверь.

— Войдите, — сказала Кенга.

И вошел Кристофер Робин.

— Кристофер Робин, Кристофер Робин! — рычал Пятачок. — Скажи Кенге, кто ж Она все время говорит, что я Ру! А ведь не Ру правда!

Кристофер Робин осмотрел его очень тщательно и покачал головой.

— Конечно, ты не Ру, — сказал он, — потому что я только что видел Ру в гости у Кролика. Они там играют.

— Ну и ну! — сказала Кенга. — Подумать только! Как это я могла так обознаюсь!

— Ага, ага! Вот видишь! — сказал Пятачок. — Что я тебе говорил? Я Пятачок!

Кристофер Робин снова покачал головой.

— Нет, ты не Пятачок, — сказал он. — Я хорошо знаю Пятачка, и он совершенно другого цвета.

«Это потому, что я только что минуту назад принял ванну!», — хотел сказать Пятачок, но успел сообразить, что, пожалуй, говорить этого не стоит. Едва он открыл рот, собираясь сказать что-то своему другу, Кенга живо всунула ему в рот ложку с лекарством и приложила его по спине и сказала ему, что рыбий жир очень, очень вкусный, когда к нему как следует привыкнешь.

— Я знаю, что это не Пятачок, — сказала Кенга потом. — Интересно, кто это все же может быть?

— Может быть, какой-нибудь родственник Пузат? — сказал Кристофер Робин. — Скажем, племянник, или дядя, или что-нибудь в этом духе?

— Вероятно, вероятно, — согласилась Кенга. — Только нам надо придумать ему какое-нибудь имя.

— Можно звать его Пузыль, — сказал Кристофер Робин. — Например, Генри Пузыль, Совершенно.

Но, едва получив новое имя, Генри Пузыль вывернулся из объятий Кенги и прыгнул вниз. К его великому счастью, Кристофер Робин оставил дверь открытой.

Никогда в жизни Генри Пузыль-Пятачок не бежал так быстро, как сейчас! Он несся, не останавливаясь ни на секунду. Лишь в сотне шагов от дома он прекратил бег и покосился по земле, чтобы вновь обрести свой собственный — милый, уютный и привычный — цвет...

Так Кенга и Крошка Ру остались в Лесу. И каждый вторник Крошка Ру отправлялся на целый день в гости к своему новому другу — Кролику, а Кенга проводила весь день со своими новыми друзьями — Пухом, обучая его прыгать, а Пятачок в эти дни гости у своего старого друга Кристофера Робина.

И всем было ужасно весело!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой Кристофер Робин организует «испедицию» к Северному Полюсу

Винни-Пух брел по Лесу, собравшись позвать своего друга Кристофера Робина и выяснить, не позавидовал ли он о том, что на свете существуют медведи. Утром за завтраком (завтрак был очень скромный-немножко варiegаду, намазанного на соты с медом) Пууу внезапно пришла в голову новая песня (Шумелка). Она начиналась так: «Хорошо быть медведем, уррр!»

Придумав эту строчку, он постучал в голову и подумал: «Начало просто замечательное, но где же взять вторую строчку?»

Он попробовал повторить «уррр» два и даже три раза, но это что-то не помогало. «Может быть, лучше, — подумал он, — спеть «Хорошо быть медведем, огого!» И он спел «огоо». Но увы, и так дело шло намного не лучше. «Ну, тогда ладно, — сказал он, — тогда я могу спеть эту первую строчку два раза, и, может быть, если я буду петь очень быстро, я, сам того не замечая, доберусь до третьей и четвертой строчек, и тогда получится хорошая Шумелка. А ну-ка:

Хорошо быть медведем, урр!

Хорошо быть медведем, урр!

Побежу...

(Нет, победю!)

Победа я и жару и мороз,

Лишь бы медом был вымазан нос!

Победа...

(Нет, победю!)

Побежду и любую беду,

Лишь бы были все лапки в меду!...

Ура, Винни-Пух!

Ура, Винни-Пух!

Час-другой пролежит, словно ленивец,

И наступит пора подкрепиться!

Ему почему-то так понравилась эта песня (Шумелка), что он распевал ее всю дорогу, шатая по Лесу. Что если я буду петь ее дальше, — вдруг подумал он, — как раз придет время чем-нибудь подкрепиться, и тогда последняя строчка будет неправильная». Поэтому он замурлыкал эту песенку без слов.

Кристофер Робин сидел у горшка, напиваясь своим Походным Салом. Едва Пух увидел Походные Салоги, он сразу понял, что предстоит Приключение, и он схватил ладонью остатки меда и моросики и подтянулся как только мог, чтобы показать, что он ко всему готов.

— Доброе утро, Кристофер Робин! — крикнул он.

— Привет, Винни-Пух. Никогда не наткну эл? Салог.

— Это сало, — сказал Пух.

— Ты, пожалуй, уприс мне в спину, а то я могу потянуть так сильно, что полечу вверх торшашками.

Пух сел и крепко, изо всех сил, уперся запятыми в землю, а спиной изо всех сил уперся в спину Кристофера Робина, а Кристофер Робин изо всех сил уперся в спину Пуха и стал тащить и тянуть свой Салог, пока он наконец не надеялся.

— Ну, вот так, — сказал Пух. — Что будем делать дальше?

— Мы отправляемся в испедицию. Все, — сказал Кристофер Робин, поднимаясь и отряхиваясь. — Спасибо, Пух.

— Отправляемся в испедицию? — с интересом спросил Пух. — Никогда ни одной не видел. А где она, эта испедиция?

— Испедиция, глупейший мой мишка. Не «кс», а «кс».

— А-а! — сказал Пух. — Почтенно.

По правде говоря, он ничего не понял.

— Мы должны пыскать и открыть Северный Полос.

— А-а! — снова сказала Пух. — А что такое Северный Полос? — спросил он.

— Ну, это такая штука, которую открывают, — небрежно сказала Кристофер Робин, который и сам не очень точно знал, что это за штука.

— А-а, понятно. — сказал Пух. — А медведи помогают его открывать?

— Конечно, помогают. И Кролик, и Кенга, и все. Это же экспедиция. Экспедиция — это вот что значит: все идут друг за другом, гуском... Ты бы лучше сказала всем остальным, чтобы они собирались, пока я почищу ружье. И еще надо не забыть провозить.

— Про что не забыть?

— Не про что, а то, что едет.

— А-а! — сказала Пух радостно. — А мне показалось, ты говорил про какую-то вилку. Тогда я пойду и посажу им вилки.

И он отправился в путь.

Первым, кого он встретил, был Кролик.

— Здравствуй, Кролик! — сказал Пух. — Это ты?

— Давай играть, как будто это не я. — сказала Кролик. — Посмотри, что у нас тогда получится.

— У меня к тебе предложение.

— Ладно, я передам Кролику.

— Мы все отправляемся в экспедицию с Кристофером Роббином.

— Кролик обязательно примет участие.

— Ой, Кролик, мне некогда. — сказал Пух. — Мы должны, главное, не забывать про... Словом, про то, что едет. А то вдруг нам есть захочется. Я теперь пойду к Патачку, а ты скажи Кенге, ладно?

Он попрощался с Кроликом и побегал к дому Патачка.

Патачок сидел на земле и гадал на ромашке, высокая — любит, не любит, плюнет или поцелует. Оказалось, что плюнет, и он теперь старался вспомнить, на кого он загадал, надеясь, что это не Пух. И тут появился Винни-Пух.

— Эй, Патачок! — равнодушно сказал Пух. — Мы все отправляемся в экспедицию. Все, все! И берем про... Покушать. Мы должны что-то открыть.

— Что открыть? — испуганно спросил Патачок.

— Ну, что-то там такое.

— Не очень злое?

— Кристофер Робин ничего не говорил насчет злости. Он сказал только, что в нем есть «яси».

— «Каким» я не боюсь, — серьезно сказал Патачок. — Я боюсь только волков, но если с нами пойдет Кристофер Робин, я тогда вообще ничего не боюсь!

Ступил некоего времени все были в сборе и экспедиция началась. Первым шел Кристофер Робин и Кролик, за ними Патачок и Пух, далее Кенга с Крошкой Ру и Совы, еще дальше — Иа. А в самом конце, растянувшись длинной цепочкой, шли все Родные и Знакомые Кролика.

— Я их не приглашал, — небрежно объяснил Кролик, — они просто взяли и пришли. Они всегда так. Они могут идти в конце, позади Иа.

— Я хотел бы сказать, — сказал Иа, — что это действует на первом. Я вообще не собирался идти в эту экспедицию... или как там Пух выразился. Я пришел только из чувства долга. Тем не менее я здесь, и если я должен идти в конце экспедиции — вы понимаете, о чем я говорю, — то пусть я и буду в конце. Но если каждый раз, когда мне захочется посидеть и отдохнуть, мне придется сначала расчищать себе место от всей этой мелкоты — Родственников и Знакомых Кролика, то это будет не экспедиция — или как ее там называют, — а просто суета и суматоха. Вот что я хотел сказать.

— Я понимаю, что Иа имеет в виду, — сказала Сова. — Если вы спросите меня...

— Я ничего не страшнелю. — сказал Иа. — Я, наоборот, всем объясню. Можете искать Северный Полос, а можете играть в «Сиди, сиди, Иша» на муравейнике. С моей стороны возражений нет.

Тут в толчее колонны поспешили крив.

— Вперед! Вперед! — кричал Кристофер Робин.

— Вперед! — кричали Пух и Патачок.

— Вперед! — кричала Сова.

— Тропайтесь! — сказала Кролик. — Я должен бежать. — И он поначался в голову колонны к Кристоферу Робину.

— Вот именно, — сказал Иа. — Все тронулись. Но я тут ни при чем.

Так они вытупили в лесод к Полосу. По дороге они все болтали о разных разностях. Все, кроме Пуха, который слышал песню.

— Вот и первая строфа, — сказал он Патачку, когда она была наконец готова.

— Первая строфа чего?

— Моей песни.

— Какой песни?

— Этой самой.

— Какой?

— Если ты послушаешь, то все знаешь.

— А откуда ты знаешь, что я не слушаю?

На это Пух не нашел, что ответить, и поэтому начал петь:

Все вышли в ИСПЕДИЦИЮ

(Считая и меня).

Сова, и Пух и Кролик,

И все это родные!

Все наша ИСПЕДИЦИЯ

Весь день бродила по лесу,

Ишлаво ИСПЕДИЦИЯ

Везде втроу к Полосу

И каждый в ИСПЕДИЦИИ

Ужасно был бы рад!

Узнать, что значит Полос:

И с чем его едем!

— Тсс! — сказал Кристофер Робин, обернувшись к Пуху. — Мы как раз подходим к опасному месту!

— Тсс! — сказал Пух, быстро обернувшись к поросенку.

— Тсс! — сказала Патачок Кенге.

— Тсс! — сказала Кенга Сова, а Крошка Ру несколько раз подряд сказала «тсс» самому себе.

— Тсс! — сказала Сова, обернувшись к Иа.

— Цинц! — сказал Иа страшным голосом всем Родным и Знакомым Кролика, и они принялись поспешно говорить друг другу «тсс», пока не дошло до самого последнего. А последний, самый маленький Родственник и Знакомый, так испугался, решил, что вся экспедиция говорит ему «тсс», что немедленно зарылся в землю и просидел там вниз головой целых два дня, пока не убедился, что опасность окончательно миновала. Потом он поспешно отправился домой.

Его звали Сыска Буссака.

Экспедиция подошла к речке, которая весело вертелась и кувыркалась среди высоких каменистых берегов, и Кристофер Робин сразу оценил обстановку.

— Это как раз подходящее место для засады.

— Какой засады? — шепнул Пух Патачку. — Может, там малина есть?

— Дорогой мой Пух, — сказала Сова покровительственным тоном, — нуужели ты не знаешь даже, что такое засада?

— Сова, — сказал Патачок, строго посмотрев на нее. — Пух ведь не с тобой шептался, а со мной, и совершенно необязательно было тебе...

— Засада, — сказала Сова, — это вроде сюрприза.
— Малина иногда тоже, — сказал Пух.
— Засада, как я собираюсь объяснить Винни-Пуху, — сказал Пятачок, — это вроде сюрприза.
— Если на тебе внезапно наскочит, это называется засадой, — сказала Сова.
— Засадой, Пух, называется, когда на тебя внезапно наскочат, — объяснил Пятачок.

Пух, который теперь уже знал, что такое засада, сказал, что однажды куш малины наскочил на него внезапно, когда он, Пух, падал с дерева, и ему пришлось потом целую неделю вытаскивать колечки.

— Никто не говорил о малине, — довольно сердито сказала Сова.

— Я же говорил, — сказал Пух.

Они очень осторожно шли по берегу, пробираясь между скал и камней, и вскоре дошли до места, где берег был пошире и незаметно превращался в ровную лужайку, поросшую зеленой травой, на которой так и хотелось посидеть и отдохнуть. Как только они пришли туда, Кристофер Робин командовал: «Сто!» — и все улеглись отдыхать.

— По-моему, — сказал Кристофер Робин, — мы должны съесть всю нашу провизию, чтобы нам было легче идти дальше.

— Съесть все наше что? — сказал Пух.

— Все, что мы принесли, — сказал Пятачок, приступая к делу.

— Это хорошая мысль, — сказал Пух и тоже приступил к делу.

— У всех есть что поесть? — спросил Кристофер Робин с полным ртом.

— У всех, кроме меня, — сказал Иа. — Как обычно! — Он грустно оглянулся. — Интересно, никто из вас не сидит случайно на чертополохе?

— Кажется, я сижу, — сказал Пух. — Ой! — Он вскочил и оглянулся. — Да, я сидел. Я так и чувствовал!

— Спасибо, Пух. Если от тебе больше не нужен, то...

Иа-Иа перешел на место Пуха и начал есть.

— Между прочим, чертополоху не на пользу, когда на нем сидят, — затворил Иа на минуту створившийся от еды. — Он теряет всякую свежесть. Помните об этом, друзья мои. Не мешайте проявлять внимание к товарищу! Надо иногда подумать и о других, а не только о себе!

Как только Кристофер Робин закончил со своим завтраком, он что-то шепнул Кролику, а Кролик сказал: «Да, да, конечно», и они отошли в сторону.

Как только Кристофер Робин закончил со своим завтраком, он что-то шепнул Кролику, а Кролик сказал: «Да, да, конечно», и они отошли в сторону.

— Мне не хотелось говорить при всех, — начал Кристофер Робин.

— Конечно, — сказала Кролик, надумавшись от гордости.

— Дело в том... я хотел... да нет, наверно, и ты, Кролик, не знаешь... Интересно, какой из себя Северный Полюс?

— Ну, — сказал Кролик, встопорщив уши, — надо было раньше спросить.

— Я раньше-то знал, но как будто позабыл, — небрежно сказала Кристофер Робин.

— Странное совпадение, — сказал Кролик, — в тоже как будто позабыл, хотя раньше-то я, конечно, знал.

— По-моему, там проходит земная ось. Наверно, она воткнута в землю. Правда?

— Конечно, там есть ось, и, конечно, она воткнута в землю, потому что больше же ее откуда воткнуть, да к тому же она так и называется: «земляная».

— И я так думаю.

— Вопрос не в этом, — сказал Кролик, — Вопрос в том, где она, эта ось?

— Это мы скоро узнаем! — сказал Кристофер Робин.

Они вернулись к остальным участникам экспедиции. Пятачок лежал на травке и мирно покрывался. Ру мыл мордочку и лапки в речке возле заруды, и Кенга, исполненная гордости, объясняла всем и каждому, что Ру впервые в жизни умывается самостоятельно; а Сова рассказывала Кенге интересную историю, полную длинных слов, вроде «энциклопедия» и «радиодетектор», хотя Кенга и не думала ее слушать.

— Не одобряю эти разные умывания, — ворчала Иа, — в особенности этой новой моды мыть за ушами. А ты, Пух?

— Ну, — сказала Пух, — я пытаюсь...

На мы никогда не узнаем, что считал Пух, потому что в этот момент раздался всплеск, послышался писк Ру и тремкий испуганный крик Кенги.

— Ру упал в воду! — закричал Кролик.

— Дорывался! — сказал Иа-Иа.

Кристофер Робин и Пух кинулись на помощь.

— Смотрите, как я плаваю! — пропела Ру. Он был уже на середине пруда, и течение быстро несло его к водолузу у плотины.

— Ру, дорогой, ты цел? — кричала Кенга.

— Да! — отвечал Ру. — Смотрите, как я плаваю. Буль, буль! — И он вынырнул уже у следующей заруды.

Все, как могли, старались ему помочь.

Пятачок, совершенно проснувшись, прыгнул на место и кричал: «Ой, ой!»; Сова объясняла, что в случае неожиданного погружения в воду самое важное — это держать голову над поверхностью; Кенга опремными скамками неслась по берегу, не забывая спрашивать: «Ну, дорогой, ты действительно цел?» — на что Ру отвечал: «Смотрите, как я плаваю!»; Иа сел возле заруды — той самой, где Ру упал, — и опустил в воду хвост. Повернувшись спиной ко всему происходящему, он приговаривал: «Все из-за этого мыла; но ты только держись за мой хвост, Ру, и все будет в порядке». А Кристофер Робин и Кролик носились взад и вперед, созывая всех остальных.

— Ру, держись, мы идем к тебе! — кричала Кристофер Робин.

— Эй вы там, ребята, перебросьте что-нибудь через реку, немного пониже! — командовал Кролик.

И только Винни-Пух сделал что-то полезное.

Он подхватил длинную палку и перебрался на тот берег. Туда сразу же перескочила Кенга и севнула другой конец палки на противоположном берегу. И вскоре Ру, который продолжал радостно булькать: «Смотрите, как я плаваю!», равнялся за нее и выкарабкался на берег.

— Вы видели, как я плаваю? — пищал Ру в восторге, пока Кенга вытирала его. — Пух, ты видел, как я плаваю? Вот это называется плавать! Кролик, ты видел, что я делаю? Я плаваю! Эй, Пятачок! Пятачок, слышишь? Как ты думаешь, что я сейчас делаю? Я плаваю! Кристофер Робин, ты видел, как я...

Но Кристофер Робин не слышал, он смотрел на Пуха.

— Пух, — сказал он, — где ты нашел эту ось?

Пух посмотрел на палку, которую все еще продолжал держать.

— Ну, просто нашед, — сказал он. — Разве это ося? Я думал, это просто плава и она может приподысь. Она там торчала в земле, а я ее поднял.

— Пух, — сказал Кристофер Робин торжественно, — экспедиция окончена. Это — Земная Ось. Мы нашли Северный Полос.

— Ох, правда? — сказал Пух.

Когда все вернулось на лужайку, Иа все еще продолжал сидеть, опустив хвост в воду.

— Пусть кто-нибудь скажет Ру, чтобы он поторолится, — сказал он. — Мой хвост избу. Я не жауюсь, я просто констатирую факт. Мой хвост замерз.

— Вот я! — протянул Ру.

— Ах, вот ты где!

— Ты видел, как я плаваю?

Иа выплывил хвост из воды и помахал им.

— Я так и думал, — сказал он. — Ничего не чувствует. Онемел. Вот до чего дало. Он охоченел. Ну что ж, если это никого не беспокоит, значит, так и должно быть.

— Бедный мой ослик. Я его сейчас вытру, — сказал Кристофер Робин. Он достал носовой платок и начал вытирать хвост.

— Спасибо, Кристофер Робин. Ты здесь единственный, кто понимает в хвостах. Остальные не способны думать. Вот в чем их беда. У них нет воображения. Для них хвост это не хвост, а просто добавочная порция спины.

— Не горюй, Иа! — сказал Кристофер Робин, растерев хвост изо всех сил. — Так лучше?

— Пожалуй, так он чувствует себя хвостом. Чувствует, что ты им владеешь. Если ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Привет, Иа! — сказала Пух, подойдя со своей Осью.

— Привет, Пух. Спасибо за внимание. Я думаю, что через день-два я опять сумею им владеть.

— Чем владеть? — спросил Пух.

— Тем, о чем мы говорили.

— А я ни о чем не говорил. — сказал Пух, недоумевая.

— Значит, я опять ошибся. А я думал, ты сказал, как тебя огорчает история с моим хвостом, и спросил, не мог бы ты чем-нибудь помочь.

— Нет, — сказал Пух истосерденно. — Это был не я. — Он подумал невзначай, и желая помочь вынести вопрос, добавил: — Наверно, это был кто-нибудь другой.

— Ну что ж, тогда благодарю его от моего имени, когда вы увидите.

Пух смущенно посмотрел на Кристофера Робина.

— Пух надел Северный Полос. — сказал Кристофер Робин. — Здорово, правда? Вот Земная Ось.

Пух скромно опустил глаза.

— Вот это? — спросил Иа.

— Да, — сказала Кристофер Робин.

— Значит, мы вот эту штуку искали?

— Да, — сказал Пух.

— Гм, — сказал Иа-Иа. — Ну что ж. Во всяком случае, дождя не было, — добавил он.

Они воткнули Ось в землю, и Кристофер Робин привязал к ней дощечку с надписью:

СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС:

ОТКРЫТ ПУХОМ

ПУХ ЕГО НАШЕЛ

Потом все отправилось по домам. И, по-моему, хотя я в этом и не вполне уверен, Крошке Ру пришлось принять горячую ванну и немедленно лечь спать. А Пух так гордился своим подвигом, что должен был очень-очень основательно подкрепиться.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой Пятачок совершенно окружён водой

Дважды лив, лив и лив. Пятачок сказал себе, что никогда за всю свою жизнь — а ему было ужасно много лет-может быть, три года, а может быть, даже четыре! — никогда он еще не видел столько дождя сразу. А дождь лив, и лив, и лив. С утра до вечера День за днем.

«Вот если бы, — думал Пятачок, выходя из окна, — я был в гостях у Пуха, или у Кристофера Робина, или хотя бы у Кролика, когда дождя не было, мне было бы все время весело. А то сиди тут один-одинешенек и думай, когда он перестанет!»

И он представлял себе, что он в гостях у Пуха и говорит ему: «Ты видел когда-нибудь такой дождь?» — а Пух отвечает: «Ну прямо ужасно!» или он, Пятачок, в свою очередь, говорит: «Интересно, не размыло ли дорогу к Кристоферу Робину?», а Пух отвечает: «А бедный старый Кролик, наверно, смылся из дому».

Конечно, такая беседа — это одно удовольствие!

И вообще какой толк в таких потрескивающих вещах, как потоги и наводнения, если тебе не с кем даже о них поговорить?

А было, спорит, потрескило интересно. Маленькие сухие канавки, в которые Пятачок, бывало, так часто лазил, стали ручьями, ручейки, по которым он, бывало, шлепал, подернувшись алыми, превратились в потоки, а речка, на берегах которой друзья так весело играли, вылезла из своего ложа (так называют речичку постель) и разлилась так широко, что Пятачок начал беспокоиться, не заберется ли она скоро и в его собственное ложе (то есть в его постель).

«Да, немного страшновато, — сказал он сам себе, — быть Очень-Маленьким Существом, совершенно окруженным водой!» Кристофер Робин и Пух могут стиснуть, забравшись на дерево. Кенга может ухватить и тоже стиснуть. Кролик может стиснуть, зарывшись в землю. Сова может улететь, а Иа может стиснуть — имену, если будет громко кричать, пока его не слопут.

А вот я сижу тут, весь окруженный водой, и совсем-совсем ничего не могу сделать!»

Дождь все лив, и с каждым днем вода подымалась всевозможно выше, и вот она подошла уже к самому окошку, а Пятачок все еще ничего не сделал.

И вдруг он вспомнил историю, которую рассказывал ему Кристофер Робин, — историю про человека на необитаемом острове, который написал что-то на бумажке, положил ее в бутылку и бросил бутылку в море; и Пятачок подумал, что если он напишет что-нибудь на бумажке, положит ее в бутылку и бросит в воду, то, может быть, кто-нибудь придет и спасет его!

Он обсыпал весь свой дом, вернее, все, что в доме оставалось сухого, и наконец он нашел сухой карандаш, кусочек сухой бумаги, сухую бутылку и сухую пробку и написал на одной стороне бумажки:

ПОМОГИТЕ!

ПЯТАЧКУ (ЭТО Я)

а на обороте:

ЭТО Я, ПЯТАЧОК,

СПАСИТЕ, ПОМОГИТЕ!

Потом он положил бумажу в бутылку, как можно лучше закупорил бутылку, как можно дальше высунулся из окошка — но так, чтобы не выпасть, — и изо всех сил бросил бутылку.

— Пляк! — сказала бутылка и закаталась на волнах.

Пятачок сделал, как она медленно уливает, пока у него глаза не заболели, и ему стало порой казаться, что это бутылка, а порой, что это просто река в воде, и наконец он понял, что больше он ее никогда не увидит и что он сделал все, что мог, для своего спасения.

«И, значит, теперь, — думал он, — кто-нибудь другой должен будет что-нибудь сделать. Я надеюсь, что он сделает это быстро, потому что иначе мне придется плавать, а ведь я не умею».

Тут он очень глубоко вздохнул и сказал:

— Хочу, чтобы Пух был тут, вдвоем намного веселее!

Когда дождь начался, Винни-Пух спал. Дождь лив, лив и лив, а он спал, спал и спал.

Наконец он очень устал. Как вы помните, он открыл Северный Полос, и он так гордился этим, что спросил Кристофера Робина, нет ли где еще Полосок, которые Медведь с осликами в голове мог бы открыть.

«Есть еще Южный Полос, — сказал Кристофер Робин, — и, по-моему, где-то есть Восточный Полос и Западный Полос, хотя люди почему-то не любят говорить о них».

Услышав это сообщение, Пух очень взволновался и предложил немедленно устроить экспедицию к Восточному Полосу, но Кристофер Робин был чем-то занят с Кенгой, так что Пух отправился открывать Восточный Полос сам. Открыл он его или нет, а забыл: но он вернулся домой таким усталым, что заснул в самый разгар ужина, опустив каких-нибудь полчаса после того, как сел за стол. И вот он спал, и спал, и спал.

И вдруг он увидел сон. Ох, Пух, был на Восточном Полосе и это оказалось очень холодный Полос, весь покрытый самыми холодными сортами снега и льда. Пух разнаслаждался теплым уютом и улетел там спать, но в улье не хватило места для задних лапок Пуха, и их пришлось оставить снаружи. И вдруг, откуда ни возьмись, пришли Дикое Буки, обитающее на Восточном Полосе, и стали выщипывать мех на лапках Пуха, чтобы устроить гнезда для своих малышей, и чем больше они щипали, тем холоднее становилось лапкам, и наконец Пух проснулся с криком и обнаружил, что он сидит на стуле, а ноги у него в воде и вокруг него всюду тоже вода!

Он прошлепал к двери и выскочил наружу...

— Положение серьезное, — сказал Пух, — надо искать спасения.

Он схватил самый большой горшок с медом и сплел с ним на толстую-претолстую ветку своего дерева, торчащую высоко-высоко над водой.

Потом он опять слез вниз и отосел с другими горшками.

А когда все спасательные операции были окончены, на ветке сидел Пух, болтая ногами, а рядом стояло десять горшков с медом.

На другой день на ветке сидел Пух, болтая ногами, а рядом стояли четыре горшка с медом.

На третий день на ветке сидел Пух, болтая ногами, а рядом стоял один горшок с медом.

На четвертый день на ветке сидел Пух один-одинешенек.

И в это самое утро бутылка Питанка проплывала мимо Пука.

И тут с громким криком «Мед! Мед!» Пух кинулся в воду, схватил бутылку и по шейку в воду. храбро вернулось к дереву и влез на ветку.

— Жаль, жаль, — сказал Пух, открыв бутылку, — столько мочнуть, а совершенно зря!.. Погодите, а что тут делает эта бумажка?

Он вытащил бумажку и посмотрел на нее.

— Это Спасание, — сказал он, — вот что это такое. А вот это буква «Пы», да-да-да, да-да-да, а «Пы», наверно, значит «Пух», и, значит, это очень важное Спасание для меня, а я не могу узнать, что оно значит! Надо бы найти Кристофера Робина, или Сову, или Питанка — словом, какого-нибудь читателя, который умеет читать все слова, и они мне скажут, про что тут написано; только вот плавать я не умею. Жалко!

И вдруг ему пришла в голову мысль, и я считаю, что для медведя с опилками в голове это была очень хорошая мысль. Он сказал себе:

«Раз бутылка может плавать, то и горшок может плавать, а когда горшок поплывет, я могу сесть на него, если это будет очень большой горшок».

Он взял свой самый большой горшок и завязал его покрепче.

— У каждого корабля должно быть название, — сказал он, — значит, я назову свой — «Плавучий Медведь».

С этими словами он бросил свой корабль в воду и прыгнул вслеп.

Некоторое время Пух и «Плавучий Медведь» не могли решить вопроса о том, кто из них должен быть сверху, но в конце концов она договорилась. «Плавучий Медведь» оказался внизу, а на нем — Пух, счастливо болтавший ногами.

Кристофер Робин жил в самом высоком месте Леса. Дождь шел, шел и шел, но вода не могла добраться до его дома. И, пожалуй, было довольно весело смотреть вниз и любоваться всей этой водой, но дождь был такой сильный, что Кристофер Робин почти все время сидел дома и думал о разных вещах.

Каждое утро он выходил (с зонтиком) и втыкал палочку в том месте, до которого дошла вода, а на следующее утро палочка уже скрывалась под водой, так что ему пришлось втыкать новую палочку, и дорога домой становилась все короче и короче.

Науро пятого дня он понял, что впервые в жизни оказался на настоящем острове. Это, конечно, было очень-очень здорово!

И в это самое утро прилетела Сова, чтобы узнать, как поживает ее друг Кристофер Робин.

— Слушай, Сова, — сказала Кристофер Робин, — до чего здорово! Я живу на острове!

— Атмосферные условия в последнее время были несколько неблагоприятными, — сказала Сова.

— Что, что?

— Дождь был, — напомнила Сова.

— Да, — сказала Кристофер Робин, — был.

— Уровень паводка достиг небывалой высоты.

— Кто?

— Я говорю — воды крутом много, — напомнила Сова.

— Да, — согласился Кристофер Робин, — очень много.

— Однако перспективы быстро улучшаются. Прогноз показывает..

— Ты видела Пука?

— Нет, пропал..

— Я надеюсь, он жив и здоров, — сказала Кристофер Робин, — Я немного беспокоюсь о нем. Интересно, Питанок с ним или нет? Ты думаешь, у них все в порядке, Сова?

— Я полагаю, что все в порядке. Ты понимаешь, пропал..

— Знаешь что, Сова, взгляди, как они там, потому что вода у Пука оплики в голове и он может сделать какую-нибудь глупость, а я его так люблю. Сова. Понимаешь, Сова?

— Очень хорошо, — сказала Сова, — я отправлюсь. Вернусь немедленно. — И она улетела.

Вскоре она вернулась,

— Пука там нет, — сказала она.

— Нет?

— Он был там. Он сидел на ветке с девятью горшками меда. Но теперь его там нет.

— Пух, дорогой, — крикнул Кристофер Робин, — где же ты?

— Вот где я, — ответил содди ворчливый голосок.

— Пух!!

Они кинулись обниматься.

— Как ты сюда попал, Пух? — спросил Кристофер Робин, когда он смог снова говорить.

— На корабле! — сказал Пух гордо. — Я получил очень важное Спасание в бутылке, но так как мне попала в глаза вода, я не мог его прочитать и привез его тебе на своем корабле.

С этими гордыми словами он передал Кристоферу Робину послание.

— Это же от Питанка! — закричал Кристофер Робин, прочитав послание.

— А про Пука там ничего нет? — спросил медвежонок, заглядывая Кристоферу Робину через плечо.

Кристофер Робин прочел послание вслух.

— Ах, так все эти «Пы» были Питанки? А я думал, это были Пуки.

— Надо его немедленно спасать! Я-то думал, что он с тобой, Пух, Сова, ты можешь его спасти на сплеч?

— Не думаю, — отвечала Сова после длительного размышления. — Совершенно, чтобы сплечная мускулатура была в состоянии..

— Тогда полети к нему сейчас же и скажи, что спасение приближается, а мы с Пуком подумаем, как его спасти, и придем, как только сможем. Ой, Сова, только, ради бога, не разговаривай, лети скорее!

И, все еще повторяя про себя то, что она хотела, но не успела высказать, Сова улетела.

— Ну вот, Пух, — сказал Кристофер Робин, — где твой корабль?

— Надо сказать, — объяснил Пух Кристоферу по дороге к берегу, — что это не совсем обыкновенный корабль. Иногда это корабль, а иногда это ерда несчастного слуха. Смотри по тропе..

— Смотри по чему?

— Ну, по тому — наверху и или внизу. На нем или под ним.

— Ну, а где он?

— Вот, — сказал Пух гордо и указал на «Плавучего Медведя».

Да, это было совсем не то, что Кристофер Робин ожидал увидеть.

И чем больше он сидел на «Плавучего Медведя» тем больше он думал о том, какой же храбрый и унылый медвежонок Винни-Пух, не чем больше Кристофер Робин думал об этом, тем скорее он глядел Пух в землю, стараясь сделать вид, что это не он.

— Но только он слишком маленький для нас обоих, — сказал Кристофер Робин грустно.

— Для нас троих, считая Питанка.

— Ну, значит, он еще меньше, Винни Пух, что же нам делать?

И тут этот медвежонок, Винни-Пух, Д.П. (Друг Питанка), П.К. (Принатель Кролика), О.П. (Открыатель Полосы), У.И. и Н.Х. (Учитель И-И и Находитель Хаоса), — одним словом, наш Винни-Пух сказал такую мудрую вещь, что Кристофер Робин смог только вытаращить глаза и открыть рот, не понимая — неужели это тот самый медведь с опилками в голове, которого он так давно знает и любит.

— Мы полнымы в твоём зонтике, — сказал Пух.

— ??

— Мы полнымы в твоём зонтике, — сказал Пух.

— ??

— Мы полнымы в твоём зонтике, — сказал Пух.

— ??

Да, Кристофер Робин вдруг понял, что это возможно. Он открыл свой зонтик и опустил его на воду. Зонтик поплыл, но закачался. Пух влез в него. И он было уже хотел сказать, что все в порядке, когда обнаружил, что не все, и после непродолжительного купания он сброд вернулся к Кристоферу Робину. Потом они оба сели в зонтик, и зонтик больше не качался.

— Мы назовем это судно «Мудрость Пука» — сказал Кристофер Робин.

И «Мудрость Пука» на всех парусах поплыла в юго-восточном направлении, время от времени плавно вращаясь.

Представьте себе, как обрадовался Пятачок, когда наконец увидел Корабль! Потом долгие годы он любил думать, что был в очень большой опасности во время этого ужасного похода, но единственная опасность угрожала ему только в последние полчаса его заключения, когда Своя уселась на ветку и чтобы его морально поддержать, стала рассказывать ему длинейшую историю про свою Тетку, которая однажды по ошибке снесла гусиное яйцо, и история эта тонула и тонула (совсем как эта фраза), пока Пятачок (которой слушал Своя, выслушавшись в окно), потеряв надежду на спасение, начал засыпать и, естественно, стал поамлетичку вываливаться из окна, но, по счастью, в тот момент, когда он держался только одними копытцами задних ног. Слова громко вскрикнула, изображая ужас своей Тетки и ее крик, когда она (Тетка) обнаружила, что яйцо было действительно гусиное, и Пятачок проснулся и как раз успел юркнуть обратно в окно и сказать: «Ах как интересно! Да что вы говорите!» — словом, вы можете представить себе его радость, когда он увидел славный Корабль «Мудрость Пука» (Капитан — К.Робин, 1-й помощник — Б.-Пух), который плыл ему на выручку, а К.Робин и Б. — Пух, в свое оно...

Но эта история здесь, по сути дела, кончается, а я так устал от этой последней фразы, что тоже не прочь бы кончить, но никак нельзя не рассказать о том, что было позже.

Потому что позже, когда все вышло, и все ручейки в Лесу стали опять маленькими и хрипотылыми, и вода в тихих, сонных ручьях только грезил о великих делах, которые она совершила, Кристофер Робин устроил Торжественный Вечер в честь своего друга Винни-Пуха и в честь Славного Дела, которое он — Винни-Пух — совершил.

Это был чудесный вечер! В Лесу был накрыт длинный-предлинный стол, и на одном Преддательском месте — в конце стола — сидел Кристофер Робин, а на другом Преддательском месте — в другом конце стола — сидел сам Винни-Пух, а на остальных местах сидели Гости: Пятачок, и Кролик, и Иа, и Бенга, и Ру, и Сова. А вокруг, в траве, расположились Рождественки и Знакомые Кролика, всех сортов и размеров (начиная с тех, на которых вы иногда печально наступаете, и кончая теми, которые иногда нелепоно залетают вам в глаз), и терпеливо ждали, что кто-нибудь из Гостей заговорит с ними, или что-нибудь уронит, или хотя бы спросит у них, который час.

И, конечно, все-все-все славно устроились, а потом Кристофер Робин произнес Хвалебную речь в честь того, кто совершил Славное Дело, и сказал, что для него — для того, кто это дело совершил, — приготовлен Большой Подарок.

Но так как он не сказал, кто именно совершил Славное Дело, считал, что все и так его знает, то Иа-Иа вдруг по ошибке принял все Торжество на свой счет, и после понял свою ошибку только тогда, когда Подарок (большая, очень красивая коробка) был вручен тому, кто действительно это дело совершил, то есть Винни-Пуху.

Винни-Пух принял Подарок и сказал «спасибо», и все столпились вокруг него, крича наперебой: «Открывай скорее!», «Него там есть?», «А я знаю, что там!» и так далее.

А когда Винни-Пух открыл коробку (поскорей, но все-таки не разрезав, а разжавив ленточку — ведь она всегда вдруг может понадобиться), все так и аюули, а сам Винни чуть не упал от радости.

Потому что это оказалась Специальная Коробка с чудеснейшим набором карандашей!

Там были карандаши, помеченные «В» — в честь Винни-Пуха, и карандаши, помеченные «НВ» — в честь Неустрашимого Винни, и еще карандаши, помеченные «ВВ» — в честь, в честь Выдающегося Винни, потому что ведь это он вынул Пятачка и еще там была Машинка для точки карандашей, и Красная Резинка, которая очень хорошо стирает все, что вы написали неправильно, и потом Линейка, и Синие Карандаши, и Красные Карандаши, и даже Зелёные и Красно-Синие, совсем как у взрослых.

И все это было для Пука.

И, по-моему, он все это вполне заслужил.

А как вы считаете?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой для Иа-Иа строят дом на Пуховой опушке

Однажды, когда Винни-Пуху делать было совершенно нечего, он подумал, что всё-таки надо бы чем-нибудь заняться. Вот он и решил заглянуть к Пятачку и посмотреть, чем занимается Пятачок. Шел он, и Винни плелся по белой-белой лесной тропинке и думал, что, наверно, Пятачок сейчас греет ножки у огня, но, к своему удивлению, он увидел, что двери дома Пятачка открыты, и чем дальше он смотрел туда, тем больше убеждался, что Пятачка там нет.

— Он ушёл из дому, — грустно сказал Пух, — вот в чью дачу. Поэтому его и нет дома! Придётся мне прогуляться одному и самому обдумать всё это. Обидно-досадно!

Но сначала он решил всё-таки, чтобы окончательно удостовериться, постучать очень-очень громко... И, ожидая, пока Пятачок не ответит, он прыгал, чтобы согреться, и вдруг в его голове внезапно зазвучал шум, и он показался Винни хорошие шумом, который может, пожалуй, иногда поправиться.

Иау вперед!

(Тирррр-бом-бом).

И снег идёт

(Тиррррр-бом-бом).

Хоть нам совсем —

Совсем не по дороге!

Но только вот

(Тиррррр-бом-бом)

Скажите, от —

(Тиррррр-бом-бом).

Скажите, от —

Чего так зёбнут ноги?

— Тогда я вот что сделал, — сказал Винни-Пух, — Я сделал так: просто сперва пойду домой и посмотрю, который час, и, может быть, надену шарф, а потом я пойду навзничь Иа и стою ему эту Шумелку!

Винни побегал домой, и по дороге он так был занят Шумелкой, которую ведь надо было окончательно отделать, перед тем как стелить её Иа, что, когда он внезапно увидел перед собой Пятачка, уютно устроившегося в его лучшем кресле, Пух смог только почесать в голове и впасть в глубокое раздумье — в чьём же доме он находится?

— Ой, Пятачок, — сказала он, — а я думал, тебя нет дома.

— Нет, — сказал Пятачок, — это тебя нет дома, Пух.

— Пожалуй, правильно, — сказал Пух, — во всяком случае, одного из нас нет дома.

И он посмотрел на часы, которые вот уже третью неделю показывали без пяти одиннадцать.

— Ура, ура, уже почти одиннадцать! — сказал Пух радостно, — как раз пора чем-нибудь подкрепиться!

И Винни-Пух полез в буфет.

— А потом мы пойдем гулять и споем нашу Шумелку Иа, — добавил он.

— Какую Шумелку?

— Ну, да песню, которую мы собираемся спеть Иа, — объяснил Пух.

Спустился полчасика, когда Пух и Пятачок отправились в путь, часик, а их утешению, всё ещё показывали без пяти одиннадцать. Ветер утих, и снежок, которому надевно вернется, пытаясь поймать самого себя за хвост, тихонько спускался вниз, и каждая очечкинка сама отыскивала себе место для отдыха. Горой этим местом оказывался нос Винни-Пуха, а горой нет, и спустя неинного времени у Пятачка вокруг шеи появился белый шарф, и за ушами у него было так снежно, как ещё никогда в жизни.

— Пух, — сказал он наконец, слегка помывшись, потому что ведь ему не хотелось, чтобы Пух подумал, что он свался. — Я вот о чём подумал: а что, если мы сейчас пойдем домой и послушаем как следует твою песню, поупражняемся, а потом споем ей Иа? Завтра, или... или, например, как-нибудь в другой раз, когда мы его случайно встретим!

— Это очень хорошая мысль, Пятачок! — сказал Пух. — Мы будем сейчас повторять Шумелку по дороге, но только дома её повторять не стоит, потому что это специальная Дорожная Шумелка для Снежной Погоды и ей надо петь на дороге, когда идёт снег.

— Обязательно! — трезвонко спросил Пятачок.

— Да ты сам увидишь. Пятачок, если послушаешь, потому что она вот как начинается: «Иду вперед, Тирлим-бом-бом...».

— Тирлим что? — спросил Пятачок.

— Бом-бом — сказал Пух. — Я вставил это, чтобы она была шумелоней. «И снег идет, тирлим-бом-бом, коть кави...»

— А ты разве не сказала «иду вперед»?

— Да, но «вперед» был впереди...

— Вперед? тирлим-бом-бома?

— Это же был другой тирлим-бом-бом. — сказала Винни-Пух, уже несколько сбивший с толку.

И он зашел снова.

Идем

Вперед

(Тирлим-бом-бом).

И снег

Идет

(Тирлим-бом-бом).

Хоть нам

Совсем-совсем не по дороге!

Но только

Вот

(тирлим-бом-бом)

Скажите,

От — (тирлим-бом-бом).

Скажите,

Отчего так забнут ноги?

Он спел Шумелку так, по-новому, от нечала до конца, и, пожалуй, так она стала ещё лучше; и, окончив, Винни замолчала в ожидании, что Пятачок скажет, что из всех Дорожных Шумелок для Снежной Погоды, которые он когда-либо слышал, эта — самая лучшая.

Пятачок после долгого и серьезного размышления высказал своё мнение.

— Пух, — сказал он задумчиво, — по-моему, не так ноги, как уши!

К этому времени они уже подошли к Уинчелю Месту, где жил Иа, и так как у Пятачка за ушами всё ещё было очень снежно и ему это начинало надоедать, они свернули в небольшую сосновую рощицу и присели на халитку в изгороди.

Теперь снег на них не падал, но всё ещё было очень холодно, и, чтобы не замерзнуть, они спели Шумелку Пука шесть раз от начала до конца (Пятачок исполнил все тирлим-бом-боми, а Пух всё остальное), причём оба в нужных местах колотили по изгороди палочками. Вскоре им стало гораздо теплее, и они смогли продолжить разговор.

— Я сейчас думаю, — сказал Пух, — и думаю я вот о чём: я думаю про Иа.

— А что ты думаешь про Иа?

— То, что ведь бедному Иа негде жить.

— Негде, негде, — согласился Пятачок.

— У тебя есть дом, Пятачок, и у меня есть дом, и это очень хорошие дома. И у Кристофера Робина дом, у Совы, и Кенги, и у Кролика тоже есть дома, и даже у Редствайков и Знакомых Кролика тоже есть дома или что-нибудь в этом роде, а у бедного Иа нет совсем ничего. И вот что я придумаю: давай построим ему дом.

— Это замечательная мысль, — сказал Пятачок. — А где мы его построим?

— Мы построим его здесь, — сказал Пух, — на опушке этой рощицы. Тут нет ветра, и тут я об этом подумал. Мы можем назвать это место «Пухова опушка», и мы построим для Иа на Пуховой Опушке — ДОМ ИА.

— Ой, кстати, там за рощей я видел грудку палочек, — сказал Пятачок. — Там их навалена целая куча! Ну прямо целая гора!

— Спасибо, Пятачок. То, что ты сказал, будет нам очень полезно, и за это я бы мог назвать это место Пуховопятачковской Опушкой, если бы Пухова Опушка не звучала лучше. Но только она звучит лучше потому, что она пушистей и, значит, больше похожа на опушку.

Они съезди с изгороди и отправились за палочками.

...Кристофер Робин всё это утро провёл в комнате, путешествуя в Африку и обратно, и он как раз сошёл с корабля и подумал: «Интересно, какая сейчас на улице погода, как вдруг в это дверь поступал не кто иной, как Иа.

— Здравствуй, Иа, — сказал Кристофер Робин, открыв дверь и выйдя на двор. — Как ты себя чувствуешь?

— Снег всё идёт, — мрачно сказал Иа.

— Да, да.

— И мороз.

— Да?

— Да, — сказал Иа. — Однако, — добавил он, немного просветлев, — землетрясений у нас в последнее время не было.

— Что случилось, Иа?

— Ничего, Кристофер Робин. Ничего существенного. Ты, конечно, не видел где-нибудь здесь дома или чего-нибудь в этом роде?

— Какого дома?

— Просто дома.

— А кто там живет?

— Я живу. По крайней мере, я думаю, что я там живу. Но, по-видимому, я там не живу. Ну что ж, в конце концов не у всех же должны быть дома.

— Ой, Иа, я не знал, я всегда думал...

— Не знаю, в чём тут дело. Кристофер Робин, но из-за всего этого снега и тому подобного, не говоря уже о сосульках и всем прочем, сейчас в поле часа в три утра не так жарко, как думаю некоторые. Не сказать, чтобы там было душно, если ты понимаешь, что я имею в виду. Да, жаловаться на духоту не приходится. Ничего не приходится. По правде говоря, Кристофер Робин, — продолжила Иа громким шепотом, — строго между нами, совершенно секретно, если никому не говорить, — там жарко!

— Ой, Иа!

— Иа я сказала себе — ведь остальные, пожалуй огорчатся, если я замёрзну. Правда, у них ни у кого нет ума, в голове у них только опилки, да и те, очевидно, попали туда по ошибке, и они не умеют думать, но если снег будет идти ещё неделю-шесть или в этом духе, даже что-нибудь из них может сказать себе: «Пожалуй, Иа не так уж жарко сейчас, часа в три утра». А потом он закончит это проверить, а ещё потом ему станет очень грустно.

— Ой, Иа! — сказал Кристофер Робин, которому уже стало очень грустно.

— Я не имел в виду тебя, Кристофер Робин. Ты не такой. Словом, всё это я kloню к тому, что я построил себе дом возле своей маленькой рощицы.

— Правда построил? Как замечательно!

— Действительно замечательным, — продолжил Иа самым унылым тоном, — представляется мне то, что, когда я утром уходил, он был там, а когда я вернулся, его там не было. Вообще это всё вполне понятно, в конце концов это был всего лишь дом Иа. Но всё-таки я несколько обеспокоен.

Кристоферу Робину некогда было особенно удивляться. Он уже забежал в свой дом и моментально надела теплую шапку, теплые ботинки и теплое галатко.

— Мы сейчас пойдём и выкопим это, — сказал он Иа.

— Мында, — сказал Иа. — когда люди забирают что-нибудь долг, там остаются куклы, другой, который им не нужен и который они с удовольствием вернут бывшему хозяину, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Вот я и думаю, что если мы займёмся...

— Пошли, пошли, — сказал Кристофер Робин.

Они пошли очень быстро, и поэтому они очень быстро пришли на ту опушку рощи, где не было дома Иа.

— Ну вот, — сказал Иа. — Не осталось ни единой палочки. Конечно, жаловаться не приходится, ведь остался весь этот снег, с которым я могу делать всё, что я хочу!

Но Кристофер Робин не слушал Иа. Он прислушивался к чему-то другому.

— Ты не слышишь? — спросил он Иа.

— А что там такое? Кто-то смеётся?

— Слышишь.

Они прислушались... И они услышали ворельный басок, напевавший, что и он идёт, и снег идёт, хотя им совсем-совсем не по дороге, и цей-то тоненький голосок, успевавший вовремя тирлилизбомбомкать.

— Это Пух! — радостно сказал Кристофер Робин.

— Вероятно, — сказал Иа.

— И ещё Пятачок. — восторженно сказал Кристофер Робин.

— Возможно, — сказал Иа. — Кто нам сейчас действительно нужен — это хорошая идеяка.

Слова песни неожиданно изменились.

— Наш дом готов! — пил бас.

Тирли-бом-бом, — пил пискливый голосок.

— Прекрасный дом...

— Тирли-бом-бом...

— Я сам счастно жил бы в нём!...

— Тирли-бом-бом...

— Пух! — закричал Кристофер Робин.

Певцы замолчали.

— Это Кристофер Робин, — в восторге сказал Пух.

— Он на той стороне. Там, где мы взяли палочку, — сказал Питанок.

— Побежали, — сказал Пух.

Они помчались по опушке вокруг рощи, и всю дорогу Пух издавал приветственные возгласы.

— Эй, в тут Иа! — сказал Пух, когда они с Кристофером Роббином кончили обниматься. Он толкнул локтем Питанка, а Питанок толкнул локтем его, и они подпрыгивали, какой это приятный сюрприз — Здравствуй, Иа!

— И тебе желаю того же, медвежонок Пух, а по четвергам — ладно, — уныло сказал Иа.

Не успев Винни-Пух спросить: «Почему по четвергам?» — как Кристофер Робин начал рассказывать грустную историю пропавшего дома Иа. Пух и Питанок слушали, и глаза у них становились всё больше и больше.

— Где, ты говоришь, он был? — спросил Пух.

— Как раз тут, — сказал Иа.

— Он был сделан из палочек?

— Да.

— Ох, — сказала Питанок.

— Что? — сказал Иа.

— И просто сказал «ох» — нервно ответил Питанок, и, чтобы не подавать виду, что он смутился, раз-другой тирлибомбонкнул так беззаботно, как только мог.

— А ты уверен, что это был дом? — спросил Пух. — Я знаю сказать, ты уверен, что как раз тут был дом?

— Конечно, уверен, — сказал Иа. Он пробормотал про себя: «Ни тени ума нет у некоторых!»

— В чём дело, Пух? — спросил Кристофер Робин.

— Ну, — сказал Пух. — Дело в том, — сказал он. — Ну, дело в том, — сказал Пух. — Понимаешь... — сказал Пух. — Как бы вам сказать... — сказал Пух и тут что-то, видимо, подсказало ему, что он не очень хорошо объясняет дело, так что он снова толкнул Питанка локтем.

— Как бы вам сказать... — поспешно сказал Питанок. — Только теплее, — добавил он после долгого размышления.

— Что — теплее?

— На той стороне рощи, где стоит дом Иа.

— Мой дом? — спросил Иа. — Мой дом был здесь.

— Нет, — твёрдо сказал Питанок, — он на той опушке.

— Поэтому что там теплее, — сказал Пух.

— Но я хочу знать...

— Пойдём и посмотрим, — просто сказал Питанок, приглашая всех идти за ним.

Они вышли на опушку, и там стоял дом Иа — с виду уютный-преуятный.

— Вот он, — сказал Питанок.

— Внутри не хуже, чем снаружи, — с гордостью сказал Пух.

Иа вошёл в дом и снова вышел.

— Странное впечатление, — сказал он. — Это мой дом, и я сам построил его там, где я говорил, так что, очевидно, его surely соде ветром. Видимо, ветер переверб его прямо через рощу и тут опустился. И он стоит здесь целый и невредимый. Пожалуй, местами он даже лучше!

— Гораздо лучше! — ворон сказали Пух и Питанок.

— Вот вам пример того, что можно сделать, если не полениться, — сказал Иа. — Тебе понятно, Пух? Тебе понятно, Питанок? Во-первых — Сиекалка, а во-вторых — Добросовестная Работа. Ясно? Вот как надо строить дом! — гордо закончил Иа.

Все поправились со счастливым хозяином дома, и Кристофер Робин любил обидать со своими друзьями — Пухом и Питанком. По дороге друзья рассказали ему об Ужасной Ошибке, которую они совершили, и, когда он кончил смеяться, все трое дружно затели Дорожную Шумелку для Снежной Погоды и пели её всю дорогу, причём Питанок, который всё ещё был немного не в голосе, толкал «тирлибомбонкал».

«Конечно, кажется, что тирлибомбонкать ладно, — сказала Питанок про себя, — но далеко не каждый и с этим сумеет справиться!»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой в лес приходит Тигра и завтракает

Винни-Пух внезапно проснулся в полночь и насторожился. Потом он встал с постели, зажёл свечку и пошёл к буфету-проверить, не выплывает ли кто-нибудь туда залезть, но там никого не было, так что он, успокоенный, вернулся обратно, задул свечку и лёг в постель. И тут он снова услышал Подозрительный Звук — тот самый, который его разбудил.

— Это ты, Питанок? — спросил Пух.

Но это был не он.

— Входи, Кристофер Робин, — сказал Пух.

Но Кристофер Робин не вошёл.

— Завтра рассказывай, Иа, — сказал Пух сонным голосом.

Но звук продолжался.

— ВОРРАВОРРАВОРРАВОРРАВОРРА! — говорил Незвестно Кто, и Пух вдруг почувствовал, что ему, в общем, совершенно не хочется спать.

«Что это может быть такое? — подумал он. — У нас в Лесу бывает множество всяких звуков, но этот какой-то странный. Это и не пение, и не сопевие, и не хрипение... Это даёт не тот звук, который издаётся перед тем, как прочитать вслух стихи. Это какой-то незнакомый шум, и шумит какой-то незнакомый зверь. А главное, он шумит у самой моей двери. Очевидно, надо встать и погрозить его перестать».

Винни встал с постели и открыл дверь.

— Привет! — сказал он, обращаясь неизвестно к кому.

— Привет! — ответил Незвестно Кто.

— Ох! — сказал Пух. — Привет!

— Привет!

— А, это ты! — сказал Пух. — Привет!

— Привет! — сказала Чужой Зверь, недоумевая, до каких пор этот обмен приветствиями будет продолжаться.

Пух как раз собирался сказать «Привет» в четвёртый раз, но подумал, что, пожалуй, не стоит, и вместо этого он спросил

— А кто это?

— Я, — отвечал Голос.

— Привет! — сказал Пух. — Ну, тогда выходи!

Тут Незвестно Кто вошёл, и при свете свечи он и Пух установились друг на друга.

— Я — Пух, — сказал Винни-Пух.

— А я — Тигра, — сказал Тигра.

— Ох! — сказал Пух. (Ведь он никогда раньше видел таких зверей!) — А Кристофер Робин знает про тебя?

— Конечно, знает! — сказал Тигра.

— Ну, — сказал Пух, — сейчас полночь, и это самое подходящее время, чтобы лечь спать, а завтра утром у нас будет мёд на завтрак. Тигра, любишь мёд?

— Она все любит! — весело сказал Тигра.

— Тогда, раз они любят спать на полу, я пойду опять лягу в постель, — сказал Пух, — а завтра мы займёмся делами. Спокойной ночи!

И он лёг в постель и поскорее заснул. Первое, что он увидел утром, проснувшись, — был Тигра, который сидел перед зеркалом, уставившись на своё отражение.

— Доброе утро! — сказал Пух.

— Доброе утро! — сказал Тигра. — Смотри-ка, тут есть кто-то, точно-точно как я, а я думаю, и только один такой!

Пух вышел из постели и начал объяснять, что такое зеркало, но едва он дошёл до самого интересного места, Тигра сказал:

— Милутонку! Извини, пожалуйста, но там кто-то лежит на твоей стои!... ВОРРАВОРРАВОРРАВОРРАВОРРА! — приворочал он, свалил угол оскатери, стащил её на пол, завылкнул в неё эти палки, покатал его в этой-то елки, вынул и начал отпавший Кольцо, начал отпав и начал отпавать и вынул отпав...

— Ну, кто победа? Я?

— Это моя скатерть, — сказал Пух, начиная разворачивать Тигру.

— Никогда бы не подумал, что ее так зовут, — сказал Тигра.

— Ее ставят на стол, и на нее потом все ставят.

— А тогда зачем она старалась укусить меня, когда я не смотрел?

— Не думаю, чтобы она очень старалась, — сказал Пух.

— Она старалась, — сказал Тигра — но где ей со мной справиться!

Пух расстелил скатерть на столе, поставил большой горшок меда на скатерть, и они сели завтракать.

Как только они сели, Тигра набрал полный рот меда... и поглядел на потолок, склонив голову набок. Потом послышалось чмоканье — удивленное чмоканье, и задумчивое чмоканье, означающее: «Интересно, что же это нам такое дали!»

А потом он сказал очень решительным голосом:

— Тигры не любят меда!

— Ай-ай-ай! — сказал Пух, стараясь показать, что его это ужасно опечалило. — А я-то думал, что они любят все.

— Все, кроме меда, — сказал Тигра.

Сказать по совести, Винни-Пуху это было довольно приятно, и он постеснялся сообщить Тигре, что, как только он, Пух, справится со своим завтраком, они пойдут в гости к Пятачку, и, может быть, он угостит их желем.

— Спасибо, Пух, — сказал Тигра, — потому что как раз желеди Тигры любят больше всего на свете!

И вот после завтрака они отправились в гости к Пятачку, и Пух по дороге объяснял, что Пятачок — очень-Маленькое Существо и не любит, когда на него насаживают, так что он, Пух, просит Тигру не очень распыляться для первого знакомства, а Тигра, который всю дорогу прятался за деревками, то вдруг выскакивал из засады, стараясь поймать тень Пуха, когда она не смотрела, отвечал, что Тигры насаживают только до завтрака, а когда они съедят немного желедей, они становятся Тихими и Вежливыми. Так они незаметно дошли до дверей Пятачка и постучали.

— Здравствуй, Пух, — сказал Пятачок.

— Здравствуй, Пятачок. А это — Тигра.

— П-п-правда! — спросил Пятачок, отъезжая на стуке к противоположному краю стола. — А я думал, Тигры не такие большие.

— Ого-го! Это ты не видел больших! — сказал Тигра.

— Они любят желеди, — сказал Пух, — поэтому мы и пришли. Потому что бедный Тигра до сих пор еще совсем не завтракал.

Пятачок поднул коранку с желедами Тигра и сказал: «Угощайтесь, пожалуйста», а сам крепко прижался к Пуху и, почувствовав себя гораздо храбрее, сказал: «Так ты Тигра? Ну-ну!» — почти веселым голосом. Но Тигра ничего не ответил, потому что рот у него был набит желедами...

Он долго и громко жевал их, а потом сказал:

— Мими, мы едим эти конюшней.

А когда Пух и Пятачок спросили: «Что, что?» — он сказал:

— Ммммммм! — и выбежал на улицу.

Почти в ту же секунду он вернулся и уверенно объявил:

— Тигры не любят желедей.

— А ты говорил, они любят все, кроме меда, — сказал Пух.

— Все, кроме меда и желедей, — объяснял Тигра.

Услышав это, Пух сказал: «А-а, понятно!» — а Пятачок, который был, пожалуй, немного рад, что Тигры не любят желедей, спросил:

— А как насчет чертополоха?

— Чертополох, — сказал Тигра, — Тигры действительно любят больше всего-всего на свете!

— Тогда пойдем навестим Иа, — предложил Пятачок.

Все трое отправились в путь. Они шли, и шли, и шли и наконец пришли в тот уголок Леса, где находился Иа-Иа.

— Здравствуй, Иа! — сказал Пух. — Вот это — Тигра.

— Кто вот это? — спросил Иа.

— Вот это, — в один голос объяснили Пух и Пятачок, а Тигра улыбнулся во весь рот и ничего не сказал.

Иа обошел вокруг Тигры два раза: сначала с одной стороны, потом с другой.

— Как, вы сказали, это называется? — спросил он, закончив осмотр.

— Тигра.

— Угу, — сказал Иа.

— Он только что пришел, — объяснил Пятачок.

— Угу, — повторил Иа.

Он некоторое время размышлял, а потом сказал:

— А когда он уйдет?

Пух стал объяснять Иа, что Тигра — большой друг Кристофера Робина и он теперь всегда будет в Лесу, а Пятачок объяснил Тигре, что он не должен обижаться на то, что сказал Иа, потому что он, то есть Иа, всегда такой урюмый; а Иа-Иа объяснил Пятачку, что наоборот, сегодня утром он необыкновенно весел, а Тигра объяснил всем и каждому, что он до сих пор еще не завтракал.

— Ох, так и знала, что позабуду, — сказала наконец Пух, — Тигры всегда едят чертополох — вот почему мы пришли к тебе в гости.

— Спасибо, Пух! Очень, очень тронут твоем вниманием!

— Ой, Иа, я не хотел сказать, что мы не хотели тебя видеть...

— Понятно, понятно. Словом, ваш новый полосатый друг хочет познакомиться. Вполне естественно. Как, вы говорите, его зовут?

— Тигра.

— Ну, тогда пойдем сюда Тигра.

Иа проводил Тигру к самому колочечному кусту чертополоха и для верности показал на него копытом.

— Этот кустик я беру для своего дня рождения, — сказал он, — но, в конце концов, что такое день рождения? Сегодня он тут, а завтра его нет. Пожалуйста, Тигра, угощайся.

Тигра сказал «спасибо» и неуверенно почесался на Пуха.

— Это и есть чертополох? — шепнул он.

— Да, — сказал Пух.

— Тот, который Тигры любят больше всего на свете?

— Совершенно верно, — сказал Пух.

— Понятно, — сказал Тигра.

И он храбро откусил большущую ветку и громко закрустил ею. В ту же секунду он сел на землю и сунул лапу в рот.

— Ой-ой-ой, — сказал он.

— В чем дело? — спросил Пух.

— Желест! — проворкотал Тигра.

— Кажется, — сказал Иа, — наш друг проглотил пчелу!

Друг Пука на секунду перестал тряссти головой (он пытался вырасти колочком) и объяснил, что Тигры не любит чертополоха.

— Тогда зачем было есть такой отличный жемчуг? — сурово спросил Иа.

— Но ведь ты сам говорил, — начал Пух, — ты говорил, что Тигры любят все, кроме меда и желудей.

— И чертополох! — крикнул Тигра, который в это время бегал с высунутым языком, описывая огромные круги.

Пух грустно посмотрел на него.

— Что же мы будем делать? — спросил он Пятачка.

Пятачок знал, что ответить. Он сказал не задумываясь, что нужно пойти к Кристоферу Робину.

— Вы найдёте его у Кенги, — сказал Иа. Потом он подошел поближе к Пуу и сказал громким шепотом: — Не могли бы вы попросить вашего друга перенести свои спортивные упражнения в какое-нибудь другое место? В саду собираюсь обедать, и мне не очень хочется, чтобы весь мой обед испортили ноги! Конечно, это пустяки. Просто, можно сказать, на всех у нас есть свои маленькие капризы. Пух важно кивнул и позвал Тигру.

— Пошли! Мы сейчас пойдем к Кенге, уж у нее обязательно найдется для тебя куча всяких завтраков.

Тигра закончила последний круг и подбежала к Пуку.

— Желест! — объяснил он, широко и приветливо улыбаясь. — Пошли! — И побежал первым.

Пух и Пятачок медленно побрели за ним. По дороге Пятачок ничего не говорил, потому что он не мог ни о чем думать, а Пух ничего не говорил, потому что думал о новом стихотворении, и, когда он все хорошенько обдумал, он начал:

Чего делать с бедным Тигрой?

Как нам его спасти?

Ведь, мать, кто ничего не ест,

Не может и расти!

А он не ест ни меда,

Ни вкусных желудей —

Ну ничего, нам кормят

Парадных людей!

Он даже отказался

Жевать чертополох,

Чем вызвал в наших Обществе

Большой переполох!

Так что ж нам делать с Тигрой?

Как нам его спасти?

Ведь Тигра очень нужно

Минимално погрести!

— Да он ведь и так уже очень большой, — сказал Пятачок.

— На самом деле он еще не очень большой.

— Ну, он кажется очень большим. Просто огромным.

Пух услышав это, задумался и пробормотал про себя:

Не знаю я точно и нем Метров,

И Литров, и Килограмм,

Но Тигры, куда они прыгают,

ОГРОМНЫМИ кажутся нам!

— Теперь стихотворение закончено, — сказал он. — Тебе оно нравится, Пятачок?

— Все, кроме Литров, — сказал Пятачок. — По-моему, они тут ни к чему.

— А они обязательно должны встать сюда Метров, — объяснил Пух. — Вот я и и вступил туда, чтобы отвязаться. Вообще это самый лучший способ выжать стихи — позволять вещам становиться туда, куда они катят.

— Этого я не знал, — сказал Пятачок.

Тигра тем временем весело прыгал вперед, поминутно возвращаясь, чтобы спросить: «Сюда идти?» И вот наконец показался домик Кенги, и там был Кристофер Робин. Тигра бросился ко всем ног к нему.

— Ах, это ты, Тигра! — сказала Кристофер Робин. — Я знал, что ты где-нибудь тут.

— А я сколько всего нашел в лесу! — с гордостью сказала Тигра. — Я нашла пух, и пятачок нашел, и еще их нашла! А вот завтрака я нигде не нашла.

Пух и Пятачок подошли к Кристоферу Робину, обнялись с ним и рассказали, в чем дело.

— Ты, наверно, знаешь, что Тигры любят? — спросил Пух.

— Если я очень постарался, я, наверно, вспомню, — сказал Кристофер Робин. — Но я думаю, что Тигра сам знает.

— Я знаю, — сказала Тигра, — они любят все на свете, кроме меда и желудей и еще — как эти жуки называются?

— Чертополох.

— Да и еще кроме этих,

— Ну что ж, ладно. Уж Кенга накормит тебя завтраком.

Они вошли в дом, и когда Крошка Ру сказал «Здравствуй, Пух!» и «Здравствуй, Пятачок» (по одному разу), и «Здравствуй, Тигра» (два раза, потому что это очень забавно звучало и, кроме того, он ведь никогда еще так не здоровался), они рассказали Кенге, зачем они пришли, и Кенга очень ласково сказала: «Ну что ж, милый Тигра, затовни в мою бует и посмотри — что тебе там понравится». Ведь Кенга сразу поняла, что, хотя с виду Тигра очень большой, он так же нуждается в ласке, как и Крошка Ру.

— А можно мне тоже погладить? — сказал Пух который уже начал себя чувствовать немножко одиннадцатилетним, и, получив согласие, он разлил небольшую банку спущенного молока. Что-то, видимо, подсказало ему, что Тигры не любят спущенного молока, и он тихонечко унес банку в угол и спокойно занялся ею.

Но чем больше Тигра сосал со свой нос, то лигу, то в одну, то в другую банку, тем больше он находил вещей, которые Тигры не любят. И когда он переверл весь бутыл и нашел все, что там было, и оказалось, что он ничего этого есть не может, он спросил Кенгу:

— Что же теперь будет?

Но Кенга, и Кристофер Робин, и Пятачок — все стояли вокруг Крошки Ру, уговаривая его принять рыбий жир. И Ру говорил: «Может, не надо?» — а Кенга говорила: «Ну-ну, милый Ру, вспомни, что ты мне обещал».

— Что это там такое? — шепнула Тигра Пятачку.

— Это ему лекарство дают, — сказал Пятачок. — Вытащишь! Он их ненавидит!

Тигра подошла поближе и наклонился над спинкой кресла Ру. И вдруг он высунул язык, послышалось громкое «буль-буль», и, подождав от удивления, Кенга воскликнула: «Ох!» — и указала ложку как раз в ту секунду, когда она уже исчезла в пасти Тигры. Ложку она спасла, но рыбий жир исчез.

— Господи, Тигра, милый — сказала Кенга.

— Он мое лекарство принял, он мое лекарство принял, он принял мое лекарство! — в восторге закричал Ру, решивший, что это отличная шутка.

Тут Тигра посмотрел на потолок, закрыл глаза, и язык его пошел ходить кругами вокруг мордочки, на тот случай, если что-нибудь осталось снаружи. Затем он озарила умиротворенной улыбкой, и он сказал:

— Так вот что Тигры действительно любят!

Теперь нас не удивит, что он поселился в доме у Кенги и всегда получал рыбий жир на завтрак, обед и ужин. Иногда (когда Кенга считала, что ему нужно подкрепиться) он вместо лекарства принимал ложку-другую каши, которой завтракала Ру.

— Но я лично считаю, — говорил в таких случаях Пятачок Пуку, — я лично считаю, что он и так достаточно крепкий!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой Кролик очень занят и мы впервые встречаемся с пятнистым Щасвирусом

Все предвещало, что у Кролика опять будет очень занятый день. Едва успев открыть глаза, Кролик почувствовал, что сегодня все от него зависит и все на него рассчитывают. Это был как раз такой день, когда надо было, скажем, написать письмо (подпись — Кролик), день, когда следовало все проверить, все выяснить, все разъяснить и, наконец, самое главное — что-то организовать.

В такое утро непременно надо было забежать на минутку к Пуку и сказать: «Ну что ж, осланчо, тогда я передам Питанчу», а затем к Питанчу и сообщить: «Пук считает... Но лучше я сначала заплачу к Сову». Начинался такой, как бы вам сказать, комедиантский день, когда все говорит: «Да, Кролик», «Хорошо, Кролик», «Будет исполнено, Кролик» и вообще ожидают дальнейших распоряжений. Кролик вышел из дому и, прикинься к теплоту весеннему ветру, размышляя о том, с чего начать.

Близко все к нему был дом Кенги, а в домике Кенги был Ру, который умел говорить: «Да, Кролик» и «Хорошо, Кролик», пожалуй, лучше всех в Лесу; но, увы, в последнее время там безоглядно находились еще один зверь — непотоптанный и неутопченный Тигра. А он, как известно, был такой Тигра, который всегда сам лучше вас все знает, и, если вы говорите ему: куда надо идти, он прибегает туда первым, а когда вы туда доберетесь, его и след простыл, и вам даже некому гордо сказать: «Ну вот, мы у цели!»

— Нет, к Кенге не надо, — задумчиво сказал Кролик, поджуривая ушки. И, желая окончательно удостовериться в том, что он туда не идет, он повернул налево и побегал привычно к дому Кристофера Робина.

«Что ли говори, — говорил Кролик про себя, — Кристофер Робин надеется только на меня. Он, конечно, любит Пука, и Питанку, и Иа, я — тоже, но у них у всех в голове оплош. Это ясно. Он уважает Сову, потому что нельзя не уважать того, кто умеет написать слово «суббота», даже если он пишет его неправильно, но правильноеписание — это еще не все. Вызвать такие дни, когда умение написать слово «суббота» просто не считается. А Кенга самым земным Крошкой Ру, а Крошкой Ру слышал маленький, а Тигра слышал непотоптанный, так что, когда наступит ответственный момент, надеяться можно только на меня. В полуд и утало, а вам ему нужно писать, и тогда я ему, конечно, помогу. Сегодня как раз день для таких занятий».

Он весело перешел на другой берег реки и вскоре оказался в районе, где жили его Родственники и Знакомые; сегодня их было, кажется, еще больше обыкновенного. Кинул одному другому Еву (поздоровался с ними за руку было, понятно, некогда), небрежно бросил: «Доброе утро, доброе утро» — еще кое-кому и снисходительно приветствовал самых маленьких словами: «Ах, это вы». Кролик махнул им всем лапкой и окрылся. Все это вызвало такое волнение и восхищение среди Родственников и Знакомых, что некоторые представители семейства Козырей, включая Сашку Букашку, немедленно направились в Дремуний Лес и полетели на деревья надеясь, что они успеют забраться на верхушку до того, как это — что бы оно там ни было — случится, и они смогут все как следует увидеть.

Кролик наелся по опущке Дремуного Леса, с каждой минутой все больше чувствуя важность своей задачи, и наконец он прибежал к дереву, в котором жил Кристофер Робин.

Он постучал в дверь.

Он раза два окликнул Кристофера Робина. Потом он отошел немного назад и, заслонив лапкой глаза от солнца, еще покричал, глядя на верхушку.

Потом он зашел с другой стороны и опять покричал: «Эй!» и «Слушай!» и «Эй, Кролик!», но ничего не произошло. Тогда он зашел и прислушался, и все зашел и прислушался вместе с ним, и в священном солнце Лесу стало тихо-тихо, и потом вдруг где-то в невероятной вышине зашел жаворонок.

— Обидно, — сказал Кролик, — он ушел.

Он снова повернулся к зеленой двери, просто так для порядка, и обирался уже идти, чувствуя, что утро совершенно исторично, как вдруг заметил на земле листок бумаги. В листке торчала булавка: очевидно, он упал с двери.

— Ага, — сказал Кролик, снова приходя в хорошее настроение. — Мне опять пишут! Вот что там говорилось!

Ушел шассвирус.

Занят шассвирус.

КР.

— Ага! — повторил Кролик. — Надо немедленно сообщить остальным.

И он с важным видом двинулся в путь.

Близко всего отсюда жила Сова, и Кролик направил свои стопы по Дремуному Лесу к дому Совы. Он подошел к двери, позвонил и постучал; потом снова постучал и опять позвонил. Словом, он звонил и стучал, стучал и звонил до тех пор, пока, наконец, наружу не высунулась голова Совы и не сказала:

— Уберишься, я предаюсь размышлениям, — ах, это ты!

Сова всегда так встречала гостей.

— Сова, — сказал Кролик деловито, — у нас с тобой есть мозги. У остальных — опилки. Если в этом Лесу кто-то должен думать, а когда я говорю «думать», я имею в виду думать по-настоящему, то это нас с тобой дело.

— Да, — сказала Сова, — я этим и занималась.

— Прочти вот это.

Сова взяла у Кролика записку Кристофера Робина и посмотрела на нее в некотором замешательстве. Она конечно, умела подписываться — «Сова» и умела написать: «Суббота» так, что вы понимали, что это не вторич, и она довольно неплохо умела читать, если только ей не загораживали через плечо и не стравили ежешитую: «Ну так что же?» Да, она умела, но...

— Ну так что же? — спросил Кролик.

— Да, — сказала Сова очень умным голосом. — Я понимаю, что ты имеешь в виду. Несомненно.

— Ну так что же?

— Совершенно точно, — сказала Сова. — Вот именно. — И после некоторого размышления она добавила: — Если бы ты не зашел ко мне, я должна была бы сама зайти к тебе.

— Почему? — спросил Кролик.

— По этой самой причине, — сказала Сова, надеясь, что наконец она сумеет что-нибудь вывить.

— Вчера утром, — торжественно произнес Кролик, — я навестил Кристофера Робина. Его не было. К его двери была приколота записка.

— Эта самая записка?

— Другая. Но смысл ее был тот же самый. Все это очень странно.

— Поразительно, — сказала Сова, снова уставившись на записку. На минутку ей, неизвестно почему, показалось, что что-то случилось с носом Кристофера Робина. — Что же ты сделал?

— Ничего.

— Это самое лучшее, — ответила мудрая Сова.

Но она с ужасом ожидала нового вопроса. И он не заставил себя долго ждать.

— Ну так что же? — повторил неутомимый Кролик.

— Конечно, это совершенно неосторимо, — пробормотала Сова.

С минуту она бесконечно открывала и закрывала рот, не в силах ничего больше придумать. И вдруг ее осенило.

— Скажи мне, Кролик, — сказала она, — что говорилось в первой записке? Только точно. Это очень важно. От этого все зависит. Повтори слово в слове.

— Да то же самое, что и в этой, честное слово! Сова посмотрела на Кролика, борясь с искушением сплунуть его с дерева, но, сообразив, что это всегда успеется, она еще раз попыталась высказать, о чем же все-таки идет разговор.

— Прошу повторить точный текст, — сказала она, словно не обратил внимание на то, что сказал Кролик.

— Да там было написано: «Ушел шассвирус». То же самое, что и здесь, только здесь еще добавлено: «Занят шассвирус».

Сова с облегчением вздохнула.

— Ну вот, — сказала Сова, — вот теперь наше положение стало яснее.

— Да, но какое положение Кристофера Робина? — сказал Кролик. — Где он сейчас? Вот в чем вопрос!

Сова снова взглянула на записку. Конечно, столь образованной особе ничего не стоило прочитать такую записку: «Ушел шассвирус. Занят шассвирус». А что тут еще могло быть написано?

— По-моему, дорогой мой Кролик, довольно ясно, что произошло, — сказала она. — Кристофер Робин куда-то ушел с Шассвирусом. Он и этот... Шассвирус сейчас чем-то занят. Ты за последнее время встречал у нас в Лесу каких-нибудь Шассвирусов?

— М-м-м, — сказал Кролик, — а как раз хотел у тебя узнать. Как они выглядят?

— Ну, — сказала Сова, — пятнистый или травяной Шассвирус — это просто... По крайней мере, — сказала она, — он больше всего похож на... Но, конечно, — предостерегла она, — это сильно зависит от... Ну... — сказала Сова. — Словом, я плохо представляю себе не внешний вид, — закончила она чистосердечно.

— Большое спасибо, — сказал Кролик.

И он пошел к Венни-Пуку.

Еще издали он услышал какой-то загадочный шум. Он остановился и прислушался. Производил этот шум Венни-Пук, а шум был вот какой:

АГАДОНЧЫЙ ШУМ

Опять, ничего не могу я понять.

Опущил мои — в беспорядке.

Везде и повсюду, опять и опять.

Меня окружают заводи.

Возьмем это самое слово опять.

Зачем мы его спрашиваем.

Когда мы свободны могли бы сказать:

«Освободи» и «освободи» и «освободи»?

Молчит этакими, молчит и тает —

У них не добьешься ответа.

Зачем это это — обязательно так.

А жюри, как правило, это!

«Собака кусается... Что ж, не беда.

Загодично так, что собаки,

Хотя и кусается, но никогда!

Себя не кусает, однако...

О, если бы мог я все это понять!

Опять пришли бы в парадокс!

А то мне — заодно! — хочется спать.

От всех этих Трубных Задавок!

— Заорово. Пух, — сказал Кролик.

— Здравствуй, Кролик, — сказал Пух сонно.

— Это ты сам думаешь?

— Да, вроде как сам, — отвечал Пух. — Не то чтобы я умею думать, — продолжал он скромно. — Ты ведь сам знаешь, но иногда на меня это находит.

— Угу, — сказал Кролик, который никогда не позволял никому находить на него, а всегда все находил и хватал сам. — Так вот, дело вот в чем: ты когда-нибудь видел Патчиного или Травяного Шасвинуса у нас в Лесу?

— Нет, — сказал Пух. — Никто. Нет. Вот Тигру видел сейчас.

— Он нам ни к чему.

— Да, — сказал Пух. — Я и сам так думаю.

— А Патчика ты видел?

— Да, — сказал Пух. — Я думаю, он сейчас тоже ни к чему, — продолжал он сонно.

— Ну, это зависит от того, видел он кого-нибудь или нет.

— Он меня видел, — сказал Пух. Кролик присел было рядом с Пухом на землю, но почувствовал, что это умаляет его достоинство, снова встал и сказал:

— Если сформулировать нашу задачу, то ее можно изложить так: «Что Кристофер Робин делает теперь по утрам?»

— Что он делает?

— Да, да. Можешь ты мне рассказать, что он делает по утрам в последнее время? Третьются свидетельства очевидца за последние несколько дней.

— Да, — сказал Пух. — Мы вчера с ним вместе завтракали. Возле Шести Сосен Я сделал такую маленькую корзиночку, просто небольшую, но подходящую корзиночку, такую порадоную, солидную корзиночку, полную...

— Да, да, — сказал Кролик. — Все понятно. Но имеем я виду более позднее время. Ты видел его когда-нибудь от одиннадцати до двенадцати часов дня?

— Ну, — сказал Пух, — в одиннадцать часов... одиннадцать часов, понимаешь, я обычно захожу домой. У меня в это время там кое-какие дела.

— А в четверть двенадцатого?

— Ну... начал Пух.

— В полдвенадцатого?

— Да, — сказал Пух. — В полдвенадцатого или немножко позже я обычно выжусь с ним.

И тут, задумавшись об этом, Пух вдруг вспомнил, что он действительно давно не видел Кристофера Робина в это время. После обеда — да, вечером — да, перед завтраком — да, сразу после завтрака — да, а потом, действительно: «Ну, Пух, скоро ужидимок», и Кристофер Робин исчезает на все утро.

— Вот то-то и оно, — сказал Кролик. — Куда?

— Ну, может быть, он ищет что-нибудь?

— Что? — спросил Кролик.

— Я как раз собирался это сказать, — сказал Пух. Потом он добавил: — Ну, может быть, он ищет этого... этого...

— Патчиного или Травяного Шасвинуса?

— Да, — сказал Пух. — одного из них. Если он не на месте.

Кролик строго посмотрел на Винни-Пуха.

— Кажется, толку от тебя немного, — сказал он.

— Нет, — сказал Пух. — Но я стараюсь, — добавил он смиренно.

Кролик поблагодарил его за старание и сказал, что он должен навестить Иа, и Пух, если хочет, может пойти с ним. Но Пух, который чувствовал, что на него находит новый куплет Шумелки, сказал, что он подождет Патчака.

Всего хорошего, Кролик.

И Кролик ушел.

Но случилось так, что первым встретил Патчака как раз Кролик. Патчака встал в этот день очень-очень рано и решил нарвать себе букетик фиалок, и, когда он нарвал букет и поставил его в вазу посреди своего дома, ему внезапно пришло в голову, что никто ни разу в жизни не нарвал букета фиалок для Иа. И чем больше он думал об этом, тем более он чувствовал, как трудно быть осликом, которому никто никогда в жизни даже не нарвал букета фиалок. И он снова поначался на жукашку, потеряв при себе: «Иа, фиалки», а потом: «Фиалки, Иа-Иа», чтобы не забыть.

Патчака нарвал большой букет и побежал рысью к тому месту, где обычно пасся Иа, по дороге нюхая фиалки и чувствуя себя необыкновенно счастливым.

— Здравствуй, Иа, — начал Патчака немного нерешительно, потому что Иа был чем-то занят.

Иа поднял ногу и показал Патчаке, чтобы ушел.

— Завтра, — сказал Иа, — или послезавтра.

Патчака подошел поближе посмотреть, в чем дело. Перед Иа на земле лежали три палочки, на которые он внимательно смотрел. Две палочки соприкасались концами, а третья палочка лежала поперек них. Патчака подумал, что, наверно, это какая-нибудь Загадка.

— Ой, Иа, — снова начал он, — я как раз...

— Это маленький Патчака? — сказал Иа, на отрывая взора от своих палочек.

— Да, Иа, и я...

— Ты знаешь, что это такое?

— Нет, — сказал Патчака.

— Это «А».

— Ой Ой — сказал Патчака.

— Какое «Ой»? Это «А»? — строго сказал Иа. — Ты что, не слышишь? Или ты думаешь, что ты образованнее Кристофера Робина?

— Да, — сказал Патчака. — Нет, — быстро и поспешно он и подождал еще поближе.

— Кристофер Робин сказал, что это «А», — значит это и будет «А». Во всяком случае, пока кто-нибудь на него не наступит, — добавил Иа сурово.

Патчака постыдно отскочил назад и понохал свои фиалки.

— А ты знаешь, что означает «А», маленький Патчака?

— Нет, не знаю.

— Оно означает Учение, оно означает Образование. Науки и тому подобные вещи, о которых ни Пух, ни ты не имеете понятия. Вот что означает А.

— Ой — снова сказал Патчака. — Я хотел сказать «Да ну!» — поспешно пояснил он.

— Слушай меня, маленький Патчака. В этом Лесу толчется масса всякого народа, и все они говорят: «Ну Иа — это всего лишь Иа. Он не считается». Они разгуливают тут взад и вперед и говорят: «Ха-ха!» а что они знают про букву «А»? Ничего. Для них это просто три палочки, но для Образованного, давай себе это, маленький Патчака, для

— Я тоже! — сказал Пух. — А что ты делаешь?

— Я сажаю желуды. Пух и пусай из него вырастет дуб, и тут будет много, много желудей у самого дома, а то за ними приходится ходить бог знает куда. Понимаешь?

— А куда не вырастет? — спросил Пух.

— Вырастет, потому что Кристофер Робин сказал — обязательно вырастет. Поэтому я его и сажаю.

— Гм, — сказал Пух. — А я тогда... А я тогда посажу соты с медом в своем садике, и из них вырастет целый улей.

Питанок был в этом не вполне уверен.

— Или лучше кусочек соды, — сказал Пух. — Особенно разбавившись сотами не приходится. Только вот тогда может вырасти не целый улей, а кусочек, да еще вдруг неравильный кусочек — тот, где пчелы только жуужат, а меду не делают. Бог обидно!

Питанок согласился, что это будет довольно обидно!

— Между прочим, Пух, сажать очень трудно, если ты не знаешь как, — сказал он, — это надо уметь. — И он положил желуды в пригосовленную ямку, засыпал его землей и попрыгал на этом месте.

— Н-то умно сажать, — сказал Винни-Пух, потому что Кристофер Робин дал мне семена котятков и винтиков, нет — гвоздиком! И я их посадил, и у меня теперь возле двери будет настоящий цветник... котятки и гвоздики. Или винтики.

— Я думаю, они называются котюки, — неуверенно сказал Питанок, не переставая прыгать. — а гвоздики... гвоздики — это, наверно, гвоздики!

— Нет, — сказал Пух. — мои цветы называются котятки и винтики!

Попрыгав хорошенько, Питанок вытер ладки о живот и сказал: «Что мы теперь будем делать?», а Пух сказал: «Пойдем навестим Кенгу, Ру и Тигру», и Питанок сказал: «Д-да! давай в п. пойдём», — потому что он все еще немножко побаивался Тигру. Тигра был ужасно прытучий, и у него была такая манера здороваться, что у вас потом всегда были полны ушм песку, даже после того, как Кенга скажет: «Тигра, деточка, осторожнее!» — и поможет вам встать.

Они отправились в путь.

А в этот скучный день у Кенги было ужасно хозяйственное настроение. Она решила везде навести порядок и пересчитать все белки и выяснить, сколько осталось у нее кусочков мила. И сколько у Тигры осталось чистых салфеток, и сколько у Ру осталось чистых передников, так что она выставила их обок из дому, снабдив Ру пакетом бутербродов с саломом, а Тигру пакетом бутербродов с рыбным жиром, чтобы они могли славно провести время в лесу.

По дороге Тигра рассказывал Ру (которого это очень интересовало) обо всем, что умеют делать Тигры.

— А летать они умеют? — спросил Ру.

— Тигры-то? — сказал Тигра. — Летать? Тоже спросил! Они знают как летают!

— О! — сказал Ру. — А они могут летать не хуже Совы?

— Еще бы! — сказал Тигра. — Только они не котят.

— А почему они не котят?

— Ну, или это почему-то не нравится.

Ру никак не мог этого понять, потому что ему-то ужасно хотелось полетать, но Тигра объяснил ему, что надо самому быть Тигрой, чтобы это понять.

— А прыгать? — спросил Ру. — Могут Тигры прыгать, как Кенга?

— Спрашиваешь! — сказал Тигра. — Еще как! Когда котят, конечно.

— Ой, как я люблю прыгать! — сказал Ру. — Давай посмотрим, кто дальше прыгнет — ты или я?

— Конечно, я, — сказал Тигра. — только мы сейчас не будем задерживаться, а то еще опоздаем.

— Куда опоздаем?

— Туда, куда нам надо прийти вовремя, — сказал Тигра, ускоряя шаг. Вскоре они добрались до Шести Сосен.

— А я умею плавать, — сообщил Ру, — я один раз утону в Реку и плавал. — А Тигры умеют плавать?

— Конечно, умеют. Тигры все умеют.

— А по деревьям они умеют лазить лучше, чем Пух? — спросил Ру, остановившись перед самой высокой из Шести Сосен и задрав голову.

— По деревьям они лазают лучше всех на свете, — сказал Тигра. — гораздо лучше всяких Пухов!

— А на это дерево они могут влезть?

— Они всегда лазают как раз по таким деревьям, — сказал Тигра. — Целый день лазают по верши, по вши.

— Ой, Тигра, правда?

— А вот сейчас увидишь, — сказал Тигра решительно, — садись ко мне на закорки и увидишь.

Он внезапно почувствовал, что лазание по деревьям — это единственный талант тигров, в котором он действительно уверен.

— Ой, Тигра! Ой, Тигра! Ой, Тигра! — пищал Крошечка Ру в восторге. Он забрался Тигре на спину, и они полезли.

До первого сучья Тигра радостно повторял (про себя) «А мы лезем!»

Добравшись до следующего сучья, он с гордостью сказал (про себя): «Ну что, а зря говорил, что Тигры умеют лазить по деревьям?» Забравшись еще повыше он сказал (про себя): «Конечно, это не так легко, что говорить!...»

А еще повыше он сказал:

— Ведь слезать тоже придется. Задом.

А еще — еще повыше:

— И это будет трудновато...

— Всем на уласть...

— А зато тогда это, кажется, будет совсем...

— Легко!

И как только он сказал «легко», ветка, на которой он стоял, внезапно сломалась, и он, чувствуя, что падает, едва-едва успел вцепиться в веревочку ветку. Затем он махнул, махнуло подняв голову, зацепилось подбородком за эту ветку... Затем подтянул одну заднюю лапу... Потом другую... И, наконец, он устоял на эту ветку, тяжело дыша и от души жалея, что он вместо всего этого не попробовал заняться плаванием.

Ру слез с Тигры и уселся раденьком.

— Ой, Тигра, — радостно сказал он, — мы уже на самой вершущке!

— Нет, — сказал Тигра.

— А мы полезли на вершущку?

— Н-е-т, — проворчал Тигра.

— У-у! — сказала Ру довольно грустно, но тут же радостно продолжал: — А здорово это у тебя получилось, когда ты стал пончошкой падать, а потом взял и не утону. Давай еще разок?

— Н-е-т! — прорычал Тигра.

Ру немного помолчал, а потом спросил:

— А можно, мы съедем бутерброды, Тигра?

— Давай, А где они! — спросил Тигра.

— Они там внизу, под деревьям.

Тигра сказал:

— Я думаю, мы лучше их побережем немного.

Так они и сделали.

Тем временем Винни-Пух и Питанок продолжали свою прогулку. Пух в стихах сообщал Питанку, что неважно, чем он занят, так как он толстеть не станет, а Питанок размышлял о том, скоро ли вырастет посаженный им желуды.

— Пух, гляди, — неожиданно появился Патачок, — там на Сосне кто-то сидит.

— Верно, — сказал Пух с интересом вглядываясь вдаль. — Там какой-то зверь.

Патачок сказал Пуха за хвост, очевидно, чтобы Пух не очень пугался.

— Это какой-нибудь Хвостый Зверь? — спросил он, стараясь смотреть в другую сторону.

Пух кивнул.

— Это Ягулар, — сказал он.

— А что Ягулары делают? — спросил Патачок, в глубине души надеясь, что сейчас они этого делать не будут.

— Они прыгают на ветках деревьев и оттуда бросаются на вас, когда вы стоите под деревьями, — сказал Пух. — Кристофер Робин мне все-все про них рассказывал.

— Тогда мы лучше не будем подходить к этому дереву, Пух, а то он еще бросится оттуда и ушибется.

— Они не ушибаются, — сказал Пух, — она здорово умеет бросаться.

Однако Патачка это почему-то не утешило. Он все-таки чувствовал, что не стоит подходить к дереву, с которого того гляди, кто-то бросится, хотя бы и очень умело, и он уже собирался побежать домой по какому-то очень срочному делу, когда Ягулар подав голос.

— Помогите, помогите! — закричал он.

— Ягулары — они всегда так, — сказал Пух, довольный, что может блеснуть своими познаниями. — Они кричат: «Помогите, помогите», а когда вы посмотрите вверх — бросаются на вас.

— Я смотрю вниз, вниз! — закричал Патачок охваченный ужасом, чтобы Ягулар по ошибке не сделал того, чего не надо.

В ответ донесся чей-то восторженный писк с той самой ветки, где сидел Ягулар:

— Пух и Патачок! Пух и Патачок!

И Патачок неожиданно почувствовал, что сегодня прекрасный день, гораздо лучше, чем ему только что казалось. Такой солнечный, теплый денек!

— Пух! — крикнул он. — Почему, это Тигра и Ру.

— По-моему, тоже, — сказал Пух. — А я думаю, это Ягулар и... и еще один Ягулар.

— Эй, Ру, — крикнул Патачок, — что вы там делаете?

— Мы не можем слезть! Мы не можем слезть! — кричал Ру. — Здорово, правда? Пух, вот здорово! Мы с Тигрой живем на дереве, как Сосна! И мы теперь всегда тут будем жить! А я вижу даже Патачка! Патачок! И сегодня твой день, выку! Выскок мы забрались, правда? Сосна и то ниже нас живет!

— Как ты туда попал, Ру? — спросил Патачок.

— Меня Тигра привела! А Тигра ведь лезть не может, потому что у них хвосты очень путаются между ног. Они только вверх умеют! А когда мы полезли, Тигра про это забыла, а сейчас он уже вспомнил, и мы тут теперь всегда-всегда будем жить. А может, еще выше залезем! Что ты сказал, Тигра? А-а! Тигра говорит, что, если мы заберемся выше, нам не так хорошо будет видно дом Патачка, так что мы уж тут останемся.

— Патачок, — торжественно сказал Пух, выслушав все это, — что мы можем предпринять?

И он принялся за бутерброд Тигры.

— Они ползались? — тревожно спросил Патачок.

Веник-Пух кивнул.

— А ты не можешь влезть к ним?

— Я могу, Патачок. Я могу спеть оттуда Крошку Ру, но Тигру я спеть не могу, мне его не дотящить. Надо что-нибудь придумать.

И в раздумье он начал жевать бутерброд Крошки Ру...

На знаю, может быть, Пух и успел бы что-нибудь придумать, даже последний бутерброд, но едва он за него принялся, как в кустах послышался треск и оттуда появились Иа и Кристофер Робин.

— Никому не удалось, если завтра выпадет град, — говорил Иа. — Того и жди. Бураны вылетят и тому подобное. Сегодня, конечно, хорошая погода, но это еще ничего не значит: это еще не сулит хороших новостей... или как там это называется? Словом, ничего такого не сулит... Это просто небольшая порция погоды. И все тут.

— А вот и Пух, — сказала Кристофер Робин. Ему, очевидно, было безразлично, что порция хорошей погоды не очень большая, лишь бы она была хорошая. — Здравствуй, Пух!

— Это Кристофер Робин, — сказал Патачок. — Вот он-то знает, что делать! Они помчались ему навстречу.

— Ой, Кристофер Робин... — начал Пух.

— А такое Иа, — сказал Иа.

— Тигра и Крошка Ру залезли прямо на Шесть Сосен и не могут слезть и...

— А я как раз говорю, — перебил Патачок, — что если только Кристофер Робин...

— А такое Иа-Иа, — сказала Иа, снова напевая, что с ними позавелись подшутиться.

— Если бы только вы оба были здесь, то мы бы могли что-нибудь придумать! — сказали Пух и Патачок.

Кристофер Робин взглянул вверх, увидел Тигру и Крошку Ру и попытался что-нибудь придумать.

— Я думаю, — сказал глубокомысленно Патачок, — что если бы Иа встал под деревом, а Пух встал к нему на спину, а Пух встал на плечи Пуха...

— И если бы спина Иа-Иа неожиданно треснула, то мы бы все здорово поспелились. Ха-ха-ха! Как забавно! — сказал Иа. — Очень приятное развлечение, но боюсь, не особенно полезное.

— Ну, — сказал Патачок жалобно, — я только думаю...

— Ты думаешь, твою спину сломаешь бы Иа? — спросил ужасно удивленный Пух.

— Заранее тут ничего сказать нельзя, милый Веник. И это, конечно, как раз самое интересное!

Пух сказал: «Ох», и все снова принялся думать.

— Ура, я придумал! — вдруг закричал Кристофер Робин.

— Слушай внимательно, маленький Патачок, — сказал Иа, — и ты скоро будешь знать, что мы намерены предпринять.

— Я сниму рубашку, и мы все возьмем ее за края, и тогда Крошка Ру и Тигра могут туда прыгнуть, все равно как в гамак, они только покажутся и несколько не ушибутся.

— Как снять Тигру с дерева, — сказала Иа-Иа, — и никому не повредить! Придерживаясь этих правил, уважаемый Патачок, и все будет в порядке!

Но уважаемый Патачок ничего не слышал — так он воплощался при мысли, что снова увидит голубые помочи Кристофера Робина. Он уже их видел однажды, когда был гораздо моложе, и пришел тогда в такое возбуждение, что его уложили спать на полчаса раньше обычного.

И с тех пор он всегда мечтал проверить, действительно ли они такие голубые и такие помочные, как ему показалося.

Поэтому, когда Кристофер Робин снял рубашку и ожидания Патачка оправдались в полной мере, Патачок на радостях простил Иа обиду, ласково улыбнулся ему и даже влился за тот же край рубашки.

А Иа шепнул ему:

— Конечно, и теперь нельзя ругаться, что не произойдет несчастного случая. Несчастные случаи — очень странные штуки. Они обычно случаются совершенно случайно.

Когда Крошка Ру понял, что ему нужно сделать, он пришел в безумный восторг и зашишал:

— Тигра, Тигра, мы сейчас будем прыгать! Ты посмотри, как я прыгаю! Я сейчас просто палец, вот увидишь. А Тигра так может? Кристофер Робин! Я пошел! — крикнул он, прыгнув — и угодил в самый центр спасательной рубашки.

Летел он так быстро, что его снова подбросило почти на такую же высоту и он еще долго продолжал подлетать вверх, притовриваясь: «О, ой»

Наконец он остановился и сказал: «Ой, как здорово!» — и его опустили на землю.

— Давай, Тигра! — крикнул он. — Это очень просто!

Но Тигра изо всей силы держался за ветку и говорил про себя: «Конечно, прыгающим животным, вроде Кенги, это хорошо, но для плавающих животных, вроде Тигров, это совершенно другое дело».

И он почему-то вдруг придал себе как-то плывет на спинке вниз по течению или весело ныряет в прохладной влаге реки, и почувствовал, что это и есть настоящая жизнь для Тигры.

— Давай, давай! — крикнул Кристофер Робин. — Не бойся.

— Сейчас минуточку, — черкнул сказал Тигра, — мне что-то в глаз попало! И он медленно, медленно поковылял по ветке.

— Давай, давай, это очень просто! — пролищал Крошка Ру.

И вдруг Тигра почувствовал, как это просто.

— Ой! — крикнул он, видя, как дерево проносится мимо него.

— Берегитесь! — крикнул Кристофер Робин спасателям.

Раздался стук, треск разрываемой ткани, и на земле образовалась куча мала. Кристофер Робин, Пух и Пятачок поднялись первыми, потом они подняли Тигру, а в самом низу был, конечно, Иа-Иа.

— Ой! Иа! — крикнул Кристофер Робин. — Тебе не больно? — Он заботливо ощупал ослика, стравнул с него пыль и помог ему встать на ноги.

Иа-Иа долгое время ничего не говорил.

Потом он спросил:

— Тигра здесь?

Тигра был здесь и снова в прекрасном настроении.

— Да, — сказал Кристофер Робин. — Тигра здесь.

— Что ж, тогда поблагодарите его от моего имени — сказал Иа.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой Винни-Пух изобретает новую игру и в неё включается Иа-Иа

К тому времени, когда река добралась до края Леса, она очень выросла — выросла в настоящую Реку. И, сделавшись взрослой, она перестала прыгать, скакать и вертеться, как вначале, в детстве, а двигалась плавно и медленно. Ведь теперь она знала, куда идет, и говорила себе: «Спать не мешай. Когда-нибудь все там будет». Зато все впадавшие в нее маленькие ручейки носились по Лесу взад и вперед без устали, меняли то тут, то там — ведь им надо было так много, так много увидеть и узнать!

Широкая тропа — пожалуй, ее можно было даже назвать дорогой — вела из Внешнего Мира в Лес, но, перед тем как попасть в Лес, ей надо было перебраться через эту Реку. И так, где Река и Дорога встречались, был деревянный мостик, почти такой же ширины, как сама дорога, с деревянными перилами по обеим сторонам. Кристофер Робин, пожалуй, мог положить подберозок на верхнюю перекладину перил, если бы захотел, но гораздо интереснее было встать на нижнюю перекладину, наклониться пониже и смотреть на Реку, медленно скользящую куда-то. Винни-Пух, если бы захотел, пожалуй, мог положить свой подберозок на нижнюю перекладину, но куда интереснее было лечь на животик, просунуть голову под перекладину и смотреть, как внизу медленно скользят Река, для Пятачка же и Крошки Ру это был единственный способ полюбоваться Рекой, потому что они были такие маленькие, что никак не доставали даже до нижней перекладины. Они лежали под перекладину и смотрели на Реку...

А Река текла и текла, медленно и плавно — ведь спать ей было некуда.

Однажды по пути к мостику Винни-Пух старался сосчитать какой-нибудь стишок про шишки, потому что кругом выросло множество шишек, а у Винни было поэтическое настроение. Он взял одну шишку посмотрел на нее и сказал про себя: «Это очень хорошая шишка, и, конечно, она должна с чем-нибудь рифмоваться». Сперва он ничего не мог придумать, а потом ему вдруг пришло в голову вот что:

Ах, растут на елке шишки

Не для лисичек Мишки!

— Хотя это неправильно, — сказал он, — потому что шишки мне могут пригодиться, а потом мы с ними хорошо рифмуемся! «Мишки — шишки!»

Тут ему пришла в голову новый стишок:

Ну спрочно ль, что Волка

Не мают жить на елке?

— Хотя «Волка» — «елки» тоже хорошо рифмуется, — пояснил Пух и продолжал:

Живут на елке Белки-

Хоть елки и не елки!

Тем временем Винни как раз подошел к мосту. И так как он не смотрел себе под ноги, он споткнулся, шишка выскользнула из его лап и упала в воду.

— Обидно! — сказал Пух, глядя, как шишка медленно проплывает в сторону моста. Он хотел сидеть за новой шишкой, которую тоже можно было срифмовать, но потом подумал, что лучше он просто поглядит на Реку, потому что денек такой скучный; Винни-Пух лег на пузо и стал смотреть на Реку, а она медленно, плавно скользила вдаль...

И вдруг из-под моста появилась его шишка, тоже медленно, плавно скользящая вдаль.

— Как интересно! — сказал Пух. — Я уронил ее с той стороны, а она выплыла с этой! Интересно, все шишки так делают?

Он пошел и набрал еще шишек.

Да. Они все так делали.

Тогда он бросил две шишки сразу и стал ждать, какая из них выплывает первой. И одна из них выплыла первой, но, так как они были одинакового размера, Пух не знал, была ли это та, которую он задумал, или другая. Тогда в следующий раз он бросил одну большую, а другую маленькую, и большая выплыла первой, как он и думал, а маленькая выплыла последней, как он тоже думал, так что он выиграл два раза!...

И в тому времени, когда Винни пошел домой пить чай, он уже выиграл тридцать шесть раз и проиграл двадцать восемь. Иными словами, он выиграл... Ну, стилижите сами двадцать восемь от тридцати шести, и вы узнаете, сколько раз он выиграл. Иа! — сколько раз он проиграл, если это вам интересно.

Так появились на свет игра, которую потом назвали игрой в «Пушишки», в честь Винни-Пуха, который ее изобрел и научил играть в нее своих друзей. Только потом они стали играть палочками вместо шишек, потому что палочки легче разламывать, а игру назвали просто «Игрой в Пустишки», и в этом названии от Пуха осталось только «Пух», а от шишек вообще ничего не осталось.

И вот однажды Пух и Пятачок, и Кролик, и Крошка Ру играли в Пустишки; они бросали палочки по команде Кролика, а потом стремились мчаться на другую сторону моста, и все гонели вло, ожидая, чья палочка выплывает первой. Ждать приходилось подолгу, потому что Река была в этот день очень ленива и, казалось, вообще не думала о том, чтобы двигаться к цели.

— А вот моя! — крикнул Крошка Ру. — Нет, не моя, это чья-то дружка. Это не твои, Пятачок? Я думал, это моя, а это не моя. Вот она! Нет, не она! Это не твои, Пух?

— Нет, — отвечал Винни-Пух.

— Наверно, моя палка пропала, — сказал Ру. — Кролик, моя палка — пропала! Пятачок, а твоя палка — пропала!

— Они всегда заставляют ждать дольше, чем вы думаете, — сказал Кролик.

— А сколько, ты думаешь, они заставят ждать? — спросил Ру.

— Вот твои, Пятачок, — вдруг сказал Винни-Пух.

— Моя такая сероватая, — сказал Пятачок, сам не решаясь выскочить дальше из боязни оказаться в Реку.

— Да, да, ее я и вижу, она плывет в мою сторону.

Кролик выскочил дальше всех, высмотревая своего палочку; Крошка Ру прыгал, как заводной, гудя: «Палка, палка, поскорей! Палка, палка, поскорей!» — и Пятачок тоже ужасно взволновался, потому что ведь показались только его палочка, а это означало, что он выигрывает.

— Выплывает Бог она, — сказал Пух.

— А ты уверен, что это моя? — возмущенно закричал Пятачок.

— Да, потому что она большая и серая. Бог она плывет. Очень большая, серая... Ой, нет, это не она. Это Иа-Иа!

И из-под моста выплыл Иа-Иа.

— Иа! — закричали все разом.

Да, спокойно и величественно, здорове небо все четыре ноги, по реке плыл Иа-Иа.

— Это Иа! — закричал Крошка Ру вне себя от волнения.

— Неужели? — оговаривался Иа. Он попла в небольшой водоворот и трижды плавно повернулся вокруг своей оси. — А я-то думал: «Кто это?»

— Я не знал, что ты тоже играешь, — сказал Крошка Ру.

— Я не играю, — ответил Иа.

— А что же ты там делаешь? — спросил Кролик.

— Можешь отгадывать до трех раз, Крали. Рано заныло? Неправильно. Прыгаю по веткам молодого дуба? Нет, неправильно. Жау, чтобы мне кто-нибудь помог выбраться из реки? Теперь правильно! Дайте Кролику время подумать, и он всегда все отгадает.

— Ой, Иа, — сказал Пух растерянно. — А что ж мы... я хочу сказать, как же мы... ты думаешь, если мы...

— Да, — сказал Иа. — Конечно! Один из этих вариантов будет абсолютно правлен. Спасибо тебе, Пух.

— Ой, он плавает все кругом и кругом, — сказал Крошка Ру, совершенно законченный этим зрелищем.

— Почему бы и нет? — холодно ответил Иа.

— Я тоже умею плавать, — гордо сказал Крошка Ру.

— Но не кругом, — сказал Иа. — Кругом гораздо труднее. Я сегодня вообще не собрался плавать, — продолжал он, медленно вращаясь, — но уж если пришлось, то, мне кажется, легкое вращательное движение справа-налево... Иа, может быть, вернее сказать, — добавил он, поплав в следующий водоем, — слева направо... При всех обстоятельствах это мое личное дело.

Наступило молчание. Все задумалось.

— Я, кажется, вроде как грядущим, — сказал наконец Винни-Пух. — Но я не уверен, что это будет хорошо.

— Я тоже, — сказал Иа.

— Выкладывай, Пух, — сказал Кролик. — Говори.

— Ну, если мы все будем бросать камни и всякие вещи в реку, с одного боку Иа подымутся волны, а эти волны прибьют Иа к берегу.

— Это очень хорошая идея, — сказала Кролик.

И Винни-Пух снова повеселел.

— Ойана, — сказал Иа. — Когда я закончу, чтобы меня прибьли, Винни-Пух, я вам сообщу.

— А вдруг мы случайно попадем в него? — тревожно спросил Питанок.

— Или вдруг мы случайно не попадем в него? — сказал Иа. — Обдумай все эти возможности. Питанок, прежде чем вы начнете развлекаться.

Но Винни-Пух уже притащил самый большой камень, какой только мог поднять, и склонился над водой, держа его в лапках.

— Я его не брошу, я его просто уроню, Иа, — объяснил он. — И тут уж я не промывусь, то есть я хочу сказать, что я не попаду в тебя. Ты не можешь на минутку перестать вертеться, а то меня это сбивает?

— Нет, — сказал Иа. — Мне нравятся вертеться.

Кролик почувствовал, что пора ему взять на себя командование.

— Ну, Пух, — сказал он, — когда я скажу «Пара!» ты можешь пускать камни. Иа-Иа, когда я крикну «Пара!», Пух пустит свой камень.

— Большое спасибо, Кролик, но я полагаю, что я это узнаю и без тебя.

— Пух, ты готов? Питанок, отодвинься немного от Пука, ты ему мешался. Ру, чуть-чуть назад, вы готовы?

— Нет, — сказал Иа.

— Пара! — крикнул Кролик.

Пух отпустил камень. Раздался громкий всплеск, и Иа-Иа исчез...

Момент был волнующий, особенно для наблюдателей на мосту. Они падали во все глаза... И даже вид, палочки Питанка, которая выплыла чуть-чуть вперед Кролика, плавающей, не так развлекал их, как вы могли бы ожидать. А потом — как раз в тот самый момент, когда Пух уже начал думать, что, наверно, он выбрал неправильный камень или неправильную реку, или неправильный день для своей идеи — что-то серое появилось на прибрежной отмели...

Постепенно оно становилось все больше и больше, и наконец стало ясно, что это Иа-Иа, который выходил из воды.

С дружным воплем все кинулось с моста: они тащили, и тащили, и подталкивали Иа, и вскоре он встал на твердую почву.

— Ой, Иа, до чего же ты мокрый! — сказал Питанок, пощупав его.

Иа отряхнулся и спросил кого-нибудь, объясните Питанку, что происходит, когда вы находитесь в воде довольно долгое время.

— Молодец, Пух! — великодушно сказала Кролик. — Да, вам с тобой пришла в голову неплохая идея!

— Какая идея? — спросил Иа.

— Приблечь тебя вот так к берегу.

— Приблечь меня? — сказал Иа удивленно. — Приблечь меня? Вы что думаете — меня приблечь? Да? Я просто нагнул! Пух загнул в меня огромный камень, и, чтобы избежать тяжелого удара в грудь, я нырнул и подплыл к берегу.

— Это неправда, — шепнула Питанок Пуху, чтобы его утешить.

— По-моему, тоже, — перешептывая сказал Пух.

— Иа — он всегда так, — сказал Питанок. — Я лично считаю, что ты очень хорошо придумал!

Пух немного утешился. Ведь если вы Медведь с опилками в голове и думаете о делах, вы иногда с огорчением обнаруживаете, что мысль, которая казалась вам очень деловой, пока она была у вас в голове, оказывается совсем не такой, когда она выходит наружу и на нее смотрит другие. Но, как бы то ни было, Иа был в Реке, а теперь его там не было, так что ничего плохого Пух не сделал.

— Как же ты упал туда, Иа? — спросил Кролик, вытирая его носовым платком Питанка.

— Я не упал, — отвечал Иа.

— А как же...

— На меня НАСКОЧИЛИ!, — сказал Иа.

— Ой, — запнулся взволнованной Ру, — тебя кто-нибудь толкнул?

— Кто-то НАСКОЧИЛ на меня. Я стоял на берегу реки и размышлял, размышлял — я надеюсь, кто-нибудь из вас понимает это слово, — как вдруг я ощутил СИЛЬНЫЙ НАСКОК.

— Ой, Иа! — ануло все общество.

— А ты уверен, что ты не поскользнулся? — рассудительно спросил Кролик.

— Конечно, я поскользнулся. Если вы стоите на скользящем берегу реки и кто-то внезапно НАСКОЧИТ на вас сзади, вы поскользнетесь. А что вы еще можете предположить?

— Но кто это сделал? — спросил Ру.

Иа не ответил.

— Наверно, это был Тигра, — с тревогой сказал Питанок.

— Слушай, Иа, — спросил Пух, — он шутил или он нарочно? Я хочу сказать...

— Я сам об этом все время спрашиваю, надеждонок Пух. Даже на самом дне реки я не переставал спрашивать себя: «Что это — дружеская шутка или обдуманное нападение?» И когда я всплыл на поверхность, я ответил себе: «Макрое дело». Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

— А где был Тигра? — спросил Кролик.

Прежде чем Иа успел ответить, раздался громкий шорох, и из кавышек появился Тигра собственной персоной.

— Всем привет! — весело сказал Тигра.

— Здравствуй, Тигра! — сказал Крошка Ру. Кролик вдруг ужасно надзис.

— Тигра, — сказал он торжественно, — буди любезен, объясни нам, что сейчас произошло?

— Когда сейчас? — ответил Тигра, слегка смутившись.

— Когда ты наскачил на Иа и столкнул его в реку.

— Я на него не наскакивал.

— Ты на меня наскачил, — мирно сказал Иа.

— Нет, не наскакивал. У меня просто был кашель и я стоял случайно сзади Иа, и я сказал: ГРРРРР-ОПП-ПШШ-ШШШЩ!

— Ты что, Питанок? — спросил Кролик, помогая Питанку встать и отряхнуть пыль. — Все в порядке?

— Это я от неожиданности, — сказал Питанок дрожащим голосом.

— Вот это я и называю НАСКАКИВАТЬ, — сказал Иа, — налетать на людей неожиданно. Очень неприятная привычка. У меня нет возражений против пребывания Тигры в Реке, — продолжал он, — потому что это большой лес и в нем сколько угодно места для того, чтобы прыгать и скакать. Но я не понимаю, зачем он должен приходить в мой каменистый уголок леса и НАСКАКИВАТЬ на меня. Главнее, что я хочу услышать нет ничего особенно достопримечательного. Конечно, для тех, кто любит холод, сырость и колокольчи, в нем есть известная прелесть, но во всех остальных отношениях это самый обычный уголок, и если кому-нибудь пришла охота наска...

— Я не наскакивал, я кашлял, — сказал Тигра упрямое.

— На две реки в этом трудно разобраться, — заметил Иа.

— Так вот, — сказал Кролик, — все, что я мог сказать по этому поводу... Ах, вот идет Кристофер Робин, так что пусть он это скажет.

Кристофер Робин шел по лесной дорожке в таком солнечном и безоблачном настроении, как будто бы, например, дважды двенадцать — это пустыня, и думал о том, что, если он в такой день останет на нижнюю перекладину перил моста и наклонится над рекой, он вдруг узнает все-все на свете и тогда он расскажет все это Пуху, который пока еще знает не все на свете. Но когда он подошел к мосту и увидел всех своих друзей, он понял, что сегодня совсем не такой день, а совершенно другой — день, когда нужно что-то сделать.

— История такая: Кристофер Робин — начал Кролик, — Тигра...

— Ничего подобного, — сказал Тигра.

— Как бы то ни было, я оказался там, — сказал Иа.

— Но он же, наверно, не хотел этого, — сказал Пух.

— Он просто такой прытучий, — сказал Пятачок, — от природы.

— А ну попробуй насосси на меня, Тигра, — с жаром заявил Крошка Ру, — Иа, Тигра сейчас попробует насоснить на меня. Пятачок, ты как думаешь, кто...

— Ну, ну, — сказал Кролик, — я думаю, мы откажемся от мысли говорить всем гласу. Вопрос в том, что думает об этом Кристофер Робин.

— Я просто кашлянул, — сказал Тигра.

— Он насоснил, — сказал Иа.

— Ну, может быть, я немножко кашляком назвал Тигра.

— Тихо, — сказал Кролик, поднимая лапку. — Что думает обо всем этом Кристофер Робин? Вот в чем вопрос.

— Ну, — сказал Кристофер Робин, не очень понимая, о чем идет речь. — Я думаю...

— Ну-ну? — сказали все.

— Я думаю, что мы все сейчас пойдем играть в Пустыню.

Так они и сделали. И представьте себе, что Иа который никогда раньше не играл в эту игру, выигрывал чаще всех!

А Крошка Ру даже свалился в реку. Первый раз случайно, а второй раз нарочно, потому что он увидел, что из Леса выходит Кенга, и понял, что ему все равно придется сейчас отправиться спать. Кролик сказал, что он пойдет с ним, Тигра и Иа тоже ушли вместе, потому что Иа решил объяснить Тигру, как выигрывать в Пустыне. (Надо лупсать палочку с подковышкой, если ты понимаешь, что я хочу сказать, Тигра), а Кристофер Робин, и Пух, и Пятачок остались на мосту.

Долгое время они гадали вниз на реку, ничего не говоря, и Река тоже ничего не говорила, потому что ей было очень спокойно и хорошо в этот солнечный полдень.

— Тигра, в общении, настоящий ларец, — сказал Пятачок.

— Конечно, — сказал Кристофер Робин.

— Вообще все мы настоящие ребята, — сказал Пух. — Я так думаю, — добавил он. — Но я не уверен, что я прав.

— Конечно, ты прав, — сказала Кристофер Робин.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой Тигру укрощают

Кролик и Пятачок сидели возле парадной двери дома Винни-Пуха и слушали, что говорит Кролик. Винни-Пух тоже сидел с ними. Был дребезжащий летний полдень, и Лес был полон тихих, нежных звуков, и все они, казалось, говорили Пуху: «Не слушай Кролика. Слушай меня». Поэтому Винни занял самую удобную позицию для того, чтобы не слушать Кролика, и лишь время от времени открывал глаза и говорил: «Аю», а потом закрывал глаза снова и говорил: «Верно, верно!» Сам же Кролик то и дело очень серьезно спрашивал: «Ты понимаешь, что я имею в виду, Пятачок?», а Пятачок не менее серьезно кивал в ответ, чтобы показать, что он все-все понимает.

— Словом, — сказал Кролик, добравшись наконец до конца, — Тигра в последнее время стал таким большим Выходкой, что нам пора его укротить. А ты как считаешь, Пятачок?

Пятачок сказал, что Тигра действительно ужасно большой Выходкой, и если можно придумать, как его укротить, это будет Очень Хорошая Мысль.

— Я того же мнения, — сказал Кролик. — А ты что скажешь, Пух?

Пух, вздрогнув, открыл глаза и сказал:

— Крайне?

— Что крайнее? — спросил Кролик.

— То, что ты говорил, — сказал Пух. — Обсалютно!

Пятачок толкнул Пуха локтем в бок, и Пух, который все больше и больше чувствовал, что его куда-то уносит, медленно поднялся и начал приходить в себя.

— Но как нам это сделать? — спросил Пятачок.

— Нам надо дать ему хороший урок! — решительно сказал Кролик.

— Какой урок, Кролик?

— В этом-то и вопрос! — сказал Кролик.

Само «урок» пробудило в Винни-Пухе какие-то нежные воспоминания.

— Там было такая штука, которая называется «Жиддан» и еще «Юпяти», — сказал он. — Кристофер Робин как-то попытался познакомиться с ними, но только не вышло.

— Что не вышло? — спросил Кролик.

— Кто не вышел? — спросил Пятачок.

Пух покачал головой.

— Я не знаю, — сказал он. — Наверно, ничего не вышло. А о чем мы говорим?

— Пух, — сказал Пятачок укоризненно. — Ты что, не слушал, о чем говорил Кролик?

— Я слушал, но мне попала в ухо какая-то меховинка. Повтори пожалуйста, Кролик, ладно?

Кролик всегда был готов повторять все, что угодно, поэтому он спросил только, с какого места ему начинать, и Винни-Пух ответил, что, конечно, с того места, где мех попал ему в ухо. Тогда Кролик спросил, когда это было.

Пух ответил, что он точно не знает, потому что он не очень внимательно слушал.

Но тут Пятачок угадал дело, сказав, что они просто хотели придумать, как им опутить Тигру быть Выходкой, потому что хотя мы его все любим, но нельзя отрицать, что он ужасный Выходка.

— А-а, понимаю! — сказал Пух.

— Он слишком много прыгает, — сказал Кролик. — и он у нас допрыгается!

Пух попытался подумать, но все, что приходило ему в голову, было совершенно бесполезно. И он тихонько заколебал вот что:

Если бы Кролик был покрупнее,

Если бы Тигра был поспокойнее,

Глухие шеры

Нашего Тигра

Кролика бы

Не смущали лысикомед, —

Если бы только...

Если бы только...

Если бы только

Нашему кролику

Росли прибавить

Хоть малую толчку!

— Что там Пух солил? — спросил Кролик. — Что-нибудь толковое?

— Нет, — сказал Пух грустно, — бестолковое.

— Ну, а у меня есть идея, — сказал Кролик. — Вот как-нибудь возмем Тигру в лесок, заведем его куда-нибудь, где он никогда не был, и как будто потеряем его там, и на следующее утро мы спали его найдем и тогда — замечьте себе мои слова, — тогда Тигра будет уже совершенно не тот.

— Почему? — спросил Винни-Пух.

— Потому что он будет Скромный Тигра. Потому что он станет Грустным Тигрой, Маленьким Тигрой, Тихим и Вежливым Тигрой, Смирным Тигрой, Тигрой, который говорит: «Милый Кролик, как я рад тебя видеть!» Вот почему.

— А будет он рад видеть меня и Пятачка?

— Конечно!

— Это хорошо, — сказал Пух.

— Но я бы не хотел, чтобы он все время был Грустным, — сказал Пятачок нерешительно.

— А Тигры никогда не бывают все время грустными, — успокоил его Кролик. — Они удивительно легко снова приходят в хорошее настроение. Я как раз спрашивал Сола — просто для проверки, — и она подтвердила, что она удивительно легко приходит в него. Но если нам удастся заставить Тигру любить Маленьким и Грустным хотя бы пять минут, мы уже сделаем доброе дело.

— А что сказал бы об этом Кристофер Робин? — спросил Пятачок.

— Вот что, — сказал Кролик. — Он сказал бы: «Пятачок, ты сделал доброе дело. Я бы сам его сделал, если бы я не был так занят. Спасибо тебе, Пятачок. И Пуху спасибо, конечно».

Пятачок ужасно обрадовался и окончательно поверил, что они сделали доброе дело, и раз и Винни-Пух и Кролик будут в нем участвовать, то в этом добром деле может участвовать даже и Очень Маленькое Существо и перед этим спокойно выспаться.

После этого осталось разрешить единственный вопрос — где им как будто потерять Тигру?

— Мы заведем его к Северному Полюсу, — сказал Кролик, — потому что ведь Северный Полюс мы очень долго открывали, значит, Тигре придется очень, очень, очень долго его закрывать! Ха-ха-ха!

Тут пришла очередь обрадоваться Винни-Пуху, потому что ведь это он первый нашел Северный Полюс, и когда они придут туда, Тигра увидит наалесь, которая гласит:
ОТКРЫТ ВИННИ-ПУХОМ ПУХ ЕГО НАЩЕЛ.

И тогда Тигра будет знать то, чего он сейчас, по-видимому, не знает, а именно, с какими медведем он имеет дело. С Ай-аа-Медведем!

Было решено, что они выступят в поход завтра утром и что Кролик, который жил неподалеку от Кенги, Ру и Тигры, пойдет сейчас домой и спросит Тигру, что он завтра собирается делать, потому что если он ничего не собирается, то как насчет того, чтобы отправиться на прогулку и захватить с собой Пуха и Пятачка? И если Тигра скажет: «Да», то все в порядке, а если он скажет: «Нет»...

— Он не скажет, — сказал Кролик. — Положитесь на меня!

И он отправился в путь, не теряя времени. На завтра погода очень изменилась. Можно сказать, что она превратилась в непогоду. Вместо солнца и тепла — холод и туман.

Самому Пуху было не страшно, но когда он себе представил весь мед, который лился на сегодня, ему стало их страшно жаль. Он сообщал это Пятачку, когда тот зашел за ним, а Пятачок сказал, что он думал не столько об этом, сколько о том, как холодно и грустно будет тому, кого как-будто потеряет в этот день в чаще Леса. Но когда они с Пуком подошли к дому Кролика, Кролик сказал им, что день самый подходящий для их загов, потому что Тигра всегда высматривает вперед, и как только он скроется из виду, они все убеют в сторону и он никогда их больше не увидит.

— Совсем никогда? — спросил Пятачок.

— Да нет, до тех пор, пока мы не найдем его, Пятачок. До завтра или до еще когда-нибудь. Пошли. Он нас ждет.

Когда они подошли к дому Кенги, оказалось, что Крошка Ру, ближайший друг Тигры, тоже их ждет, и это портит все дело: но Кролик, прикрыв рот ладошкой, шепнул Пуку: «Положитесь на меня», — и подошел к Кенге.

— Я думаю, что Ру лучше сегодня не ходить, — сказал он. — Сегодня не стоит.

— Почему? — спросил Ру. (Хотя предполагалось, что он не слышит.)

— Ужасный день, — сказал Кролик, качая головой. — Промозглая сырость. Холод. А ты сегодня утром кашлял.

— Откуда ты знаешь? — с недоумением спросил Крошка Ру.

— Дорогой мой, а ты мне даже не сказал! — укоризненно сказала Кенга.

— Это был Вискиливый Иашель, — сказал Ру. — Вискиливый, а не такой, о котором рассказывает маман.

— Я все же думаю, что сегодня не стоит дорогой. Как-нибудь в другой раз!

— Тогда завтра? — спросил Ру голосом, полным надежды.

— Посмотрим, — сказала Кенга.

— Ты всегда смотришь и ничего потом не бывает, — печально сказал Крошка Ру.

— В такой день ничто ничто не может рассмотреть, — сказал Кролик. — Я полагаю, мы пойдем не очень далеко, и к обеду все мы... мы все... мы... Ах, Тигра, это ты. Пошли! Вого хорошего, Ру! Посадь обеда мы... Пошли, Пуки все готовы? Отлично. Пошли.

И они пошли. Сначала Пух, Кролик и Пятачок шли рядом, а Тигра носился вокруг них, описывая большие круги, потом, когда тропинка стала уже, Кролик, Пятачок и Пух пошли гуськом, друг за другом, а Тигра описывал вокруг них петли, и, наконец, когда по обе стороны тропинки встала колонная стена мертвого леса, Тигра то убежал далеко вперед, то возвращался, иногда налетая на Кролика, а иногда и нет. И чем дальше они шли, тем гуще становился туман, так что Тигра стал по временам пропадать, и в тот самый момент, когда вы думали, что его уже совсем нет, он появлялся, выпаливая: «Чего же вы? Ходите!» — и, прежде чем вы успевали что-нибудь ответить, снова исчезал.

Кролик обернулся и подтолкнул Пятачка.

— В следующий раз! — сказал он. — Порадай Пуку.

— В следующий раз! — сказала Пятачок Пуку.

— Чего в следующий? — сказал Пух Пятачку.

Тигра неожиданно появился, налетел на Кролика и снова исчез.

— Пора, — сказал Кролик.

Он свернул в прогалу, пересекающую тропинку, и Пух и Пятачок помчались за ним. Они притаились в высоком папоротнике, прислушиваясь. В Лесу было очень, очень тихо. Они ничего не видели и ничего не слышали.

— Тсс!... — сказал Кролик.

— Я и так, — сказал Пух.

Раздался топот... И снова наступило молчание.

— Эй! — сказала Тигра так близко от них и так неожиданно, что Пятачок, наверно, подскочил бы если бы не оказалось, что на большей его части сидит Пух.

— Где вы? Ах! — кричал Тигра.

Кролик подтолкнул локтем Пука, и Пух оглянулся в поисках Пятачка, чтобы подтолкнуть его локтем, и не нашел его, а Пятачок продолжал вдыхать запах сырого папоротника, стараясь дышать как можно тише, и чувствовал себя очень храбро.

— Чувств! — сказал Тигра.

Наступила тишина, и спустя несколько мгновений они услышали его удивляющийся топот.

Они подождили ли еще немножко, и в Лесу снова стало тихо — так тихо, что еще чуточку, и им стало бы страшно.

Кролик встал и потянулся.

— Ну? — шепнул он с гордостью. — Выдали? Все, как я говорил!

— Я вот думаю, — сказал Пух, — и я думаю...

— Нет, — сказал Кролик, — не надо. Божина. Пошли!

И все они во главе с Кроликом пустились наутек.

— А теперь, — сказал Кролик, когда они порядочно пробежали, — мы можем поговорить. Что ты хотел сказать, Пух?

— Да ничего особенного. А почему мы сюда идем?

— Потому что эта дорога домой.

— А-а! — сказал Пух.

— А по-моему, нам надо взять правее, — тревожно сказал Пятачок. — А ты что думаешь, Пух?

Пух посмотрел на свои передние лапки. Он знал, что одна из них была правая, знал он, кроме того, что если он решит, какая из них правая, то остальные будут левая. Но он никак не мог вспомнить, с чего надо начать.

— Ну... — начал Пух нерешительно.

— Пошли! — сказал Кролик. — Я отлично знаю дорогу!

Они пошли. Спустя десять минут они снова остановились.

— Очень смешно, — сказал Кролик, — но мне вдруг пока... Ах, конечно. Пошли!...

— Ну, вот мы и тут, — сказала Кролик спустя еще десять минут. — Нет, кажется...

— А теперь, — сказал Кролик спустя еще десять минут, — по-моему, мы должны быть у... или мы взяли немного правее, чем я думал?

— Прямо чудеса! — сказал Кролик спустя еще десять минут. — Почему это в тумане все выглядит так одинаково? Смешно! Ты заметил это, Пух?

Пух сказал, что заметил.

— Слева боти, что мы так хорошо знаем наш Лес, а то мы могли бы заблудиться! — сказал Кролик через полчаса. И он засмеялся так беззаботно, как может смеяться только тот, кто так хорошо знает Лес, что не может в нем заблудиться.

Пятачок чуточку приотстал и подобрался к Пуку сзади.

— Пуки! — шепнула он.

— Что, Пятачок?

— Ничего, — сказал Пятачок и учулился за лапку Пука. — Я просто хотел быть поближе к тебе.

Когда Тигра перестал жадить, что остальные найдут его, и когда ему надоело, что рядом нет никого, кому он мог бы сказать: «Эй, пошли, что ли!» — он подумал, что надо пойти домой. И он побежал назад. Первое, что сказала Кенга, увидев его, это: «А вот и наш милый Тигра! Как раз пора принимать рыбий жир!»

И она налила ему полную чашку. Крошка Ру с гордостью заявил: «А я уже принял», и Тигра, проглотив все, что было в чашке, сказал: «И я тоже», а потом он и Ру стали дружить только друг друга, и Тигра случайно перевернул один или два стула, нечаянно, а Крошка Ру случайно перевернул один, нарочно, и Кенга сказала:

— А ну пойдите побегайте,

— А куда нам бегать? — спросил Крошка Ру.

— Подумайте побольше, как поехать к вам домой, — сказала Кенга и ждала их возвращение.

Смелость и храбрость, ведь каждый день в лесу — опасность для жизни и смерти.

И они послушно отправились к Шести Соснам и стали ходить друг в друга шишками, и за этим приятным занятием забыли, зачем они пришли в Лес, и забыли заскочить корзинку под дерево, а сами отправились домой обедать.

Обед как раз подошел к концу, когда Кристофер Робин заглянул в двери.

— Где Пух? — спросил он.

— Тигра, детка, где Пух? — спросила Кенга.

Тигра стал объяснять, что произошло, и в то же самое время Крошка Ру стал объяснять про свой Бискупичный Кашель, а Кенга стала уговаривать их не говорить одновременно. Так что прошло немало времени, пока Кристофер Робин понял, что Пух, Пятачок и Кролик бродят где-то в тумане, заблудившись в Лесной Чаше.

— Смелого! — шептала Тигра Крошке Ру. — А вот Тигри никогда не могут заблудиться!

— А почему они не могут? Тигра?

— Не могут, и все тут, — объяснил Тигра. — Так уж они устроены!

— Что ж, — сказал Кристофер Робин. — надо пойти и отыскать их. Вот и все. Пошли, Тигра.

— А можно, я тоже пойду отыщу их? — востановлено спросил Ру.

— Я думаю, не сегодня, дорогой мой, — сказала Кенга. — как-нибудь в другой раз.

— Ну ладно. А если они заблудятся завтра, можно, я тогда отыщу их?

— Посмотрим, — сказала Кенга, и Крошка Ру, который отлично знал, что это означает, ушел в угол и начал упрямиться в прыжках, отчасти потому, что он хотел попрыгать, а отчасти потому, что он на ходу, чтобы Кристофер Робин и Тигра заметили, как он оторчен, что его не звали.

— Итак, — сказал Кролик, — мы умудрились заблудиться. Таковы факты.

Все трое отыскали в маленькой ямке с песком. Пуху ужасно надоела эта ямка с песком, и он серьезно подолбевал, что она просто-таки бежит за ними по пятам, потому что, куда бы они ни отправились, они обязательно наткнулись на нее. Каждый раз, когда она появлялась из тумана, Кролик торжествующе заявлял: «Теперь я знаю, где мы!».. а Пух грустно говорил: «Я тоже». Пятачок же вообще ничего не говорил, он старался придушить, что бы такое ему сказать, но единственного, что ему пришло в голову, это: «Послушайте, спасители» — а говорить это было бы, наверно, глупо, ведь с ними были Пух и Кролик. Все долго молчали.

— Ну что ж, — сказал Кролик, по-видимому, все это время напрасно ожидавший, что его поблагодарят за приятную прогулку. — Пожалуй, надо идти.

— А что, если... — начал Пух не спеша, — если, как только мы потеряем эту Яму из виду, мы постараемся опять ее найти?

— Какой в этом смысл? — спросил Кролик.

— Ну, — сказал Пух, — мы все время ищем Дом и не находим его. Вот я и думаю, что если мы будем искать эту Яму, то мы ее обязательно не найдем, потому что тогда мы, может быть, найдем то, чего мы как будто не ищем, а оно может оказаться тем, что мы на самом деле ищем.

— Но вижу в этом большого смысла, — сказал Кролик.

— Нет, — сказал Пух скромно. — его тут нет. Но он собирался тут быть, когда я начинал говорить. Снежино, с ним что-то случилось по дороге.

— Если я пойду прочь от этой Ямы, а потом пойду обратно к ней, то, конечно, я ее найду, — сказал Кролик.

— А вот я думаю, что, может быть, ты ее не найдешь, — сказал Пух. — Я почему-то так думаю.

— Ты попробуй, — сказал неожиданно Пятачок. — а мы тебя тут подождем.

Кролик фыркнул, чтобы показать, какой Пятачок глупый, и сержался в тумане. Оттуда шло сто, он повернулся и пошел обратно... И после того, как Пух и Пятачок прождали его двадцать минут, Пух встал.

— Я почему-то так и думаю, — сказал Пух. — А теперь, Пятачок, пойдем домой.

— Пух!.. — закричал Пятачок, дрожа от волнения. — Ты разве знаешь дорогу?

— Нет, — сказал Пух, — но у меня в буфете двенадцать горшков с медом, и они уже очень давно зовут меня. Я не мог как следует их расслышать, потому что Кролик все время тараторил, но если все, кроме этих двенадцати горшков, будут молчать, то я думаю, Пятачок, я узнаю, откуда они меня зовут. Идем!

Они пошли, и долгое время Пятачок молчал, чтобы не перебивать горшки с медом, и вдруг он легонько пошептал... а потом сказал: «О-о-о, потому что начал узнавать, где они находятся. Но он все еще не осмеливается сказать об этом громко, чтобы не испортить дело. И как раз в тот момент, когда он уже был настолько в себе уверен, что стало невозможно слышать ли горшки или нет, впереди послышался оклик, и из тумана вынырнул Кристофер Робин.

— Ах, вы здесь, — сказал Кристофер Робин небрежно, стараясь сделать вид, что он несколько не волновался.

— Мы здесь, — сказал Пух.

— А где Кролик?

— Я не знаю, — сказал Пух.

— Да? Ну, я думаю, Тигра его найдет. Он, кажется, пошел вас всех искать.

— Хорошо, — сказал Пух. — Мне нужно идти домой, чтобы подариться, и Пятачку тоже, потому что мы до сих пор не подаривались им..

— Я вас провожу, — сказал Кристофер Робин. Он проводил Пуха домой и пробыл там очень немалое время.

И все это время Тигра носился по Лесу, громко рыла, чтобы скорее найти Кролика.

И, наконец, очень Маленький и Грустный Кролик услышал его. И этот Маленький и Грустный Кролик очнулся на голос оковы туман, и голос неожиданно превратился в Тигру: в Доброго Тигру, в Большого Тигру, в Спасительного и Выручательного Тигру, в Тигру, который высказывал — если он вообще высказывал — гораздо лучше всех Тигров на свете.

— Милый Тигра, как же я рад тебя видеть! — закричал Кролик.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой Пятачок совершает великий подвиг

На полпути от дома Винни-Пуха к дому Пятачка было Задумчивое Место, где они иногда встречались, когда им хотелось пообщаться и там было так тепло, и тихо, что они любили посидеть там немножко и подумать, чем же им заняться теперь, когда они уже повидались. Как-то, когда они с Пятачком решили ничем не заниматься, Пух даже придумал специальный стишок про это место, чтобы все знали, для чего оно предназначено:

Здесь любит Медведь:

Порой посидеть

И подумать:

«А чем бы таким заняться?»

Ведь он же — не Слон.

Поэтому он

Не может все время

Без дела слоняться!

И вот однажды, осенним утром, когда ветер ночью сорвал все листья с деревьев и старался теперь сорвать ветви, Пух и Пятачок сидели в Задумчивом Месте и думали, чем бы им заняться.

— Я думаю, — сказал Пух, — что я думаю вот что: нам нельзя бы сейчас пойти на Пухову Опущку и повидать ИА, потому что, наверно, его дом снесло ветром и, наверно, он обрывается, если мы его опять построим.

— А я думаю, — сказал Пятачок, — что я думаю вот что: нам нельзя было бы сейчас пойти и навестить Кристофера Робина, только мы его не застанем, так что это нельзя.

— Пойдем навестим всех-всех-всех, — сказал Пух, — потому что, когда ты долго ходишь по холмоду, а потом вдруг увидишь кого-нибудь навестить и он тебе скажет: «Привет, Пух! Вот кстати! Как раз пора чем-нибудь подариться!» — это всегда очень-очень приятно!

Пятачок сказал, что для того, чтобы навестить всех-всех-всех, нужен серьезный повод — скажем, вроде организации Исклудилин, и пусть Пух что-нибудь придумает, если может.

Пух, конечно, мог.

— Мы пойдем, потому что сегодня четверг, — сказал он, — и мы всех поздравим и пожелаем им Очень Приятного Четверга. Пошли, Пятачок!

Дружно встали, но Пятачок сразу же снова сел, потому что он не знал, какой сильный ветер.

И когда Пух помог ему подняться, они двинулись в путь. По дороге первый попался им домик Пука, и, можете себе представить, когда они пришли, козлик — знакомый вам медвежонок Винни-Пух, — оказался дома и сразу же пригласил их войти и кое-чем подариться. Потом они отправились к дому Кенги, держась друг за друга и крича: «Ну это же сказка!», «Что, что?», «Я не слышу». И пока они добрались до Кенги, оба так замулились, что им пришлось задержаться у нее и еще раз позавтракать. Когда друзья вышли от нее, им показалось, что на дворе стало очень холодно, и они помчались со всех ног к дому Кролика.

— Мы пришли поздравить тебе Очень Приятного Четверга, — объявил Винни-Пух, после того как он раз-другой попробовал войти в дом и выйти наружу (чтобы удостовериться в том, что дверь Кролика не похрудела).

— А что, собственно, происходит в Четверг? — спросил Кролик.

И когда Пух объяснил что, а Кролик, чья жизнь состояла из Очень Важных Дел, сказал: «А-а. А я думаю, что вы действительно пришли по делу», — Пух и Пятачок на минуту присели... а потом ползли дальше. Теперь ветер дул им в спину, так что им не надо было так спешить.

— Кролик, — он умный! — сказал Пух в раздумьи.

— Да, — сказала Пятачок. — Кролик — он хитрый.

...

— у него настоящие мозги.

— Да, — сказал Пятачок, — у Кролика настоящие Мозги.

Наступило долгое молчание.

— Наверно, поэтому, — сказала наконец Пух, — наверно, поэтому-то он никогда ничего не понимает!

Кристофер Робин был уже дома, и он так обрадовался друзьям, что они пробили у него почти до обеда, и тогда они почти пообедали, то есть съели такой обед, о котором можно потом забыть! и поспешили на Пухову Опущку, чтобы успеть навестить Иа и не опоздать к Настоящему Обеду у Совы.

— Здравствуй, Иа! — весело оклинули они ослика.

— А, — сказал Иа, — заблудились?

— Что ты Иа! Просто зачелось тебя навестить, — сказал Пятачок, — и посмотреть, как поживает твой дом. Смотри, Пух, он все еще стоит!

— Понимаю, — сказал Иа, — действительно, очень странно. Да, пора бы уже кому-нибудь прийти и сказать его.

— Мы думали — а вдруг его повалит ветром, — сказал Пух.

— Ах вот что. Очевидно, поэтому никто не стал себе утруждать. А я думал, что о нем просто позабыли.

— Ну, мы были очень рады повидать тебя, Иа, а теперь мы пойдем навестим Сову.

— Отлично. Сова необыкновенно мила. Она пролетела мимо даче-два казад и даже заметила меня. Она, конечно, не сказала мне ни слова, понятное дело, но она знала, что это я. Очень любезно с ее стороны. Соответств. душу.

Пух и Пятачок стояли умились немного казад и сказали: «Ну, всего хорошего, Иа», очень стараясь не спешить, но ведь им предстоял далекий путь, и они хотели прийти вовремя.

— Всего хорошего, — сказал Иа, — Смотри, чтобы тебя не унесло ветром, маленький Пятачок. Тебя будет очень не хватать. Многие будут с живым интересом спрашивать: «Куда это унесло маленького Пятачка?» Ну, всего хорошего. Благодаря вас за то, что случайно проходили мимо.

— До свидания, — сказали Пух и Пятачок в последний раз и двинулись к дому Совы.

Теперь ветер дул им навстречу, и уши Пятачка трепались, как флажки, кто все-таки стараясь улететь от козана, с великим трудом продвигавшегося вперед. Ему казалось, прошли целую массу, пока он наконец застал свои уши под тенью свода. Леса, где они снова выпрямлись и прислушались — не без волнение — к вою бури в зарывших деревьях.

— Предположи, Пух, что дерево вдруг упадет, когда мы будем как раз под ним? — спросил Пятачок.

— Давай лучше предположим, что не упадет, — ответил Пух после некоторого размышления.

Это предположение утешило Пятачка, и спустя немного времени друзья весело, наперебой, стучали и звонили у двери Совы.

— Здравствуй, Сове, — сказал Пух, — я надеюсь, мы не опоздали к... Я хочу сказать — как ты поживаешь. Сове? Мы с Пятачком решили тебя навестить, потому что ведь сегодня четверг.

— Сидишь. Пух, сидишь, сидишь. Пятачок, — сказала Сове радужно, — Устройтесь поудобнее.

Они поблагодарили ее и устроились как можно удобнее.

— Понимаешь, Сове, мы очень спешили, чтобы поспеть вовремя к... ну, чтобы успеть повидать тебя до того, как мы уйдем.

Сова с достоинством кивнула головой.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — сказала она, — но не права ли я, предполагая, что на дворе весьма бурный день?

— Бесме, — сказала Пятачок, который грел свои уши у огня, мечтая лишь о том, чтобы целым и невредимым вернуться домой.

— Я так и думала, — сказала Сове, — И вот как раз в такой же бурный день, как ныне, мой дядя Роберт. ией портрет ты выдвинул на стене по правую руку. Пятачок, — мой дядя Роберт, возвращаясь в полдень час с... Что это?

Раздался страшный треск.

— Берегись! — закричал Пух, — Осторожно, часу! Пятачок, с дороги! Пятачок, я на тебя подож!

— Спасите! — закричал Пятачок. Пухова сторона комнаты медленно поднималась вверх; его кресло съезжало вниз в направлении кресла Пятачка; станные часы плавно скользили по печи, собирая по дороге цветочные вазы, и наконец, все и вся дружно рухнуло на то, что только что было полом, а сейчас старалось выскочить, как оно справится с ролью стены.

Дядя Роберт, который, по-видимому, решил превратиться в коверик и закатил с собой заодно знакомую стену, налетал на кресло Пятачка в тот самый момент, когда Пятачок хотел оттуда вылететь.

Словом, некоторое время было действительно нелегко определить, где север... Потом вновь послышался страшный треск... вся комната лихорадочно задрожала... и наступила тишина.

В углу зашевелилась окатеря. Она свернулась в клубок и перекачнулась через всю комнату. Потом она подскочила раза два-три и выставила наружу два уха; вечно прокатилась по комнате и развернулась.

— Пух, — сказала черено Пятачок.

— Что? — сказала одно из кресел.

— Где мы?

— Я не совсем понимаю, — отвечало кресло.

— Мы... мы в доме Совы?

— Наверно, да, потому что мы ведь только что собирались выпить чаю и так его и не выпили.

— Ох! — сказал Пятачок, — Слушай, у Совы всегда почтовый ящик был на потолке?

— А разве он там?

— Да, погляд.

— Не могу, — сказал Пух, — я лежу носом вниз, и на мне что-то такое лежит, а в таком положении, Пятачок, очень трудно рассматривать потолок.

— Ну, в общем, он там.

— Может быть, он перекачал туза? — предположил Пух. — Просто для разнообразия.

Под столом в противоположном углу комнаты поднимался какое-то возне, и Сове опять появилась среди постей.

— Пятачок! — сказала Сове с очень рассерженным видом. — Где Пух?

— Я и сам не совсем понимаю, — сказал Пух.

Сове повернулась на звук его голоса и строго посмотрела на ту часть Пуха, которая еще была на виду.

— Пух, — с упреком сказала Сове, — это ты наделал?

— Нет, — кратко сказал Пух, — не думаю, чтобы я.

— А тогда кто же?

— Я думаю, это ветер, — сказал Пятачок. — Я думаю, твой дом повалило ветром.

— Ах, вот как! А я думала, это Пух устроил.

— Нет! — сказал Пух.

— Если это ветер, — сказала Сове, думая вслух, — то тогда Пух не виноват. Ответственность не может быть на него возложена.

С этими милостивыми словами она влетела, чтобы полюбоваться своим новым потолком.

— Пятачок, Пятачок! — позвал Пух громким шепотом.

Пятачок склонился над ним.

— Что, Пух?

— Что, она сказала, на меня воз-ло-жено?

— Она сказала, что она тебя не ругает.

— А-а, а я думаю, она говорила про... то, что на мне... А, понятно!

— Сове, — сказал Пятачок, — сойди вниз и помоги выбраться Пуху!

Сове, которая заботилась своим почтовым ящиком (а он был проволочный, и в двери была щель с надписью «Для писем и газет, только этой надписи сейчас не было видно, потому что она была снаружи) селела вниз.

Взвоем с Пятачком они долго толкали и дергали кресло, и наконец Пух вылез из-под него и смог оглядеться.

— Да, — сказала Сове, — Прелестное положение вещей!

— Что мы будем делать, Пух? Ты можешь о чем-нибудь подумать? — спросил Пятачок.

— Да, я как раз думаю кое о чем, — сказал Пух — Я думаю об одной маленькой вещице. — И он залез вверх, заглянул

Пыхтелю:

Я сказал на псу

И держал на весу

Задние лапы и все остальное..

Цирковой акробат

Был бы этому рад,

Но Медведь — это дело шлово!

И потом я свалился,

А сам притворился:

Как будто решил отдохнуть среди дик.

И, лежа на пне,

Я вспомнил о Музе,

Но она лавила (Лавта (меня).

Чем дыкоти...

Уж если,

Устроившись в кресле,

И то не всегда мы владеем отхоим, —

Что же может вам слето.

Несчастный Медведь,

На которого Красна усаюсь верном!

— Вот и все! — сказал Пух.

Сова недобреительно кашлянула и сказала, что если Пух уверен, что это действительно все, то они могут посвятить свои умственные способности Проблема Поисква выжид.

— Ибо, — сказала Сова, — мы не можем выйти посправадом того, что обычно было наружной дверью На нее что-то ушло.

— А как же еще можно тогда выйти? — тревожно спросил Пятачок.

— Это и есть та Проблема,Пятачок, решение которой я просила Пука посвятить свои Умственные Способности.

Пух ухмылялся на пол (который когда-то был стеной), и уставился на потолок (который некогда был другой стеной — стеной с наружной дверью, которая некогда была наружной дверью), и постаралась посвятить им свои Умственные Способности.

— Сова, ты можешь взлететь к почтовому ящику с Пятачком на спине? — спросил он.

— Нет, — посетовно сказал Пятачок, — она не может, не может!

Сова стала объяснять, что такое Необходимая или Соответствующая Спинная Мускулатура. Она уже объясняла это когда-то Пуку и Кристоферу Робину и с тех пор ожидала удобного случая, чтобы повторить объяснения, потому что это такая штука, которую вы сможете объяснить два раза, не опасаясь, что кто-нибудь поймет, а чем вы говорите.

— Потому что, понимаете Сова, если бы мы могли посадить Пятачка в почтовый ящик, он мог бы проползнуться сквозь щель, в которую приходит письмо, и слезть с дерева и побегать за подмоной, — пояснил Пух.

Пятачок немедленно заявил, что он за последнее время стал ГОРАЗДО БОЛЬШЕ и вряд ли сможет пролезть в щель, как бы он ни старался.

Сова сказала, что за последнее время щель для писем стала ГОРАЗДО БОЛЬШЕ специально на тот случай, если придет большие письма, так что Пятачок, вероятно, сможет.

Пятачок сказал:

— Но ты говорила, что необходимая, как ее там называют, не выдержит.

Сова сказала:

— Не выдержит, об этом нечего и думать.

А Пятачок сказал:

— Тогда лучше подумаю о чем-нибудь другом, — и первым подай пример.

А Пух вспомнил тот день, когда он спас Пятачка от потолка и все им так воссоздались и так как это выладало ему не часто, он подумал, как хорошо было бы, если бы это сейчас повторилось, и — как обычно, неожиданно — ему пришла в голову мысль.

— Сова, — сказал Пух, — я что-то придумал.

— Сообразительный и изобретательный Медведь! — сказала Сова.

Пух присогласился, услышав, что его называют Порядочным и Забрдагательным Медведем, и скромно сказал, что да, эта мысль случайно забрела к нему в голову.

И он изложил свою мысль.

— Надо править веревку к Пятачку и взлететь к почтовому ящику, держа другой конец веревки в клюке; потом надо просунуть бечевку сквозь проволоку и опустить ее на пол, а еще потом мы с тобой потянем изо всех сил за этот конец, а Пятачок потянутому подымется вверх на том конце — и дело в шляпу!

— И Пятачок в ящике, — сказала Сова. — Если, конечно, веревка не обрвется.

— А если она обрвется? — спросил Пятачок с неподдельным интересом.

— Тогда мы возьмем другую веревку, — утешил его Пух.

Пятачок это не очень обрадовался, потому что кто-нибудь будет разные веревки, падать будет все тот же самый Пятачок; но, уви, ничего другого никто не мог придумать...

И вот, мысленно погрязавшим со счастливыми временами, проведенным в Лесу, с тем временем, когда его никто не подтягивал к потолкам на веревках, Пятачок храбро кивнул Пуку и сказал, что это Очень Умный Пят-пят-пят, Умный Пят-пят-пят.

— Она не порвется — шепнул ободряюще Пух, — потому что ведь ты Маленькое Существо, а я буду стоять внизу, а если ты нас всех спасешь, — это будет Великий Подвиг, о котором долго не забудут, и, может быть, я тогда сочини про это Песню, и все будут говорить: «Пятачок совершил такой Великий Подвиг, что Пуку пришлось сочинить Хвалебную Песню!»

Тут Пятачок почувствовал себя гораздо лучше, и, когда все было готово и он начал плавно подниматься к потолку, его охватила такая гордость, что он, конечно, закричал бы: «Вы подглядите на меня», если бы он не опасался, что Пух и Сова, забавовавшись им, выпустят свой конец веревки.

— Пошли, — весело сказал Пух.

— Подъем совершается по заранее намеченному плану, — ободряюще заметила Сова.

Вскоре подым был окончен. Пятачок открыл ящик и прополз внутри, затем, отозвавшись, он начал протискиваться в щель, сквозь которую в добрые старые времена, когда входные двери были входными дверями, входило, бывало, много неожиданных писем, которые хозяйка вдруг получала от некоей Совы.

Пятачок протискивал себя и протаскивал себя, и, наконец, совершив последний натиск на щель, он оказался снаружи.

Счастливым и возмужавшим, он на минуту задержался у входа, чтобы проплатить пленникам слова утешения и привет.

— Все в порядке! — закричал он в щель. — Твое дерево совсем повалилось, Сова, а на двери лежит большой сук, но Кристофер Робин с моей помощью сможет его отодвинуть и мы принесем канат для Пука, а пойду и скажу ему сейчас, а вниз я могу слезть легко, то есть это опасно, но я не боюсь и мы с Кристофером Робиним вернемся приблизительно через полчаса. Пока, Пух! — И, не ожидая ответа Пука: «До свидания, Пятачок, спасибо», он исчез.

— Пошла, — сказала Сова, устранивась поуаблие. — Значит, у меня как раз есть время, чтобы закончить повесть, которую я начала рассказывать, — повесть о дяде Роберте, ней подруге ты видишь внизу под собой, милый Винни. Припомним сначала на чем я остановилась? Ах да! Был как раз такой же бурный день, как ныне, когда мой дядя Роберт... Пух закрыл глаза.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, в которой Иа находит Совешник и Сова переезжает

Винни-Пух забрел в дремучий Лес и остановился перед домом Совы. Теперь он был совершенно не похож на дом. Теперь он выглядел просто как поваленное дерево; а когда дом начинает так выглядеть-значит, хозяйку пришло время попытаться переменить адрес.

Сегодня утром Пух обнаружил у себя под дверью Таинственное Служанье, которое гласило:

Я иду новый адресок для

Совы ты тоже Кролик.

И, пока он раздумывал, что бы это такое могло значить, пришел Кролик и прочел ему вслух.

— Я и для остальных приспособил такое письмо, — сказал Кролик. — Распечатай их, о чем речь, и все они тоже будут искать новый адресок, то есть дом для Совы. Равнин, очень слезу, всего хорошеет!

И он убежал.

Пух не спеши погнался за ним. У него было дело посерьезнее, чем поиски нового дома для Совы; ему нужно было сочинить Хвалебную Песню — Кричалку — про ее прежний дом.

Ведь он обещал это Пятачку много-много дней назад, и с тех пор, когда бы они с Пятачком ни встречались, Пятачок, правда, ничего не говорил, но было сразу понятно, о чем он не говорит; и если кто-нибудь упоминал Песню (Кричалку), или Деревья или Веревки, или Молчанье Бури, Пятачок сразу весь розовел, начиная с кончика носа, и постешно заговаривал о чем-нибудь совсем другом.

«Но это не так-то легко, — сказал Винни-Пух про себя, продолжая глядеть на то, что было некогда Домом Совы. — Ведь Позина, Кричалки — это не такие вещи, которые вы находите, когда ходите, эти вещи, которые находят на вас, и все, что вы можете сделать, — это пойти туда, где они могут вас найти».

И Винни-Пух терпеливо ждал...

— Ну, — сказал он после долгого молчания, — я могу, пожалуй, начать! «Вот здесь лежит большущий стул, потому что ведь он же тут лежит, и посмотрю, что выйдет. Вышло вот что:

ХВАЛЕБНАЯ ПЕСНЯ

(Кричалка)

Вот здесь лежит большущий стул.

А он стоял вверх головою,
И в нем Медведь беседу вел
С его казайкою (Соваю).
Тогда не знал никто-никого,
Что вдруг случится ужас что!
Увы! Свиротой Ураган
Взревел — и повалил Каштан!
Другие мои! В тот страшный час
Никто-никто бы нас не спас.
Никто бы нам бы не помог,
Каждо б не Храбрый Пятачок!
— Смерди! — он громко промолвил —
Друзья, скорей найдите прос
(допустил, поспешный шлоаэт,
А лучше — тапачный кланет).
И знайте: пусть грозит беда,
Для Смысла выход есть всегда!
И вот верой вонесся ввысь,
Туда, туда, где брезжил свет: —
Слова: цель! Для Писем и Газет!
Хоть все от ужаса трясилось
И говорили «Ой» и «Ах», —
Герои был неведом страх!
О Храброго, ХРАБРЫЙ ПЯТАНОК!
Дражались он? О чем? О чем?
Нет, он влетел под потолок
И влез в «Для писем и газет»,
Он дрых лед, но он прелез!
И смелое устроилось в Лес!
Дя, он, как молния, мелькнул,
Крича: — Спасите! Караул!
Сова и Пух в плечу. Беда!
На помощь! Все-Все-Все сюда! —
И Все-Все-Все (это баюкать маз)
Полыкались, не жалея нас!
И вскоре Все-Все-Все пришла
(не просто, а на лапаче к нам),
И выскоч тут же мы вышли
(вернее, он нырнулся сам).
Так слезься, слезься на века
Великий Подвиг Пятачок!
— Вот, значит, как, — сказал Пух, пропав все это трижды. — Вышло же то, чего я ожидал, но что-то вышло. Теперь надо пойти и спеть все это Пятачку.
«Я ищу новый адрес для Совы ты тоже Кролик»
— Что все это значит? — спросил Иа.
Кролик объяснил.
— А в чем дело с ее старым домом?
Кролик объяснил.
— Мне никогда ничего не рассказывают, — сказал Иа. — Никто меня не информирует. В будущую пятницу, по моим подсчетам, исполнится семнадцать дней с тех пор, как со мной в последний раз говорили.
— Ну, семнадцать — это ты преувеличиваешь...
— В будущую пятницу, — пояснил Иа.
— А сегодня суббота, — сказал Кролик, — значит, всего одиннадцать дней. И, кроме того, в лично был тут неделю назад.
— Но беседы не состоялась — сказал Иа. — Не было обмена мнениями. Ты сказал «здорово!» и промчался дальше. Пока я обдумывал свою реплику, твой хвост мелькнул шаге за сто отсюда на юголе. Я хотел было сказать: «Что? Что?» — но понял, конечно, что уже поздно.
— Ну, я очень спешил.
— Должен говорить сперва один, потом другой, — продолжал Иа. — По порядку. Иначе это нельзя считать беседой. «Здорово!» — «Что, что?» На мой взгляд, такой обмен репликами ничего не дает. Особенно если когда приходит ваша очередь говорить, вы видите только хвост собеседника. И то еле-еле.
— Ты сам виноват, Иа. Ты же никогда ни к кому из нас не приходишь. Сидишь как сын в своем углу и ждешь, чтобы все остальные пришли к тебе. А почему тебе самому к нам не зайти?
Иа задумался.
— В твоих словах, Кролик, пожалуй, что-то есть, — сказал он наконец. — Я действительно пренебрегал законами общекитая. Я должен больше обращаться. Я должен отвечать на визиты.
— Правильно, Иа. Заходи к любому из нас в любое время, когда тебе захочется.
— Спасибо, Кролик. А если кто-нибудь скажет Громким Голосом: «Спеть Иа притащился!» — то ведь я могу и выйти!
Кролик нетерпеливо переминался с ноги на ногу.
— Ну ладно, — сказал он, — мне пора идти. Я порядком занят сегодня.
— Всего хорошего, — сказал Иа.
— Как? А всего хорошего? Если ты случайно набредешь на хороший дом для Совы, ты нам сообщи обязательно.
— Обещаю, — сказал Иа.
И Кролик ушел.
Пух разыскал Пятачка, и они вдвоем побрели снова в Древний Лес.
— Пятачок, — застенчиво сказал Пух после того как они долго шли молча.
— Да, Пух!
— Ты помнишь, я говорил — надо сочинить Хвалёбную Песню (Кричалку) насчет Ты Знаешь Что.
— Правда, Пух? — спросил Пятачок, и носик его порозовел. — Ой, нуужели ты правда сочинишь?
— Она готова, Пятачок.
Розовая краска медленно стала заливать уши Пятачка.
— Правда, Пух? — хрипло спросил он. — Про... про... тот случай, когда?... Она правда готова?
— Да, Пятачок.
Кончики ушей Пятачка запылали: он попытался что-то сказать, но даже после того, как он раза два прокашлялся, ничего не вышло. Тогда Пух продолжил:
— В ней семь строк.
— Семь? — переспросил Пятачок, стараясь говорить как можно небрежнее. — Ты ведь не часто сочиняешь Кричалки в целых семь строк, правда, Пух?
— Никогда, — сказал Пух. — Я думаю, что такого случая никогда не было.
— А Все-Все-Все уже слышали её? — спросил Пятачок, на минуту остановившись лишь затем, чтобы поднять палочку и закинуть ее подмышку.
— Нет, — сказал Пух. — Я не знаю, как тебе будет приятнее: если я спою ее сейчас, или если мы подождем, пока встретим Все-Все-Все, и тогда споем её. Всем сразу.
Пятачок нейного подумал.

— Я думаю, мне было бы всего приятнее Пух, если бы ты спел ее мне сейчас... а потом спел ее Всем-Всем-Всем, потому что тогда они ее услышат, а я скажу: «Да, да, Пух мне говорил», и сделаю вид, как будто я не слушаю.

И Пух спел ему Хвалёбную Песню (Кричалку) — все о ней строф. Пятачок ничего не говорил — он только стоял и краснел. Ведь никогда еще никто не пел Пятачку, чтобы он «Сканился, сканился на венах». Когда песня кончилась, ему очень захотелось попросить спеть одну строфу еще раз, но он постеснялся. Это была та самая строфа, которая начиналась словами: «О Храбрый, Храбрый Пятачок». Пятачок чувствовал, что начало этой строфы особенно удалось!

— Неужели я правда все это сделал? — сказал он наконец.

— Видишь, ли, — сказал Пух, — в поэзии — в стихах... Словом, ты сделал это, Пятачок, потому что стихи говорят, что ты это сделал. Так считается.

— Ой! — сказал Пятачок. — Ведь я... мне кажется, я немножко дрожал. Конечно, только сканила. А тут говорится: «Дрожал ли он? О нет, о нет!» Вот почему я струсил.

— Ты дрожал про себя, — сказал Пух, — А для такого Маленького Существа это, пожалуй, даже храбрее, чем совсем не дрожать.

Пятачок вздохнул от счастья. Так, значит, он был храбрым!

Подойдя к выщепу дому Совы, они застали там Бокс-Бокс-Бокс, за исключением Иа. Кристофер Робин всем объяснял, что делать, и Кролик объяснял всем то же самое, но тот случай, если они не расслышали, и потом они все делали это. Они где-то раздобыли канат и вытаскивали стулья и картины, и всекие вещи из прежнего дома Совы, чтобы все было готово для переезда в новый дом. Кеня связывала узлы и поздравляла на Сову: «Я думаю, тебе не нужна эта старая грязная посудная тарелка. Прощай! И посудник тоже не годится, он весь дырявый», на что Сова с негодованием отвечала: «Конечно, он годится — надо только правильно расставить мебель! А это совсем не посудное полотенце, а моя шаль».

Крошка Ру поминуто не исчезал в доме, то появлялся откуда-нибудь на очередном предмете, который поднимали канатом, что несколько нервировало Кеню, потому что она не могла за ним как следует присматривать. Она даже накричала на Сову, заявив, что ее дом — это просто позор, там такая грязь! удивительно, что он не опрокинул дивана! Вы только посмотрите, как зарос этот угол, просто ужас! Там поганки! Сова унылась и посмотрела, а потом саркастически засмеялась и объяснила, что это так и что если уж не могут оглядеть самую обычную губку от поганок, то в хорошие времена мы живем!...

— Ну и ну, — сказала Кеня.

А Крошка Ру быстро вскочил в дом, пища:

— Мне нужно, нужно посмотреть на губку Совы! Ах, вот она! Ой, Сова, Сова, это не губка, а клева! Ты знаешь, что такое клева, Сова? Это когда твоя губка вся расклев!...

И Кеня сказала (очень постесня): «Ру, милый!» — потому что не полагается так разговаривать с тем, кто умеет написать слово «суббота».

Но все очень обрадовались, когда пришли Пух и Пятачок, и прекратили работу, чтобы немного отдохнуть и послушать новую Кричалку (Хвалёбную Песню) Пуха. И вот, когда Все-Все-Все сказали, какая это хорошая Хвалёбная Песня (Кричалка), Пятачок небрежно спросил:

— Правда, хорошенькая песенка?

— Ну, а где же новый дом? — спросил Пух. — Ты нашла его, Сова?

— Она нашла название для него, — сказал Кристофер Робин, лениво поковыряя травинку. — Так что теперь ей не хватает только дома.

— Я назву его вот как, — важно сказала Сова и показала им то, над чем она трудилась: квадратную дощечку, на которой было нарисовано:

САВЕЩИНИК

Как раз в этот заставляющий элемент что-то выскочил из-за Маши и налетел на Сову. Доска улетела на землю, и к ней выскочил Пятачок и Ру.

— Ах, это ты, — сказала Сова сердито.

— Здравствуй, Иа, — сказал Кролик. — Наконец-то. Где же ты был?

Иа не ответил на lika внимания.

— Доброе утро, Кристофер Робин, — сказал он толпе Ру и Пятачка и усидываясь на «Савещнике». — Мы одни?

— Да, — сказала Кристофер Робин, слегка улыбаясь.

— Мне сказали — крылатая весть долетела и до моего уюта! Леса — сырая лодина, которая никому не нужна, — что Неклая Особа ищет дом. Я нашел для нее дом.

— Молодец! — вежливо сказал Кролик.

Иа посмотрел на него через плечо и снова обратился к Кристоферу Робину.

— Между нами что-то такое было, — продолжал он трогая шепотом, — но неважно. Забудем старые обиды и покинутые мосты. Словом, если хочешь, Кристофер Робин, иди со мной, и я покажу тебе дом.

Кристофер Робин встал на ноги.

— Идем, Пух! — сказал он.

— Идем, Тигр! — крикнул Крошка Ру.

— Может быть, и мы пойдем, Сова? — сказал Кролик.

— Минутку, — сказала Сова, поднимая свою адресную дощечку, которая как раз освободилась.

Иа отрицательно покачал им передней ногой.

— Мы с Кристофером Робиним отправляемся на прогулку, — сказал он. — На прогулку, а не на толпучку! Если он хочет взять с собой Пуха и Пятачка я буду рад их обществу, но надо, чтобы мы могли Дышать.

— Ну что ж, отлично, — сказал Кролик, сообразив что ему наконец-то представился случай как следует покомандовать.

— А мы продолжим прогулку. За дело, друзья! Эй, Тигр, где кеня? — Что там такое, Сова?

Сова, только что обмишурившая, что ее новый адрес привратился из «Савещника» в «клеву», наподобие губки, строго кашанула в сторону Иа, но ничего не сказала, и Ослик, унося на себе значительную часть «Савещника», побрел вслед за своими друзьями.

И вскоре все они подошли к дому, который нашел Иа, но еще до того, как он показался, Пятачок стал подталкивать локтем Пуха, а Пух — Пятачка; они толкались и говорили друг другу: «Это он... — «Не может быть!», — «Да я тебе говорю, это он!»

А когда они пришли, это был действительно он.

— Вот! — гордо произнес Иа, останавливаясь перед домом Пятачка. — И дом, и табличка с надписью, и все прочее!

— Ой, ой, ой! — крикнул Кристофер Робин, не зная, что ему делать — смеяться или плакать.

— Самый подходящий дом для Совы. Как ты считаешь, маленький Пятачок? — спросил Иа.

И тут Пятачок совершил Благородный Поступок. Он совершил его как бы в полуне, вспоминая обо всех тех чудесных словах, которые спел про него Пух.

— Да, это самый подходящий дом для Совы, — сказал он вежливо. — Я надеюсь, что она будет в нем очень счастлива. — И он два раза проглотил слюну, потому что ведь и он сам был в нем очень счастлив.

— Что ты думаешь, Кристофер Робин? — спросил Иа не без трепета в голосе, чувствуя, что тут что-то не так.

Кристоферу Робину нужно было задать один вопрос и он не знал, как его задать.

— Ну, — сказал он наконец, — это очень хороший дом, и ведь если твой дом повалится ветром, ты должен куда-нибудь перебраться. Правда, Пятачок? Что бы ты сделал, если бы твой дом разрушил ветер?

Прежде чем Пятачок успел сообразить, что ответить, вместо него ответил Винни-Пух.

— Он бы переехал ко мне и жил бы со мной, — сказал Пух. — Правда же, Пятачок?

Пятачок покал его лапу.

— Спасибо, Пух, — сказал он. — С Большой радостью.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, в которой мы оставляем Кристофера Робина и Винни-Пуха в зачарованном месте

Кристофер Робин куда-то ушел. Совсем. Никто не знал, почему он уйдет, никто не знал, куда он уйдет, да, да — никто не знал даже, почему он знает, что Кристофер Робин уйдет. Но — по той или по иной причине — все в Лесу чувствовали, что это в конце концов должно случиться. Даже Сашка Букашка, самый крошечный Родственник из Знакомых Кролика, тот, который думал, что видел однажды ногу Кристофера Робина, но был в этом не вполне уверен, потому что он легко мог и ошибиться, — даже С. Б. сказал себе, что Положение Дев меняется, в Раню и Поздно (два других Родственника из Знакомых) сказали друг другу: «Ну, Раню!» и «Ну, Поздно!» — таким безнадёжным голосом, что было ясно — ожидать ответа нет никакого смысла.

И однажды, почувствовав, что он больше ждать не может, Кролик составил Сообщение, и вот что в нем говорилось:

Сообщение все-все-все встречаются возле дома на Пуховой опушке принимают Лизорицию слева по порядку номеров подлись Кролик.

Ему пришлось переписать это разе-два-три, пока он сумел заставить Лизорицию выглядеть так, как ей полагалось выглядеть с точки зрения Кролика: зато когда наконец этот труд был окончен, он обжал всех и всем прочел свое произведение вслух. Все-Все-Все сказали, что придут.

— Ну, — сказал Иа-Иа, увидев процессию, направляющуюся к его дому, — это действительно сюрприз. А я тоже приглашен? Не может быть!

— Не обращай внимания на Иа, — шепнула Кролик Пузу. — Я ему все рассказал еще утром.

Все спросило у Иа, как он поживает, и он сказал, что никак, не о чем говорить, и тогда все слезы и как только все устало, Кролик снова встал.

— Мы все знаем, почему мы собрались, — сказал он, — не я прислал моего друга Иа...

— Это я, — сказал Иа. — Звучит неплохо!

— Я прошу его предложить Лизорицию.

И Кролик слез.

— Ну давай, Иа, — сказал он.

— Прошу не торопить меня, — сказал Иа-Иа, медленно поднимаясь, — Прошу не нудавкачать.

Он вынул из-за уха свернутую трубкой бумажку и не спеша развернул ее.

— Об этом никто ничего не знает, — продолжил он, — это Сюрприз.

С достоинством откашлявшись, он снова заговорил.

— Слово, в общем и целом и так далее и тому подобное, прежде чем я начну, или, пожалуй, лучше сказать, прежде чем я кончу, я должен вам прочесть Поэтическое Произведение. Доселе... доселе — это трудное слово, означающее... Ну, вы сейчас узнаете, что оно означает. Доселе, как я уже говорил, доселе вся Поззия в лесу создавалась Пузом, Медведица с нилым характером, но разительным недостатком ума. Однако Позма, которую я намереваюсь прочесть вам сейчас, была создана Иа-Иа, то есть мною, в часы досуга. Если кто-нибудь отберет у младенца Ру реки, а также разбудит Сову, мы все сможем насладиться этим творением. Я называю его даже Стихотворением.

СТИХОТВОРЕНИЕ

СОЧИНИЛ ОСЕЛ ИА-ИА

Христофер Робин уходит от нас

Пр-чему, это факт.

Куда?

Никто не знает.

Но он уходит, увы!

Да, он нас покидает.

(Вот рифма к слову «человек».)

Мы все излучены

(Тут рифма к слову «чужий».)

Нам всем и правда грустно.

Терпеть все это трудно.

(Неловко?)

(Так и нет рифмы к слову «факт», «досадно».)

(А ведь теперь пора и рифму к слову

«Досадно», «досадно».)

(Пусть эти два «досадно» рифмуют друг

с другом, ладно?)

Я вижу —

Не так то легко написать

Очень хорошие стихи.

И лучше бы все

Сказала начесть,

Нам легче

Поставить точку..

Нет!

Христофер Робин,

Мы все здесь твои

Друзья..

(Не так?)

Мы все здесь друзья.

(Твой? Опять не так?)

В общем,

Прими на прощанье от всех

Пожеланье устел..

(Не так?)

Прими пожеланье устелое

От всех!

(Фу ты, вот неуклюжие слова,

Что-нибудь всегда получится не так?)

Слово,

Мы все тебе их желаем

Ты молодец!

КОНЕЦ

— Если кто-нибудь нежарен аплодировать, — сказал Иа, прочитав все это, — то время настало.

Все зааплодировало.

— Благодарю вас, — сказал Иа, — я приятно удивлен и тронут, хотя, возможно, аплодисментам и не хватает звучности.

— Эти стихи гораздо лучше моих, — с восторгом сказал Винни-Пух. И он действительно был в этом уверен.

— Что ж, — скромно объяснил Иа, — Так и было задумано.

— Лизориция, — сказал Кролик, — такал, что мы все это подлищем и отнесем Христоферу Робину.

И резолюция была подписана: Пух, Сова, Пятачок, Иа, Кролик, Кенга, Большая Клеща (это была подпись Титры) и Три Маленьких Клыксы (это было подпись Крошки Ру).

И Все-Все-Все отправились к дому Христофера Робина.

— Здравствуйте, друзья, — сказал Кристофер Робин. — Здравствуйте, Пух!

Все они сказали: «Здравствуй», и вдруг всем стало как-то грустно и не по себе — ведь получалось, что они пришли попрощаться с ним очень-очень не хотелось об этом думать. Они беспомощно сблизились в кучу, ожидая, чтобы заговорил кто-нибудь другой, и только подталкивали друг друга, шепча: «Ну, давай ты», и мало-помалу вперед вытеснили Иа, а все остальные столпились за ним.

— В чем дело, Иа? — спросил Кристофер Робин.

Иа покачал хвостом, очевидно желая себе подбодрить, и начал.

— Кристофер Робин, — сказал он, — мы пришли, чтобы сказать, чтобы передать, как это называется... считал один... но мы все — потому что мы слышали... и хочу сказать, мы все знаем, ну, ты понимаешь сам... Мы... Ты... Короче, чтобы не трепать много слов, вот! — Он сердито оглянулся на остальных и сказал: — Веса Лес тут собран! Совершенно нечем дышать! В жизни не видел такой бессмысленной толпы животных, и главное, все не там, где надо. Неужели вы не понимаете, что Кристоферу Робину хочется поговорить одному? Я пошел. И он поспал прочь.

Сами коротышечко не понимая почему, остальные тоже начали расходиться, и когда Кристофер Робин закончил чтение Скутотерения и поднял глаза, собирался сказать: «спасибо», перед ним был один Винни-Пух.

— Это очень трогательно, — сказал Кристофер Робин, складывая бумажку и убирая ее в карман. — Пойдем, Пух. — И он быстро шагнул по дороге.

— Куда мы идем? — спросил Пух, стараясь поспеть за ним и одновременно понять, что им предстоит. — Исследовать или еще какое-нибудь. Я не знаю что.

— Никуда, — сказал Кристофер Робин.

Что ж, они пошли туда и, после того как они прошли порядочный кусок, Кристофер Робин спросил

— Пух, что ты любишь делать больше всего на свете?

— Ну, — ответил Пух, — в больше всего люблю...

И тут ему пришлось остановиться и подумать, потому что хотя кушать мед — очень приятное занятие, но есть такая минутка, как раз перед тем как ты примешься за мед, когда еще приятнее, чем потом, когда ты уже ешь, но только Пух не знал, как эта минутка называется. И еще он подумал, что играть с Кристофером Робеном тоже очень приятное дело, и играть с Питачком — это тоже очень приятное дело, и вот когда он все это обдумал, он сказал:

— Что я люблю больше всего на всем свете — это когда мы с Питачком приходим к тебе в гости и ты говоришь: «Ну как, не пора ли подергаться?», а я говорю: «В би-би воздажал, а ты как, Питачок?», и день такой шумелочный, и все птицы поют. А ты что больше всего любишь делать?

— Это все я тоже люблю, — сказал Кристофер Робин, — но что больше всего я люблю делать — это...

— Ну, ну?

— Ничего.

— А как ты это делаешь? — спросил Пух после очень продолжительного размышления.

— Ну вот, например, тебя, как раз когда ты собираешься это делать: «Что ты собираешься делать, Кристофер Робин?», а ты говоришь: «Да ничего», а потом идешь и делаешь.

— А, понятно! — сказал Пух.

— Вот, например, сейчас мы тоже делаем такое ничеганосное дело.

— Понятно! — повторил Пух.

— Например, когда просто гуляешь, шаркаешь то, чего никто не слышит, и ни о чем не заботишься.

— А-а! — сказал Пух.

Они шли, думая о Том и о Сем, и постепенно они добрались до Закарованного Места, которое называлось Капитанский Мостик, потому что оно было на самой верхушке холма. Там росло шестидесять с чем-то деревьев, и Кристофер Робин знал, что это место закаровано, потому что никто не мог сосчитать, сколько тут деревьев — шестидесять три или шестидесять четыре, даже если он привязывал к каждой сосчитанному дереву кусочек бечевки.

Как полагается в Закарованном Месте, и земля тут была другая, не такая, как в Лесу, где росли всякие козляки и папоротники и лежали иголки; здесь она все росла ровной-ровной зеленой травкой, гладкой, как газон.

Это было единственное место в Лесу, где можно было сидеть спокойно и почитать и не надо было почти сразу же вскакивать в поисках чего-нибудь другого. Наверно, потому, что на Капитанском Мостике вы видели все-все на свете — во всяком случае, до того самого места, где, как кажется, надо слезиться с землей.

И вдруг Кристофер Робин начал рассказывать Пуху всякие интересные вещи — про людей, которых называют Королями и Королевами, и про еще какие-то, которые называются Куцями, и про то место, которое называется Берга, и про потерянный остров посреди моря, куда не приходят корабли, и как сделать Насос (если нужно), и как в Рыцарей посылать, и какие товары мы получаем из Бразилии. А Винни-Пух, прислонившись спиной к одному из шестидесяти с чем-то деревьев и сложив лапки на животе, говорил: «О-эк, и «А-а, понятно», и «Не может быть», и думал о том, как было бы чудесно, если бы в голове у него были не опилки, а настоящий ум. И мало-помалу Кристофер Робин рассказывал все, что знал, и запис и сидел, глядя с Капитанского Мостика на весь Белый Свет и желая, чтобы так было всегда.

А Пух продолжал размышлять, и вдруг он спросил Кристофера Робина:

— А это очень хорошо, когда тебя посятят?... В э-и... Ну, как ты говоришь?

— Чего? — спросил Кристофер Робин некто, словно прислушиваясь к кому-то другому.

— Ну, в э-и... на лошадей, — объяснил Пух.

— Посадят в Рыцари?

— Ах, вот как это называется, — сказал Пух.

— А я думал, это посяи... Ну ладно. Они не хуже Короля и Куцья и все остальных, про которых ты говорил!

— Ну, пониже Керола, — сказал Кристофер Робин, и тут же, заметив, что Пух, кажется, огорчен, он постеснялся добавить: — Но побольше Куцья!

— А Медведя тоже может стать им?

— Конечно, может! — сказал Кристофер Робин. — Я тебя сейчас посажу.

Он взял палочку и, слегка ударив Винни-Пуха по плечу, сказал:

— Встань, сэр Винни-Пух де Медведя, вернейший из моих рыцарей!

Поняв, Пух встал, и потом опять сел и сказал: «Спасибо», как полагается говорить, когда тебя посадили в Рыцари. И незаметно он снова задремал, и во сне он и Сэр Насос, и Сэр Остров, и Куцья жили все вместе, и у них была Лошадка, и все они были верными Рыцарями доброго короля Кристофера Робина (все, кроме Куцья, которые смотрели за Лошадкой). Правда, время от времени он качал головой и говорил про себя: «Я что-то перепутал». А потом он начал думать обо всех вещах, которые Кристофер Робин закончил рассказывать ему, когда вернется оттуда, куда собрался уходить, и как тогда трудно будет бедному Медведю с опилками в голове ничего не перепутать.

«И тогда, наверно, — грустно сказал он про себя, — Кристофер Робин не закончит мне ничего больше рассказывать. Интересно, если бы Верный Рыцарь, неужели ты должен быть только верным, и все, а рассказывать тебе ничего не будет?»

Тут Кристофер Робин, который все еще смотрел в пространство, подперев голову рукой, вдруг окликнул его:

— Пух!

— Что? — сказал Пух.

— Когда я буду... Когда... Пух!

— Что, Кристофер Робин?

— Мне теперь придется больше делать то, что я больше всего люблю.

— Никогда!

— Ну, может, иногда. Но не все время. Они не позволяют.

Пух ждал продолжения, но Кристофер Робин опять замолчал.

— Что же, Кристофер Робин? — сказал Пух, желая ему помочь.

— Пух, когда я буду... ну, ты знаешь... когда я уже не буду ничего не делать, ты будешь иногда приходить сюда?

— Именно я?

— Да, Пух.

— А ты будешь приходить?

— Да, Пух, обязательно. Обещаю тебе.

— Это хорошо, — сказал Пух.

— Пух, обещаю, что ты меня никогда-никогда не забудешь. Никогда-никогда! Даже когда мне будет сто лет.

Пух немного подумал.

— А сколько тогда мне будет?

— Давно-давно.

Дипломат. Ис.

4 мин.

Портрет Габриэля. Сестринский двор царя Алена

Александр Гринберг

6 мин.

Портрет Габриэля. Сестринский двор царя Алена

Хитрук Ф.С.

Новинки сайта

1 м.

Портрет Габриэля. Сестринский двор царя Алена

Астафьев В.П.

9 мин.

Портрет Габриэля. Сестринский двор царя Алена

Астафьев В.П.

11 мин.

Портрет Габриэля. Сестринский двор царя Алена

Астафьев В.П.

13 мин.

Портрет Габриэля. Сестринский двор царя Алена

Чайковская Л.В.

2 м.

Портрет Габриэля. Сестринский двор царя Алена

Чайковская Л.В.

19 мин.

Портрет Габриэля. Сестринский двор царя Алена

Чайковская Л.В.

32 мин.

Портрет Габриэля. Сестринский двор царя Алена

Павлова Л.

1 м.

Портрет Габриэля. Сестринский двор царя Алена

Осипова С.А.

8 мин.

Портрет Габриэля. Сестринский двор царя Алена

Богданов Н.

2 м.

Портрет Габриэля. Сестринский двор царя Алена

Богданов Н.

5 мин.

Портрет Габриэля. Сестринский двор царя Алена

Александр С.

6 мес.

[Лесникова](#)

[Матвеев А.](#)

4 мес.

[Шуба](#)

[Александр С. П.](#)

4 мес.

[Невинская](#)

[Александр С. П.](#)

6 мес.

[Посаки](#)

[Белкин В.В.](#)

19 мес.

[Как я хотел зану, сойти на мосты, на капище](#)

[Белкин В.В.](#)

2 мес.

[Мол. из уава](#)

[Белкин В.В.](#)

1 м.

[Сидельников и Голышев](#)

[Александр А. Г.](#)

2 м.

[Полный робот](#)

[Александр А. Г.](#)

5 м.

[Кот пишет. Сне. Сне пишет. Кот](#)

[Александр А. Г.](#)

19 мес.

[Вот, вернулся в клетку](#)

[Чепуров В.В.](#)

38 мес.

[Березин](#)

[Чепуров В.В.](#)

8 мес.

[Как мейн-кэмп в лесу, жидет](#)

[Чепуров В.В.](#)

6 мес.

[Рейс «Гастелло»](#)

[Богомолов В.О.](#)

4 мес.

бренды

вакансии

мастерская рера

подкасты

осторожно, мошенники

Россия

Лухбук

Outdoor Fest в Николае

Оферта

Мы в социальных сетях

Идеи подарков

Ленинград

Наши каналы

Подарки для ваших

Проекты в Красноя

сотрудников

Поляне

Библиотека Спорт-

Пари

Марарон

Школа туризма

Все права защищены.
2012-2024 © Спорт-
Марарон

Рейтинг магазина
★★★★★
Идеи Марарон

